

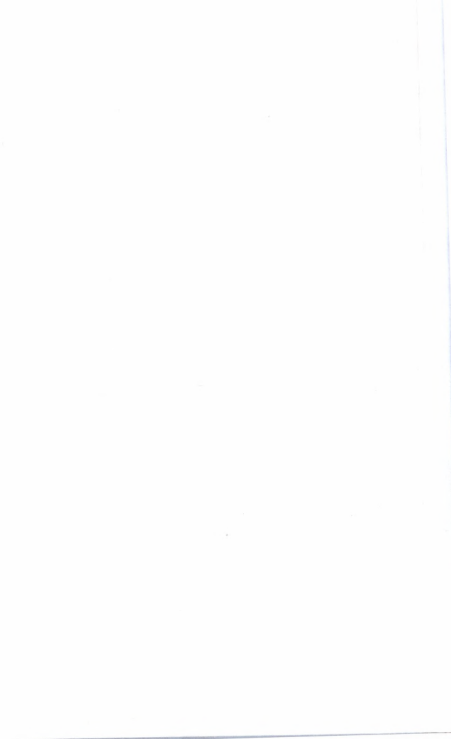
Валерия Алфеева

СВЯЩЕННЫЙ СИНАЙ

*Рассказы
о святых землях*

СВЯЩЕННЫЙ СИНАИ

ПАТМОС

Белые стены над красной пасхальной геранью.
Звон колокольчиков светлой предутренней ранью, —

гонит пастух своих коз на иссохшие травы.
Море под скалами — дымный опал без оправы.

Облако у горизонта — забытой строкою...
Сердце устало и хочет молчанья, покоя.

+ + +

Красные маки. Колючки. Крутые обрывы
и обведённый обрывами берег залива.

Скит мой забытый. Зброшенный сад.
Кактус. Колодец. Окно на закат.

Над Икаріей в закатный пожар
медленно падает огненный шар,

плавится бликами в синем стекле.
Плавится воском свеча на столе.

В самозабвение день погружён...
Светлою вечностью он окружён.

Валерия Алфеева

СВЯЩЕННЫЙ СИНАЙ

*Рассказы
о святых землях*

новоспасский мужской монастырь

ЭКСМО

Миссия Слова®

УДК 82-97
ББК 86.372
А 53

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви

Номер Издательского Совета – ИС 12-218-1556

В данном издании приведен текст по изданию «Паломничество на Синай. У мамврийского дуба. Великая Лавра Саввы Освященного. Священный Патмос» Новоспасского ставропигиального монастыря с незначительными изменениями

В книге использованы рисунки *А. Малягиной*,
буквицы выполнены архимандритом *Зиноном*

Дизайн обложки *Павла Ильина*

Алфеева В. А.

А 53 Священный Синай : Рассказы о святых землях / Валерия Алфеева. – М. : Эксмо, 2013. – 496 с. : ил. – (Религия. Рассказы о духовной жизни).

ISBN 978-5-699-63980-9

Эта книга – о паломничествах в древние монастыри Синай, Святой земли, на остров Патмос, где евангелист Иоанн Богослов получил откровение о новом небе и новой земле и написал Апокалипсис. Зримо, ярко переданные впечатления воскрешают в нашей памяти события Священной истории, судьбы великих святых, пророков, отшельников. Прошедшая и современная жизнь монастырей, библейские образы раскрываются в их непреходящем значении, в их вечной реальности, которая освящает наши души и восстанавливает разорванную связь времен. Книга рекомендована Издательским Советом Русской Православной Церкви.

УДК 82-97
ББК 86.372

© Алфеева В.А., текст, иллюстрация, 2013
© Фотобанк Лори, фото, 2013

ISBN 978-5-699-63980-9

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Содержание

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА СИНАЙ	9
Эйлат — Залив Акаба — Санта-Катарина ...	11
Базилика Преображения	23
Неопалимая Купина	35
Экспедиция в пустыню	46
Тарфа	59
Мозаика Преображения	67
Призвание Моисея	76
Рассвет на вершине горы Синай	89
Хорив	113
Синай в прежние века	122
Фаран — рай каменистой Аравии	138
Святая Екатерина	148
Россия и Синай. Царские милости	161
Таинство жизни и смерти	168
«Карамелла! Карамелла!»	183
Пещера святого Иоанна Лествичника, игумена Синайского	188
Лечебница души	200
Святой Григорий Синаит	216
Долина Леджа и монастырь Сорока мучеников	224

Кафизма Двенадцати апостолов	229
Скит святых Галактиона и Епистимии ...	234
Благовестие красоты	240
Литургия в часовне Неопалимой Купины	249
Раифа	263
Прощание	274

У МАМВРИЙСКОГО ДУБА	281
Долгий путь в Хеврон	283
Русский странноприимный дом	297
Всенощная и литургия в Хевронском храме	321
Гробница Авраама	340

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО	359
Источник в долине Плача	361
Весна в пустыне Святого града	373
Богоносцы	390
Страницы освященного жития	405
Благословение	415

СВЯЩЕННЫЙ ПАТМОС	425
Очертания монастырей в пейзаже	427
Пещера Апокалипсиса	439
Скит на берегу залива	445
Строки из свитка истории	450
Благословенная роща	457
Первая встреча с патмосским монахом	466
Церковь над обрывом	477
Продолжение Пасхи	484

*Посвящаю сыну –
митрополиту Илариону*

ПАЛОМНИЧЕСТВО

НА
СИНАЙ

Эйлат — Залив Акаба — Санта-Катарина

Господи, благослови меня донести свет
Твой с Синая.

Просвети изнутри слова мои, как пронизывает солнце зеленую веточку Неопалимой Купины, когда я вижу на просвет резную ткань листа в золотых прожилках, и световая кайма обводит его края. Тонкий ствол в шипах, резной трилистник на черешке слева, трилистник справа, кверху они все мельче... Веточка неброско увенчана тремя листьями, и средний из них поднят, как лепесток огня на подсвечнике.

На корне этого Тернового Куста утверждён престол часовни. На этом корне — неповторимый в литургической жизни случай — совершается Божественная литургия, как на мощах мучеников. И когда монахи поют: «Осанна в вышних!», за окном алтаря виден зеленый куст, горящий и не сгорающий в евхаристическом огне уже семнадцать веков.

Так вот она, неведомая Каменистая Аравия — третья Палестина...

Эйлат — Залив Акаба — Санта-Катарина

Справа от дороги поднимается багровая гряда гор и вершинами разрезает небо. Слева разлита глубокая синева Красного моря, неподвижная и матовая. Торжественная, безмолвная монотонность есть в пустынном пространстве, окрашенном в два ровных цвета — багровый и синий — под чистой небесной голубизной.

С непривычной скоростью поглощает дорогу автобус, огибая длинную дугу залива. Безжизненные обрывы отступают один за другим, открывая новые безжизненные обрывы. Они напоминают разломы пирамид, выстроенных в ряд и расколотых от вершины до основания с такой силой, что передняя половина провалилась под землю.

В доисторические времена два гигантских разлома — с северо-востока и северо-запада — пересеклись в Красном море, вырезав между Азией и Африкой треугольник Синайского полуострова. Воды затопили оба разлома, создав на востоке залив Акаба, на западе — Суэцкий залив. Северная часть полуострова, находившаяся под водой, поднялась высоким плато Эт-Тих, обрывающимся к обоим заливам. Новые разломы избородили твердь во всех направлениях, оставив глубокие скалистые ущелья — вади, и лавины схлынувших вод пронесли по ним к берегам.

На этом побережье, где-то не доезжая городка Нувейба, мне предстоит найти ночлег.

Два часа назад в пограничном пункте Таба мне открыли визу, и через узкую дверцу в воротах, мимо арабских солдат с автоматами я вышла из Израиля в Египет. Дымился жаром асфальт, одинокий автобус был взят в окружение бедуинами,

*Гора Синай с изображением Моисея, принимающего окрижания
Завета. Справа ангелы переносят на гору тело св. Екатерины.
XVII в.*

сменившими корабли пустыни — верблюдов — на разношенные такси. Трое из них, облаченные в длинные светлые одежды, похожие на прямые подрясники без пояса, двинулись ко мне. Бедуин с двумя черными обручами на голове, из-под которых ниспадало белое в красную клетку покрывало, затеняя черный блеск глаз, предложил отвезти в монастырь Санта-Катарина семь персон за сто пятьдесят долларов; другие согласно кивали головами, уверяя, что это хорошая цена.

Со мной не оказалось еще шести персон, — это было достаточно очевидно, — и мне в двадцать раз больше нравилась цена билета на автобус. Но шоферы с искренним удовольствием сообщили,

что автобуса сегодня уже не будет, а будет он завтра в десять утра.

С этой неожиданностью трудно было смириться. Взвалив на плечо багажную сумку, я подошла к шоферу автобуса, узнать, нельзя ли доехать с пересадками, но он только повторял одно и то же арабское слово, возможно, означавшее пункт его назначения, с каждым разом громче, как будто все дело было в том, чтобы я хорошо его расслышала. Темнело по эту сторону границы, очевидно, столь же быстро и рано, около пяти — оставалось три часа, чтобы найти ночлег: многозвездные гостиницы на границе предлагали его за астрономическую плату — сто тридцать долларов. Я сидела на скамье под навесом и ждала, откуда придет нечаянное избавление. Тревоги не было, была тихая надежда, что и на этом пути в монастырь Господь Сам все благословит и благоустроит.

По одному и парами возвращались шоферы, переходя от хорошей платы к лучшей для меня и еще лучшей, преподав тем самым первый урок о ценности выдержки в восточных договорах. Снизошли до половины запрошенной суммы, после чего потеряли как доброжелательность, так и всякий интерес к моей не умножающейся на семь персоне.

Выезжали из ворот автобусы с туристами и машины. Появился седой нестриженный путник в панаме и шортах, сутулящийся под рюкзаком, свалил свой груз рядом, и я спросила, не направляется ли он в монастырь. Он ответил, что там уже был, и посоветовал попытать счастья в отеле «Дворец Саладина» в пяти километрах, куда и он пока добирался.

По пути шофер-грек заметил, что этот дворец еще дороже, чем приграничные. Над полосой моря вырос островок с крепостными стенами, а между голым берегом и шоссе выстроились кубики домов: мнимый дворец унаследовал от руин лишь экзотическое название. Попутчик вышел, мне же шофер, как человек православный, дал первый на чужой земле полезный совет: ехать в лагерь для туристов, в Нувейбу.

Синева воды угасает, сгущается, а ровная гряда гор на другом, западном берегу залива еще подернута голубой и розовой светящейся мглой. Не шелохнувшись, темнеют надо мной склоненными опахалами пальмы на фоне бледно озаренного неба. И разбросанные под ними бунгало с зонтичными камышовыми крышами, и тусклое зеркало моря, повторившее разливы закатного света — все утопает в глубоком безмолвии и светлом сумраке, все очертания становятся призрачными, нереальными.

Вода уже прохладна, и погружение в нее после жары и дороги кажется блаженством. Я тихо плыву к полосе разлитого заката, она смыкается за мной. Обернувшись, я вижу, как гаснет берег, зажигаются желтые огни в кронах пальм. На песчаную полосу один за другим выходят три верблюда с завернутыми в покрывала бедуинами, медленная процессия проплывает над водой и растворяется в тенях у дальнего костра.

Я одна в нисходящей ночи, в незнакомом, таинственном пространстве — на Синайском побережье залива Акаба... Можно мысленно повторить это, но трудно в это поверить.

*Синайская пустыня.
Окрестности монастыря*

Выйдя к морю на ранней заре, я вижу на песке маленькую полукруглую палатку. Вчерашний попутчик приветствует меня взмахом руки: вооружившись фотоаппаратом, он ждет восхода солнца. Он говорит, что есть другой путь в монастырь, вдвое длиннее — через Дахаб, но вдоль берега, и рисует план на сыром песке: треугольник Синай, крестиком обозначенный монастырь почти посередине его узкой части, омываемой морем, Дахаб на берегу. Я решаю отправиться через Дахаб: часы и дни, когда я вижу море, — а их по милости Божией было много, — имеют для меня особую окрашенность. Иконописцы говорят, что синева это сконцентрированный свет, и в ней есть отражение не вечернего света, — наоборот, они правы.

Я рассматриваю эфемерное, почти символическое укрытие моего собеседника: в длину тела и

в метр высотой, с натянутой на изогнутые трубки сквозящей тканью, с такой палаткой и я могла бы путешествовать, хотя и не по Египту. Заметив мой благожелательный интерес, он засмеялся: «Мне это нравится: мой дом всегда при мне, как у улитки, и платить за него не надо. Голландия — маленькая страна, поэтому мы, голландцы, любим путешествовать...»

А мне хотелось сказать, что человек испытывает тягу к неведомым землям потому, что ему мала любая страна, и его бесконечная душа выходит в странствие по миру и кружит в нем до тех пор, пока не найдет исхода в иное пространство. Но все это было бы трудно выразить по-английски, и я пожелала ему счастливых странствий.

Грязный прокуренный автобус с немывтыми стеклами пришел в Дахаб с большим опозданием, напомнив, что Азия — не Европа. Зато, наверстывая упущенное, он мчался с запретной скоростью. Я ехала стоя, отодвинув верхнее тусклое стекло. От резкого встречного ветра слезились глаза, но Красное море обрело прежнюю чистую синеву, и я вбирала ее про запас: никогда не верится, что море можно увидеть снова.

Стемнело — влетели в узкое ущелье, надвинувшееся с обеих сторон темно-коричневым извилистым туннелем. Мелькали вдоль дороги щиты с крупными буквами: «Very dangerous curve» — очень опасный поворот, и, как наглядные пособия к тексту, валялись перевернутые машины, обгоревшие или ободранные до сквозного проржавевшего остова.

Вывавшись из теснины, долго ехали по бескрайней песчаной долине, покрытой лишь ветровой рябью и редкими кустиками тусклой полыни. Иногда над равниной вырастали одинокие деревца с распластанной, будто срезанной кроной, и взгляд провожал их, как нечаянную радость.

Ты переходишь некую границу — Израиля и Египта, земли и моря, — и вся твоя жизнь отодвигается, остается по ту сторону. По ту сторону границы осталось обезображенное, искалеченное наше общее русское бытие, преддверие апокалипсиса в отдельно взятой стране, и вся неразрешенность, неутоленность и неисполненность твоей единственной судьбы перед Богом. И вот ничего больше нет — ты одна в мире, ты свободна, душа вырвалась из плена, как птица из сети, и парит в необозримом пространстве. Что ей в этом свечении моря? Что ей эта желтая песчаная река, протекающая в глубоком ущелье между обрывами, дымная зелень сухой полыни и синева небес? Почему не насытится око зрением, и все отзывается глубинным покоем, утолением давней жажды? Как будто полоса отчуждения между тобою и миром исчезла, душа собралась в одно напряженное созерцание, забыла себя перед великой монотонностью и великим многообразием пустыни. И наедине с простором творения она прозревает, насколько мир Божий больше всякого одного страдания, одной жизни, — и в этом есть утешение и надежда. Ты касаешься края ризы Господней, созерцание становится молитвой...

Проплывают мимо песчаниковые или известняковые плато, срезанные сверху по одной горизонтали и так причудливо изрезанные ливневы-

ми потоками и выветренные, что издали они похожи на заброшенные города с кривыми улицами, домами за каменными оградами. И долго тянутся фантасмагорические покинутые квар-

Монастырь св. Екатерины. Синай

талы, вдруг вырастая в два, три уровня, и над опустошенными городами поднимаются руины крепостей и замков, — это похоже на оставленную памятью прошедшую жизнь.

И на всем пути — из Иерусалима в Эйлат, потом Нувейбу, Дахаб, по пустыне — нарастает и нарастает напряжение, соединяет все звучащие струны в один звук имени — Санта-Катарина...

От последней остановки мои попутчики — европейцы и японцы с рюкзаками — повернули к муниципальному туристическому городку. А я двинулась к монастырю мимо каменной ограды, над которой поднимались тополя в зелени с ноябрьской желтизной.

Перед моим отъездом из Иерусалима русский иеромонах, бывавший на Синае, говорил, что прежде всего я должна взять благословение у архиепископа Дамиана. «Почему не у игумена?» — спросила я. Оказалось, что архиепископ Синая является и игуменом монастыря и, по пустынности окрестностей, в нем постоянно проживает.

Дорога шла снизу, и высокие стены монастыря в окружении еще более высоких гор выросли сразу. Я остановилась осмотреться, когда меня догнал монах и спросил по-французски, может ли он мне помочь, и откуда я. Лицо его показалось мне странно знакомым. Легко вскинув на плечо багажную сумку, он прошел в ограду и, прежде чем я успела спросить что-нибудь, взбежал по лестнице. Я поднялась к раскрытой двери, он жестом пригласил войти.

В небольшом зале с книжными стеллажами до потолка и зашторенными от солнца окнами го-

рела люстра. Из боковой двери вышел невысокий седой монах в очках и простом черном подрыснике. «Это епископ», — сказал мой проводник и покинул нас.

Я подошла под благословение. Владыка указал на обитое вишневым бархатом кресло за столиком и сел напротив.

— Вы из России? — мирно спросил он. — Что там теперь происходит?

Так неожиданно попав с дороги на высокий прием, я снова оказалась перед непосильным вопросом. Два последних месяца я провела на Кипре, потом в Горненском и Гефсиманском монастырях на Святой Земле, и там меня спрашивали, можно ли теперь говорить о красных и белых, или красно-коричневых и черных, кто есть кто, и кто страшней?

— Там опять убивают... — ответила я.

И мы заговорили о Церкви, оставшейся, как Ноев ковчег в потоке.

— А вы уехали оттуда... совсем?

— Нет, я через месяц туда вернусь.

— И что будете делать?

— Говорить о Боге.

— Да поможет Он вам... — сказал Владыка со спокойным вниманием. — У вас виза на две недели? — если не хватит, можно продлить... Зайдите завтра, составим вашу программу.

Высокий, сильно сутулящийся келейник лет двадцати принял мой груз на плечо и ждал, глядя с доверчивой благожелательностью.

— Иоанн проводит вас... Предполагаете ли вы бывать на литургии?

— Это прежде всего.

— О'кей, в половине шестого утра вам откроют ворота...

Гостиница для православных женщин размещалась возле монастыря; сейчас в ней жили четыре гречанки, родственницы монахов. Небольшой холл с мягкой мебелью, зеркала, светильники, выставленные кафелем душевые, — для пустыни это казалось роскошью. Раньше здесь был пресс для олив; дом перестроили, и потолок первого этажа разрезал окна: на мою комнату приходились их нижние половины, на второй этаж — верхние. Столик с лампой; кровать под длинношерстным верблюжьим одеялом...

Я поставила на стол образок Спасителя из афонского Хиландарского монастыря и с великой радостью поблагодарила Господа, устроившего все так чудесно.

В дверь постучали: египтянин Иосиф, посредник между монастырем и гостиницей, приглашал на трапезу.

Базилика Преображения

В начале четвертого по монастырскому двору проходит монах с колотушкой: ритмизированный деревянный стук бодро созывает к вечерне. Древняя, времен императора Юстиниана базилика Преображения, выстроенная из тесаных светлых гранитных блоков, через четырнадцать веков оказалась углубленной по отношению ко внешнему двору, и это скрывает ее истинные гигантские размеры.

Ко входу вниз ведут крутые ступени. А с площадки над ними удобно рассматривать западный фасад, фронтон под треугольным срезом крыши и сквозную прорезь креста на фронтоне, обведенную крестообразным рельефом. Две маленькие пальмы под поперечной перекладиной креста напоминают детский рисунок: шесть ветвей плоско развернуты, две нижние поникли от тяжести фиников.

Под фронтоном золотисто-коричневая плоскость стены оживляется двумя арочными окнами, разделенными столбиком с капителью. И крест, и деревца с райскими плодами, проросшими под

Преображение. Мозаика VI в. Апофеоз храма

его сенью, и свободные размеры шероховатых камней — все напоминает архитектуру так любимых мною древних грузинских храмов со строгостью внешнего убранства и сокровенной внутренней красотой. В этой праздничной простоте запечатлелись ясность и сила веры раннего христианства.

Монах раскрыл дверь, деревянную, тяжелую, с резьбой в форме крестов, столь же древнюю, как стены, и я вступила в высокое пространство, подсвеченное разноцветными огоньками. Огромные узорные паникадила и множество серебряных, медных и хрустальных лампад спускаются с

потолка на цепях — прежние паломники насчитывали их более пятидесяти. Позолоченные шары в середине каждого паникадила и с размахом вынесенные вокруг этих шаров подсвечники на изогнутых ветках, лампы — все светится бликами и отражениями огней, создавая мерцающий сквозящий свод. А потолок из ливанского кедра выкрашен в синий цвет и расцвечен звездами, среди которых с наивной доверчивостью сияют круглые лики солнца и луны.

Монолитные гранитные колонны, по семь с обеих сторон, увенчаны резными коринфскими капителями и соединены арками; над ними сдвоенные окна, роняющие в храм косые столпы света. Многие путешественники вырезали на колоннах свои имена и гербы, теперь эта хроника минувших веков погребена под белой краской. Но по-прежнему на каждой колонне — икона с празднуемыми святыми месяца и внутри каждой колонны сокрыты мощи мучеников — на этих столпах и стоит церковь.

Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его,

Заколола жертву, растворила вино свое и приготавила у себя трапезу;

Послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: ...Идите, ешьте хлеб мой, и пейте вино, мною растворенное;

Оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума.

Сколько раз слышала я это ликующее проповедание в паремиях праздников! Но слышит его только тот, кто уже вошел в храм. А кто провозглашает сейчас эту вечную мудрость с возвышен-

ностей городских? Почему даже у нас, в православной России, громче всего слышны голоса сектантов или протестантов? Не к нашим ли проповедникам взывает Господь:

Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри?

...И рассеялись овцы без пастыря и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому.

Блуждают овцы Мои по всем горам и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них, и никто не ищет их.

На вселенских панихидах плачет Церковь об убиенных чадах своих, но кто оплатит всех расхищенных, потерянных, потерявших бессмертную душу? Восстави, Господи, пастырей овец Твоих из страха и унижения безгласностью, изведи их из храмов на высокие площади и стены обесчещенных городов, чтобы слышали голос Твой погибающие блудные сыны и пришли в себя, и вспомнили, что есть дом, куда они могут вернуться. Там, в смертоносной зоне отречения — ненависть и безумие, дешевый балаган с раскрашенными масками пороков, дешевое короткое забытие и тяжелое пожизненное похмелье. А в храме Твоем, являющем образ преображенного мира — жертвенная любовь нисходит в образах, словах, огне и духе Таинств:

Примите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов... Пийте от нея еси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов.

Это нас, уставших, изверившихся, больных, злых и добрых, забывших о своем царственном

Архиепископ Дамьянос у престола базилики Преображения

достоинстве, созывает Господь на царский пир. Базилика — царский дом; и в этом доме Твоем, в храме Твоем все говорит о Твоей славе...

Главный неф отделяют от боковых два ряда стасидий, поставленных вдоль колонн. Хорошо стоять внутри этого высокого кресла с откидным сидением, опираясь на спинку с точеными столбиками и отполированные временем подлокотниками с шариками на концах. И как всегда, сразу же обретя равновесие, почувствовав себя защищенной, отъединенной для молитвы, будто в тесной и в то же время открытой храму келлейке, я с сожалением думаю о том, почему нет стасидий в русских храмах?

Может быть, афонские старцы потому и выдерживают уставные действительно всенощные бдения, что есть десятки способов обрести равновесие внутри стасидии и — стоя, сидя или полусидя, опершись спиной, облокотившись — отдохнуть. Ибо лучше сидя думать о Боге, чем стоя — о ногах,

как говорил святой Феофан Затворник. Или мне возразят, что это особый, национальный вид подвижничества? Или у русских измученных бытом женщин больше сил, чем у православных греков? Нет этому оправдания, кроме, разве, той же всеобщей нашей неустроенности, привычной и потому возведенной в традицию. Даже теперь, когда уцелевшие после долгого нашествия неверных храмы возвращают народу, их мало, и мало в них места не только для стасидий, но и для стойких прихожан. И доживем ли мы до времени, когда в России места у Бога всем хватит?

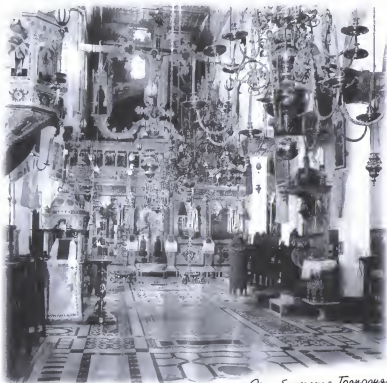
Монах зажигает свечи на высоких подсвечниках перед царскими вратами: каждый подсвечник приподнят и утвержден на спинах трех медных львов, обративших головы кверху, к венцам из свечей. Их огни оживляют позолоту резного кипарисового иконостаса критского письма с небольшим рядом праздников верхнего яруса и огромным Распятием над ним.

Справа у колонн возвышается трон архиепископа Синая, с великолепной резьбой по ореховому дереву и коленопреклоненными ангелами, поднимающими балдахин с куполком. Орел с раскрытыми крыльями поддерживает аналой, инкрустированный в восточном стиле...

Два монаха в рясах, склонив головы, стоят в стасидиях напротив меня. Третий у аналоя начал вечерню на недоступном мне греческом языке. Остальные стасидии, как и место игумена под навесом, пустуют. Но огромный храм заполнен этим негромким чтением, мерцающими огнями и отражениями, светлым сумраком, запахом росного ладана. Как разлитый вечеряющий свет

здесь явно Твое таинственное присутствие, и благодатная сень покрывает иконы и аналои, огни, отражения, тени и все сливает в глубоком покое.

После вечерни мне хотелось обойти храм, рассмотреть иконы и, может быть, увидеть мозаику под сводом алтаря. Но уже закрывали двери, монах прошел с длинной палкой, и медным колпачком, поднятым на ее конце, потушил лампы. Погасли свечи, один за другим ушли монахи, а ощущение благодатной наполненности храма осталось...

Внутреннее убранство храма Преображения Господня

Встретив эконома, я попросила разрешения подняться на колокольню. Выстроенная на двенадцать веков позже собора, трехъярусная, увенчанная куполом с крестом, она высоко возносится над острым коньком крыши храма. Из проемов сдвоенных арок, огражденных только сквозным барьером, открывается широкая панорама всех сторон света.

И монастырь лежит, как на огромном макете. Глубоко внизу чернеют плиты мощеного двора, появляются черные фигуры монахов и цветные — арабов, работающих в монастыре. Пестреют черепичные крыши хозяйственных построек. Спиченный со всех сторон крепостными стенами, монастырь разрастался внутрь самыми причудливыми формами и лабиринтами, так что плоские крыши нижних зданий служат двориками для верхних.

Тремя уступами ниспадает крыша базилики, выстеленная листовым свинцом: под самой высокой частью легко угадываются формы среднего нефа, обведенного колоннами; гораздо ниже — скат крыши над боковыми нефами; еще ниже — крыша над приделами, идущими вдоль стен.

Сразу за храмом посреди двора стоит дом с вынесенной наружу лесенкой и крылечком перед приемной Владыки на втором этаже. Вдоль всей западной стены по третьему этажу тянется галерея с деревянными столбиками и перилами, на которую выходят двери келлий для приезжего духовенства и гостей монастыря. Еще выше, во всю длину южной стены поднимается новый каменный корпус с арками широкой крытой галереи, монашескими келлиями, библиотекой и госпита-

Ю. Карлсфелд. Непогасимая Кинна

лем. Все эти старые и новые сооружения, принадлежащие разным стилям и тысячелетиям — с разницей между базиликой и новым корпусом в четырнадцать веков, — столпившиеся в ограде, объединяются ею в некую целостность, как мозаика из разных материалов.

А в нескольких шагах от основания колокольни, под аркой — колодец Моисея. Бежав из Египта и проделав в одиночку тот путь, по которому он потом поведет народ израильский, он пришел в землю Мадиамскую и сел у колодца, потому что в пустыне колодец — это то место, где можно встретить людей. И Господь выслал ему навстречу семерых дочерей священника Мадиамского, пришедших напоить овец. Колодец еще тысячелетия на два древнее храма, и его глубинные подземные воды по трубам поступают в монастырь, напоая его, орошая и омывая, как

Колодезь Моисея

ветхозаветные глубины питают тексты и образы Нового Завета.

За крепостными стенами на юге полого нисходит в долину растрескавшийся склон Хорива, покрытый густой лиловой тенью. От восточной стены по склонам гор поднимается дорога на Хорив-Синай. С севера заслоняет небо Джебель-Деир — Монастырская гора, или гора Святой Епистимии, с еще озаренными гребнями и крутыми обрывами, — скалы ополчились окрест, защищая от пустыни оазис жизни преизбыточествующей.

Пока я поднималась по лестнице на верхний ярус, что-то знакомое улавливалось боковым зрением, и переведя взгляд из горной дали на бли-

жайший предмет, я обнаружила старинный русский шрифт по краю колокола: «...усердием Павлы Ивановны». Обойдя по кругу огромный бронзовый позеленевший колокол, прочитала и всю строку: «Вылит сей колокол в Москве на заводе Димитрия Самгина. Весу 24 пуда». И ниже, помельче: «1870 года июня 27 дня в Синайскую обитель ко храму Св. Великомученицы Екатерины усердием Павлы Ивановны Моисеевой». Другой колокол, весом в 12 пудов, отлит на том же заводе «старанием Стефана».

Кругами обошла я девять больших и малых колоколов, и совсем нечаянную радость доставила мне встреча с «почетным гражданином Иваном Ивановичем Рыжовым» из Харькова, бесфамиль-

Драгоценная рака св. Екатерины

ными Даниилом, Михаилом и Феодосией, Агнией и Марией, купно помянутыми за здравие и за упокой.

Русские колокола, иногда доставленные волоком, на руках усердных богомольцев, озвучивают благовестом Святую землю. Но трудно представить, как эти двадцатипудовые колокола прибыли за тысячи верст на Синай, как везли их по железной дороге, потом на пароходе... А дальше, от Эль-Тора, последнего порта на Суэцком канале, по песчаной пустыне, по горным ущельям...

Помяни Ты Сам, Господи, названных и безымянных, почетных и бесфамильных соотечественников моих, прошедших под зноем аравийского солнца, с опасностями от сарацинов, с запасом черных сухарей, с жаждой приблизиться к Тебе этим путем, узким и каменистым, с радостью о благовесте Твоем в дальней чужой земле...

Сделай так, чтобы теперь они снова услышали его на всей своей земле.

Неопалимая Купина

После литургии отец Михаил, секретарь монастыря, проводит меня по безмолвному и погасшему храму.

План базилики был бы вполне традиционным: прямоугольник с выступом алтарной апсиды и пятью изолированными приделами вдоль каждой стены. Но два из них — святого Иакова, брата Господня, и Сорока синайских и раифских мучеников — выдвинуты на восток дальше, чем главный алтарь, и соединены полукруглым выступом еще одной апсиды. Из придела Сорока мучеников мы подходим к этому внутреннему алтарю за главным алтарем, сокровенному, как Святое святых древнего Иерусалимского храма, куда только раз в год входил первосвященник.

Страшно переступить порог и войти в соприсношение с одним из событий, определивших священную историю человечества.

На иконе над входом Моисей снимает сандалии перед Неопалимой Купиной.

Однажды провел он стадо далеко в пустыню, и пришел к горе Божией Хориву.

Неопалимая Купина

*Часовня Неопалимой Купины.
Из древней рукописи*

И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает.

Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает.

Явлением вечности разрывается медленно текущий поток времени — Бог рассекает его жезлом Своим, чтобы направить в новое русло. Но пока это скрыто от Моисея, он хочет только рассмотреть таинственное явление.

И каждый иконописец по-своему пытается его разгадать.

Куст горит длинными огненными лентами, какие бывают от горящего красного дерева или сухой туи. На другой иконе того же XIII века, перед которой мы остановились раньше, ветки и листья Терновника у ног Моисея просвечивают изнутри золотым огнем, окруженным огнем красным, будто бы меньшего накала. На мозаичном изображении на парусе стены перед сводом главного алтаря темная зелень куста расцвечена яркими вспышками, красными, золотыми, фиолетовыми. И это напоминает рассказ очевидца о том, как сходит Священный Огонь в Великую субботу на Гроб Господень, мраморная плита покрывается белыми и голубыми искрами, еще не обжигающими, и патриарх Иерусалимский соби-

рает их ладонями и зажигает первый пучок пасхальных свечей...

Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я!

И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

И сказал: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лице свое, потому что боялся воззреть на Бога.

Икона призвана явить лик, и лицо Моисея открыто и озарено огнем. Краем сознания проходит, что раньше, когда я читала об этом священном событии, в моем представлении Горящий куст занимал не нижний угол, а гораздо более высокое пространство: потому что не мог Моисей взи- рать — или в страхе не взи- рать — на Бога сверху вниз; потому что и подошел он, чтобы рассмотреть великое явление.

В условном иконном пространстве и горы лежат у ног пророка, но гора горой, а Богоявление — Богоявлением, и мне виделось Божественное пламя безусловно превосходящим предстоящего в изумлении человека.

Но вот монах переступил незримую черту. И я, сняв обувь, эту черту переступила, вошла в часовню и положила три земных поклона на святой земле.

Корень Неопалимой Купины обозначен круглым отверстием в мраморной плите, как в Вифлеемском храме место Рождества Христова. На ней сохранилась греческая надпись XIII века: «Помяни, Господи, раба Твоего, смиренного Гав-

Пророк Моисей принимает Скрижали Завета.
Монастырь св. Екатерины. XII в.

риила Орипсая, архиепископа святой горы Синайской в Святой Купине». Плита покрыта серебряным щитом с чеканными иконами Горящего Куста и Преображения, Распятия, евангелистов, святой Екатерины и Синайского монастыря, и над ней подвешены три серебряные лампы с неугасимой посередине. Архиепископ Гавриил устроил над корнем и престол: на четырех мраморных столбиках над нижней плитой поднята его мраморная плита со сквозным барьерчиком вдоль края. Две свечи, напрестольное Евангелие, покров из парчи...

Только сама полукруглая ниша алтаря и золотая мозаичная полусфера ее свода с равноконечным крестом выделяют алтарь внутри часовни — нет ни иконостаса, ни завесы, лишь две высокие свечи в подсвечниках стоят на углах ниши, как два безмолвных стража. И необычно, празднично, светло покрыта вся ниша от пола до золотого свода кафельными плитками с голубым, белым и бледно-розовым цветочным орнаментом. Так непривычна неогражденность алтаря, его ужасающая близость и открытость, что малое пространство часовни кажется в него включенным, словно вся она — единый алтарь, и мое присутствие здесь непозволительно. Так Иаков увидел лестницу и Ангелов, восходящих по ней на небеса, и Господа на ее верху:

...Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!

И убоялся, и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные.

— Корень выходит под стеной апсиды... Посмотрите туда... — отец Михаил показывает на высокое окно слева над престолом.

За окном зеленеют ветки.

— Что там? — не решаюсь поверить я.

— Там Терновый Куст...

Если бы я знала раньше, что этот Куст существует не только условным кругом или иссохшим корнем под ним, как обозначено в Крестном иерусалимском монастыре место произрастания древа Креста, если бы могла предположить, что Куст живет почти три с половиной тысячелетия, теперь, когда я увидела его, это не произвело бы такого впечатления. Но я не знала и в первый момент не поверила.

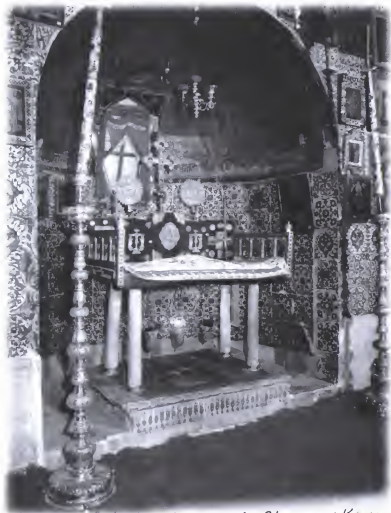
— Насколько достоверно... что это тот самый Куст? — спрашиваю я осторожно: такого рода сомнения не принято выражать вслух.

— Столь же достоверно, как место Рождества Христова... — говорит отец Михаил очень серьезно, но и со скрытой радостью — должно быть, от того, что может ответить уверенно. — Такие события Священное предание хранит тысячелетиями. И с первых веков христианства в горах вокруг Горящего Куста селились отшельники. Еще царица Елена построила здесь башню: в ней монахи спасались от набегов сарацинов, и маленький кириакон — церковь во имя Богородицы — Неопалимой Купины. А в шестом веке, когда при императоре Юстиниане строилась базилика, в нее включили часовню — это древнейшая часть храма.

Через боковой придел святого Иакова мы выходим из собора. За выступом алтаря, над каменным полукруглым ограждением высотой метра в два разросся еще вдвое выше роскошный куст. Он стоит, как на воображаемой мною иконе, празднично зеленея на чистой небесной голу-

бизне, а длинные ветки свисают так низко, что можно рассмотреть резные свежие листья и черные ягодки, гораздо мельче, чем у можжевельника, можно даже коснуться их рукой.

Алтарь часовни Неспалитой Купаны

— Потому еще это несомненно, — продолжает отец Михаил, — что есть люди, способные духом отличать сакральное от обыденного, а на этом корне литургию совершают уже по крайней мере семнадцать веков. И только этот куст терновника сохранился на всем Синае, другого нет...

Отец Михаил взглянул на часы:

— Я ухожу, а вы, если хотите, можете остаться в храме.

— Если это возможно... — я почти испугалась: неужели они оставляют посторонних людей в святилище с сотнями древних икон на деревянных полочках вдоль стен? — Надолго?

— Хоть на все три часа до обеда, потом собор запрет. — И, угадывая то, на что я не осмелилась: — Можете вернуться в часовню...

Меня оставляют не одну: монах убирает в храме, и мы не мешаем друг другу. Всем существом своим ощущая страх и трепет от близости святого престола, я опускаюсь на колени у противоположной алтарю стены. Мне все не верится, что я могу оставаться здесь долго, и я тороплюсь говорить с Богом, благодарить Его за чудесный дар моего присутствия в этом монастыре и просить Его о том, что невозможно для человека, но для Него возможно.

Один из первых русских паломников на Синай священноинок Варсонофий, в 1462 году отправившийся из Киева через Молдавию, Белгород, Константинополь, Крит, Родос и Кипр в Каир, а оттуда через пятнадцать дней прибывший с караваном верблюдов в Синайский монастырь, оставил такую запись: «А святая Купина близ кладезя,

Г. Доре. Непалимая Купина

в долу, идеже есть церковь Соборная великая, стоит, и за престолом великия церкви, на том святом месте, идеже Пречистая Дева Мария стояла посреди Купины огня, держащи Господа Иисуса Христа, Сына Божия. И на том святом месте лежит камень, мрамор бел, окован круг медию, на нем же на меди выobraжены святии пророцы. И вверху того камня престол святой, на нем же служат святую литургию во вся субботы, с вечера же поют стихиры — похвала Огнеопальной Купине. И всякий человек входит в ту во святую церковь изувся сапоги; аще ли забытием ума внидет в церковь не изувся, да имае епитимью: три года босу ходити...»

И в другом месте, приводя библейский рассказ о видении Моисея, Варсонофий говорит: «И виде стоящу Пречистую Деву Марию среди Купины простертыми руками на высоту и держащу младенца в персех своих, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия».

Как возник у русского инокa этот образ, слившийся в себе события Ветхого и Нового Заветов?

Другой паломник XVI века Паисий Агапостолит, впоследствии митрополит Родосский, в стихотворном описании Синая говорит, что чудо Купины предвозвещало рождение от Благодатной: как не сгорала опаляемая Купина, но, освежаемая пламенем, осталась вечноцветущей, так сохранена девой и Пречистая Мария, когда совершилась в ней тайна воплощения Божия; хотя ученый грек, конечно, не утверждает, что Моисей уже видел Богородицу в божественном пламени.

И по толкованиям святых отцов Несгорающая Купина — прообраз Богородицы. Но зримый

образ, воспроизводимый иноком Варсонофием, напоминает иконографию Неопалимой Купины с Пресвятой Девой в центре, а в пояском виде — икону Знамение. Паисий Агиапостолит упоминает, что в середине главного алтаря есть икона — «тайна Купины, неподражаемой красоты», — не эту ли икону или подобную ей видел раньше наш паломник?

В конце XIV века был и в Московском Благовещенском соборе «образ Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины, на самом том камени написанный, идеже виде Моисей пророк Купину, огнем горящу и несгораему». Камень был принесен «из Синайской горы палестинскими старцами в дар великим князём Московским в лето 6398», то есть в 1390 году от Рождества Христова. Иконописцы воплотили в краски древний символ.

И еще более всеобъемлющее понимание этого пламенеющего прообраза предчувствовала я тогда в часовне или вспоминала, но вспомнила гораздо позже.

Неопалимая Купина

Экспедиция в пустыню

тец Михаил с вечера предупредил, что вполне вероятно небольшая экспедиция в пустыню с моим участием. Время отъезда не обозначено точно, и я сижу под утренним солнцем напротив канцелярии и жду. По лестнице с верхней галереи спускается высокий монах и тоже присаживается на каменное ограждение рядом. На голове его плоская выгоревшая камилавка, в руках холщовый дорожный мешок. Отчасти для отца Илии и затеяна поездка: немногочисленная братия уговаривает его здесь остаться.

Он вырос в греческой семье в Америке, служил в торговом флоте, — мы вспоминаем вид на прекрасный залив Сан-Франциско с моста Голден Гейт, старые парусники у причалов и гонки парусных яхт с цветными спинакерами на голубой воде в воскресные утра... В пятьдесят лет офицер флота уехал на Афон, принял постриг и с тех пор десять лет живет в скиту. Светловолосый, с открытым лицом и просветленными голубыми глазами, отец Илия говорит радостно, и радостно его слушать.

— Монахи говорят: если ты долго прожил в миру, ты уже не способен на послушание в общении, — вот и решили поискать мне скит в пустыне.

Скорее всего, он сам уже никогда не захочет отказаться от уединения, из которого эту радость вынес.

— В пустыне вам не хватало бы моря?.. — предполагаю я.

Он недолго подумал:

— Когда я пришел на Афон, я сказал одному старцу: «Какой из вашей келлии вид на море!» Старец ответил: «А я никогда не смотрю в окно».

— Эта притча как раз для меня: я потому и не стяжала ничего внутри, что все смотрю в окно — на мир и море.

— Значит, вы еще не выполнили свое земное задание... Это от меня уже нечего было ждать.

*Иеромонах Иларион (Анфеев)
на пути к монастырю св. Екатерины*

Приятно разговаривать с человеком духовным: как бы явно он ни был выше тебя, он сделает вид, что его достоинства — это немощи, а твои недостатки — залог будущих добродетелей.

Выехали впятером. За рулем отец Михаил, не смотря на жару, скрывший густые рано поседевшие волосы под вязаной шапочкой куполком. Рядом Владыка в том же подряснике, с кинокамерой и фотоаппаратом. На заднем сидении отец Илия и мы с Арсенией — монахиней из Тарфы, которую мы должны посетить. За монастырским садом свернули по шоссе в широкую долину. Горы то грядой стоят поодаль, то приближаются, прорисовываясь в прозрачной ясности жаркого ноябрьского утра до мелких складок и трещин. Изредка попадаются селения бедуинов или стада коз. Монахи и Арсения перебрасываются фразами на английском или греческом, а я во все глаза смотрю в окно.

Один из холмов у дороги завершается церковью. Холм служит основанием для каменного храма, органически из него проросшего и осенившего долину крестом: так ставят часовни в Грузии и Армении, и в этом завершении мир получает верховное оправдание.

Владыка говорит, что это церковь Святого Креста, а рядом с ней монастырь строит дом, чтобы кто-нибудь мог поселиться.

В одном селении отец Михаил вышел и вскоре вернулся с немолодым проводником-бедуином, разместившимся в кузове.

По наезженной колее пересекаем песчаную долину с сизыми кустиками колючек. За ней машина долго спускается по извивам дороги, уже

Небольшая рощица близ монастыря св. Екатерины

едва различимой, или, надрываясь, взбирается круто вверх.

Оставив машину, идем по расщелине между почти черными горами, покрытыми то будто осыпями шлака от гигантской плавильной печи, то острыми пластинками, похожими на осколки чугуна. Подняв такой осколок, Владыка замечает, что судя по отливу, в этих породах много железа, и что во времена фараонов на западной стороне Синая были горные рудники, где добывали руду, бирюзу, драгоценные камни, выпиливали гранитные плиты для построек фараонов.

Спустившись между мертвыми горами, попадаем на дно черного котла — не хватает только адского пламени. Кажется, что оно уже отгорело здесь и выжгло все живое — ни деревце, ни травинка не пробиваются сквозь осыпи, хрустящие под ногами.

Выбрались из котловины — впереди бедуин в белой накидке, за ним мы растянувшейся цепоч-

кой — и вдруг все неузнаваемо изменилось. Вокруг поднимаются пологие горы, столь же безжизненные, но светлые и словно сплавленные и отекающие остывающей породой. А напротив, на плоской макушке горы, появилось несколько прямоугольных строений.

Они сложены из тесаных плотно пригнанных камней без связующего состава и похожи на маленькие крепости с округлым лазом вместо двери. Согнувшись в три погибели, можно пролезть внутрь и увидеть те же голые камни, иногда балки потолочного перекрытия, явно более позднего происхождения. В одном из домиков крыша настелена из камыша, сохранились каменный очаг, плоский круглый камень для размола зерна, остатки плетеной циновки. В другом оказалось узкое окошко, и странно смотреть в него и знать, что кто-то, кого уже тысячи лет нет на свете, вот так же стоял здесь и видел эту долину и эти горы.

Отец Михаил, выбравшись из лаза и стряхнув густую пыль с подрясника, говорит, что строения относятся к легендарным временам набатеев, заселявших Каменистую Аравию на севере, о которых упоминали Иосиф Флавий, Овидий, Плутарх. Их главный город Петра лежал между Иерихоном и Синаем, и через него шли торговые пути в Египет, Сирию, Палестину, тянулись караваны с восточными пряностями, ладаном и смирной, золотом и драгоценными камнями. Через аравийскую пустыню царица Савская на горбах верблюдов везла дары Соломону, чтобы приобщиться к его премудрости, — что мы можем сделать даром. Даже и теперь караваны проходят по тем же дорогам, с теми же пряностями и, может быть, тем же опиумом.

Из Египта через пустыню Эт-Тих и Акабу пролегали пути паломников в Мекку. Южнее и восточнее, вдоль берегов залива Акаба, селились потомки Авраама и Хеттуры, пастушеские племена мадианитов, — еще пророк Исайя упоминает о множестве их верблюдов и быстроходных дромадеров. Интересно, каким богам поклонялся священник Мадиямский, на дочери которого женился Моисей?

Во времена исхода евреев вся география была другой: обильнее источники, богаче растительность, больше было зверей и птиц, иначе не могли эти шестьсот тысяч, не считая женщин и детей, пройти даже от Египта до Хорива, где Господь стал питать их манной из Своих рук. Некогда зеленела и эта долина. После набатеев бедуины пригоняли сюда стада на весенние пастбища, потом здесь селились монахи. Ушла вода — ушли люди, иссохли травы.

Пока все еще осматривают древнее поселение, в шутку предлагая отцу Илие богатый выбор, а потом в мой бинокль стараются рассмотреть за горами Тарфу, я поднимаюсь на верхушку горы.

Воздух сух, прокален, и несмотря на полуденный зной, дышится легко. Вздываются вокруг пустынные охристые горы с лысыми макушками. Они кажутся монолитными, будто некогда поднялось волнами море лавы и застыло, и складчатые выступы похожи на сгустившиеся наплывы, стекающие к основаниям гор. Наша группка — монахи с седыми головами, в длинных черных одеждах и бедуин в белой накидке среди них — картинно смотрится на краю обрыва над этим пустынным безжизненным простором.

Что осталось от Аравийской Петры, роскоши и пряности давних веков? Что сохранилось живым от фараонов, жрецов и мистерий Древнего Египта? Все расплавил и испепелило время, напоминая, что так и *небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят*. Дивно и странно — только зеленеет Терновый Куст, опаленный божественным огнем, и живет монастырь, выросший вокруг этого куста.

Проезжаем вдоль склонов, по желтой известняковой поверхности которых проложены длинные ребристые полосы черного камня, будто строки с неразличимым издали текстом. Иногда эти жесткие ровные пласты вздымаются под более или менее крутым углом к горизонту, создавая причудливые чередующиеся геометрические узоры. Или тянутся поверху, повторяя хребты

зубчатыми гребнями, и тогда горы похожи на залегших один за другим ошетилившихся зверей.

На месте схлынувших потоков и водопадов ниспадают лавины глыб, камни обкатаны, отполированы. В других местах породы снова раздроблены, измельчены, сверкают кварцевыми вкраплениями, и, когда мы выходим, я собираю золотистые, или сахарно-белые с золотым блеском, или совсем прозрачные кристаллические обломки, чтобы их рассмотреть.

Но основным цветом гор остается темно-багровый. Грандиозные панорамы багровых хребтов с острыми вершинами раскрываются на фоне синевы. Они надвигаются, окружают и снова расступаются, чтобы открыть другую величественную пустынную горную панораму. Торжественная красота есть в строгой монотонности этих пейзажей, в их очищенности от подробностей — такой может быть поверхность другой планеты.

И каждый раз заново поражают каменные строения, покинутые тысячелетия назад на развилке дорог или в глубине ущелья.

Часов около четырех машина остановилась на обрыве пересохшей реки, когда-то протекавшей в глубокой каменистой трещине. Теперь только трещина рассекает равнину. На западе она замкнута высокой горной цепью с пирамидальной вершиной, поднятой над общей ломаной линией хребтов. Солнце стоит за этой багровой обрывистой грядой, силуэт ее резко контрастирует с бледной желтизной песков, еще озаренных, и отбрасывает на них лиловые тени, сгустившиеся до фиолетовых в ущельях.

У истока река еще не иссякла — там ярко зеленеют купы нескольких пальм. По той стороне русла к оазису тянутся редкие дома бедуинов, почти не отличающиеся от древних построек. Стадо черных и рыжих длинноухих коз бредет между дымчатыми кустиками, кое-где разбросанными по песку. А возле домов мелькают фигурки детей в цветных рубашках.

Монахи разговаривают с нашим проводником, глядя в сторону пальм, — там можно построить дом. Оплетенные обручи на голове жителя пустыни поддерживают чистое покрывало, надежное, может быть, для поездки с Владыкой. Глаза, похожие на маслины, на полном смуглом лице и нос картошкой придают бедуину выражение одновременно хитроватое и простоватое, при общей готовности услужить.

Бедуины по-прежнему не христиане и не мусульмане. В древности они поклонялись утренней звезде и раз в год на празднике с дикими плясками приносили ей в жертву белого верблюда или красивого юношу. Удивительные истории сохраняет время: однажды, еще за полтора века до постройки монастыря, в такую жертву бедуины собирались принести уведенного в плен во время набега сына отшельника Нила Синайского; но по молитвам отца юноша был спасен, позже выкуплен сирийским епископом и вернулся на Синай. Веками бедуины грабили монастырь, убивали монахов, а теперь целыми селениями кормятся от него, работают на постройках и в садах — другой работы в пустыне нет. И когда машина Владыки выезжает за территорию монастыря, они бегут, чтобы поднять цепь, преграждающую въезд, и по-

Синайская пустыня

целовать ему руку: это заменяет им благословение. Воистину не в силе Бог, а в правде.

Пока мы стоим, даль подернулась голубовато-лиловой дымкой, и это присутствие лилового придает благородную сдержанность чистым краскам долины, умиротворенность и тихую печаль.

Все неподвижно и в селении бедуинов. Какая-то неизвестная жизнь скрыта за каменными стенами, может быть, мало изменившаяся с давних времен. И я вдруг спрашиваю Владыку, нельзя ли посетить такое обитаемое жилище? «Почему нет?..» — отвечает он.

Где-то машина переехала обмелевшее сухое русло. Выходим у дома, ничем не огражденного, с раскрытой в долину дверью. Женщина в черных одеждах под черным покрывалом, со свернутыми в узел надо лбом волосами, встречает нас, широко улыбаясь. Сразу появляются дети разного возраста, кудрявые, черноглазые, неумытые, одетые в прямые одноцветные подрыснички или пестрые платица.

Принимают нас очень радушно — во всей пустыне Владыку знают в лицо. На песке перед домом хозяйка разложила свернутые одеяла — по числу гостей, и мы полукругом рассаживаемся. А она входит и выходит из пристройки то с охапкой колючих веток для растопки очага, то с чайником, споласкивает на глазах у нас стаканы, рассматривая их на свет, чтобы и мы не сомневались в их чистоте. Прибывает пестрая толпа ребятишек, тоже полукругом выстроившихся напротив и с мирным любопытством взирающих на нас черными глазами.

Взглянув через раскрытую дверь внутрь жилища, я не заметила там ничего, кроме таких же лохматых свернутых одеял, лежащих у стен — ни стола, ни стула, ни кровати, ни хоть какого-нибудь предмета, привычного в человеческом жилье. Единственное окно, без стекла и рамы, сквозит прямоугольником синевы, и только сверху прикручено веревкой брезентовое полотно, — нижний край его перекидывают наружу во время песчаных вихрей или дождей. Стекла и не нужны летом, при пятидесятиградусной жаре в помещении, но зимой, когда в горах выпадает снег, и туристам нравится фотографировать монастырь на снежном фоне, — чем согреваются бедуины?

На подносе в стаканчиках, скорее, рюмках без ножек, нам подали темный напиток: то ли жидкий сладкий кофе, то ли чай, — сахарная сладость забивает вкус самого напитка: говорят, бедуины очень любят сахар и явно им злоупотребляют: у многих взрослых и детей черные зубы. Весь ста-

канчик на три глотка, но пьем мы долго, изредка перебрасываясь словами; говорит, преимущественно, наш проводник — абуна, очень довольный своей ролью, поочередно обращаясь то к гостям, то к хозяйкам, которых теперь стало трое. Исполняется некий ритуал гостеприимства, в котором в данном случае пища не призвана играть какую-либо заметную роль.

Мать Арсения, молодая гречанка с высоким лбом и чистым лицом, оживленно рассказывает отцу Илие о своем монастыре, где она пока одна.

Мирно сидит у стены Владыка Дамианос, подносит к губам крохотный стаканчик, ничем не выделяясь в общем разговоре, кроме, разве что, внутренней тишины на фоне некоторого оживления. И эта непритязательность и простота удивительны в архиепископе древней автономной Церкви, простирающейся на шестьдесят тысяч квадратных километров, лице столь же значительном, как восточные патриархи.

На прощание Владыка фотографирует детей и женщин, и это вызывает большое оживление. Каждая хозяйка получает что-то из рук отца Михаила, и всех детей оделяет он потертыми египетскими фунтами, — нигде не случилось мне видеть таких потертых денег, как в египетских поселках: можно подумать, что лет двадцать их донашивали в городах, прежде чем они стали служить для бедуинов знаками тленных ценностей.

Тарфа

Темнеет, когда мы подъезжаем к поселку Тарфа недалеко от древнего Фарана, и позади остаются ее сады в низких оградах, финиковые пальмы.

Тарфа — это кустарник из рода тамарикса, по названию которого именуется ущелье. На ее хвое в июне появляются капли сладкого сока, он быстро густеет и падает крупинками на землю: эти белые крупинки, по виду похожие на семя кориандра, называют манной. Бедуины собирают ее, пока она не загустеет, намазывают на пресные лепешки, а сгустившаяся, она может долго сохраняться. Баночки с застывшими крупинками манны раньше дарили паломникам в монастыре на память о манне небесной.

Но это совсем не одно и то же: тамариковая манна не может усеять пустыню, где нет кустарника, она не тает на солнце и не портится, она так сладка и легка, что никоим образом не могла быть основной пищей в течение сорока лет. Таинственная манна, дождем падавшая с неба, была дарована Богом как прообраз той преображен-

Тарфа

*Веточки тamarикoa
o заотывшeй тaннoй*

ной реальности, в которой символ неотделим от сущности, они являют друг друга и друг для друга прозрачны, и слово Божие явлено как пища и жизнь.

С обнаженного склона за сетчатой оградой на гудок машины спустился сторож и отворил ворота. Вслед за ним все поднялись к строящейся цистерне, уже перекрытой сверху двумя пересекающимися рядами досок, — осталось подвести к ней питьевую воду за сотни километров. Два бедуина, заваривавших на костерке чай в консервной банке, поцеловали руку Владыке и поздоровались с монахами. Другая цистерна, уже забетонированная, но тоже еще сухая, видна внизу на выровненной каменистой площадке, где Арсения обещает развести сад.

Склон под моими ногами как будто покрыт узором. Наклонившись, я вижу закругленные черные с синевой пластинки, собранные вокруг сердцевин, как лепестки каменной розы. Рядом из-под осколков выглядывают три прислоненных бутона. А чуть дальше я нахожу площадку длиной около метра, сплошь покрытую головками таких роз с металлическим, ржавым, марганцевым или синим отливом по черным лепесткам, и вся площадка обведена бордюром из отдельных лепестков.

стков. Хочется извлечь цветок целиком, но он плотно посажен в породу такого же цвета, только верхушки полураскрытых чаш поднимаются над ней. Пустыня зачаровывает меня, в великом и малом являя свои чудеса.

До того, как стемнело, я нашла еще кусок известняка, — с остовом из разветвленного ствола потускневшего, рассыпающегося под рукой белого коралла. Эту находку, весом в килограмм, сторож отнес в машину. Несколько дней потом на окне канцелярии лежал этот коралл, и туристы рассматривали его как доказательство подводной предыстории Синай.

За полчаса синева превратилась в непроглядный мрак.

Пьем кофе у сестры Арсении, в почти законченном корпусе еще не имеющего насельниц монастыря. Строится он с основательностью и удобствами, которым могут позавидовать жильцы обычных московских квартир. Сверкают кафель и новые трубы в ванной, снабжаемые пока из дождевых резервуаров, стеклом и металлом блещут газовые плиты на кухне, где мы сидим. Владыка устроился за круглым столиком с приемником, едва уместив чашку кофе и

Архиепископ Дамаскано

блюдце с солеными фисташками. Отец Илия присел на складной табурет у двери, держа в одной руке чашку, другой глядя рыжего котенка, улегшегося на его коленях.

А между всеми нами легко движется, ставит вазочки с печеньем светловолосая высокая женщина лет тридцати пяти, в апостольнике и подряснике, мимоходом тоже поглаживая котенка, улыбается, открывая ровные белые зубы: «Когда вы приедете в следующий раз, отец Илия, я заварю вам настоящий арабский кофе... Я надеюсь, вы приедете в следующий раз?». Какие судьбы привели эту обаятельную интеллигентную женщину на край аравийской пустыни?

Я спросила, не страшно ли ей здесь одной?

— Нет, — отвечает она, — у меня надежная охрана.

Проследив ее взгляд, я вижу в дверном проеме бедуина. Его усаживают за стол между отцом Михаилом и мною, сестра Арсения ставит перед ним кофе и большую миску с карамелями в ярких обертках. Неопределенного возраста, с морщинистым лицом и косящими глазами, в вязаной шапке, сторож включается в общий разговор о трубах. Владыка подсчитывает предстоящие огромные расходы: сотни километров металлических труб, стоили бы тысячи долларов; пластмассовые обойдутся гораздо дешевле, но их научились прокусывать лисы.

После кофе идем с фонариками в дальний край территории, в церковь, еще не очищенную от досок и строительного хлама. Арсения с отцом Илией или Владыкой делают промеры пока пустых, как в доме бедуинов, окон, дверей и буду-

щего иконостаса, обходя их с металлическим метром, выстреливающим из рулетки, секретарь — грамматикус — записывает цифры в блокнот.

Когда мы выходим, небо уже усыпано крупными звездами. Полная луна заливает почерневшие силуэты гор феерическим светом. А вокруг нее в прозрачной глубокой синеве на глазах проступает, наливается таким же феерическим сиянием огромное кольцо. Запрокинув голову, я смотрю, как оно расслаивается на два разреженных кольца, снова стягивается в одно, еще более яркое, чем раньше.

— Что это, что это?

— Это, наверно, к дождю... — на мгновение подняв голову и не останавливаясь, отвечает отец Михаил.

Только отец Илия, тоже еще не привыкший к колдовским сменам красок и состояний пустыни, долго смотрит в небо. Взгляд его так тих и глубок, что я угадываю слова короткой молитвы, которую он носит в себе весь день, — можно смотреть на море и небо, но пребывать в глубине.

И пока машина на большой скорости мчит по залитому зеленоватым светом шоссе, иногда пропадающему в тени гор, над их черными силуэтами все стоит налитая сиянием луна, обведенная сияющим кольцом.

Всего около восьми часов, а кажется, что глухая ночь, когда мы въезжаем на территорию гостиничного городка. Граненые фонари освещают главную аллею, заревом дневного света горят окна ресторана. Отец Михаил поднялся по ступеням и через несколько минут вернулся в сопровождении директора и двух официантов при

всем их обычном лоске: он собирался купить воды, но его взяли в кольцо.

— Ничего не поделаешь, — вздыхает Владыка, — по благословению директора идем в ресторан.

Прямо от застекленных дверей начинаются длинные столы, занимающие половину зала и сплошь уставленные яствами. Еще исходят жаром мясные блюда, соблазнительно пахнут чесноком цыплята-табака, голубеют вареные куры, шашлыки истекают жиром. Закуски оставляют возможность разнообразных комбинаций по вкусу клиента, заплатившего сто тридцать долларов в сутки: нежно зеленеют салатные листья, нарезаны красные и желтые перцы, кудрявится цветная капуста, в стеклянных чашах расставлены маслины, соусы, все виды зелени и овощей. Дальше возвышаются горки апельсинов, бананов, киви, манго и авокадо и прочих тропических фруктов. За ними идут ряды восточных сладостей, пирожных, йогурта и мороженого, — всего не объять взором.

Ужин в самом разгаре, за столами в соседнем зале привычному пиршеству предаются не менее ста человек всех возрастов, всех цветов одежды и кожи, хотя явно преобладают европейцы. В зал, несмотря на усиленные приглашения официантов, мы не пошли, и тогда в несколько минут они вынесли стол, уютно выгородив его в углу тропическими растениями с граммофонами цветов, а в руках у нас оказались подносы.

«Кто накормит нас мясом?» — вспомнилось сокрушение ведомых в землю обетования избранных. Но монахи миновали египетские мясные ряды, не удостоив их взглядом. Приблизились к сырам и моим любимым молочным продуктам,

Сад монастыря ов. Екатерины

но даже их обошли стороной. И тут роковое слово «friday» — «пятница» — порхнувшее в воздухе, достигло моего сознания: раз в жизни через хребты и ущелья Синайской пустыни я добралась до такого изобилия, но и тут, как в родной стране, судьба позаботилась о моем воздержании — день выдался постный. Владыка и монахи скромно украсили свои подносы салатом и фруктами, мне оставалось следовать их примеру, хотя в этот день я и не завтракала, побоявшись опоздать к отъезду.

Из служебных дверей то и дело выбегают официанты, приносят соки и воды. Директор собственноручно оформил наш стол ветвью с красными финиками, каких мне еще не случалось видеть, — но и они имеют больше декоративные достоинства, а по плоти похожи на щепки. И все же приятно сидеть за столом, как и в гостях у бе-

Табфа

дуинов, и спутники мои в этом зале столь же естественны.

Отец Михаил, не уверенный, что я поняла, кто прокусывает трубы водопровода в пустыне, нарисовал на салфетке лису с острыми зубами и, чтобы не осталось места для кривотолков, крупно написал рядом: «Фох».

Отец Илия завтра уезжает на Афон, его не спрашивают, вернется ли он, но мне почему-то хочется, чтобы когда-нибудь он к ним вернулся.

— Вам очень повезло, — говорит Владыка, подкладывая мне ломтики дыни, — таких путешествий, как сегодня, у нас не было за последние двадцать четыре года.

— Вы так давно в монастыре?

— О нет, еще дольше — тридцать два года. Большую часть жизни...

— Лучшую часть? — уточняет отец Михаил. — Или лучшее время то, что у нас впереди?

— Всем бы такое упование... — улыбается отец Илия. — Но впереди и геенна огненная...

— Такова монашеская участь — не может монах вкусить никакого земного плода, не помыслив прежде о геенне, — качает головой отец Михаил, возвращая в вазу апельсин. — И лучше прежде, чем потом.

Мозаика Преображения

Б главный алтарь из придела Сорока мучеников ведут белые мраморные ступени. Я поднимаюсь на последнюю, и не переступая запретной черты, вижу престол, освещенный из подкупольного окна. Он облицован перламутровыми и черепаховыми пластинками — изящный узор в восточном стиле. Четыре тонкие колонны поднимают над ним такую же узорную сень. Изысканы эти точеные столбики, роскошен орнамент на престоле и обращенной к нему стороне сени в скромных пределах двух основных цветов — перламутрового и коричневого с неброскими оттенками.

Алтарь очень просторен; ниша облицована длинными мраморными плитами с природным синим рисунком, похожим на струи медленного потока. По стенам по обе стороны от престола на стеклянных полочках за стеклом выставлены старинные потиры с эмалью и драгоценными камнями, дарохранильницы тонкой работы, золотые кресты. Это малая часть монастырской сокровищницы, наполнявшейся многими веками.

Мозаика Преображения

*Монастырь св. Екатерины.
Храм Преображения Господня. Фрагмент иконостаса*

Но вот я поднимаю голову — и в высоте надомной, над престолом и сенью, раскрывается огромный небесный свод в мерцании синевы и золота.

С лицом, просиявшим, как солнце, на фоне темного золотого креста и светлого золотого

нимба, в одеждах, ставших *белыми, как свет*, Господь являет Себя во славе Преображения из глубокой синевы миндалевидного ореола. Сгустившаяся небесная синева, на которой сияют белизной хитон и гиматий с золотыми клавами, к краям ореола переходит во все более светлую голубизну. Этот лик Христа — лик Милостивого Спаса с бездонными и кроткими глазами. В Нем есть сила Вседержителя, но нет ничего грозного, как в поздних образах Пантократора — мозаике XI века монастыря Дафни под Афинами или фреске Феофана Грека. Спаситель поднимает благословляющую десницу со смиренной любовью. Эта божественная Любовь сотворила человека богоподобно свободным, таким свободным, что мы можем вознести перед престолом руки в ответной любви и молитве благодарения, или распять Ее, отвернуться, отречься, уйти и забыть. Но и тогда в неисповедимой любви Бог не забудет нас, как не забудет мать забывшего ее сына — если мы неверны, *Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может.*

Семь лучей исходят от Христа, пронизывая и озаряя светящийся круг вечности. Этот круг вмещает тех избранников Всевышнего, кого на протяжении времен удостоил Он видеть Себя *лицом к лицу*.

Апостолы, возведенные на вершину Фавора, и великие пророки древности Моисей и Илия замкнуты сияющей полусферой с золотисто-зеленой каймой, напоминающей грань земли и неба или радугу Завета. Коленопреклоненные Иоанн и Иаков, Петр, в священном ужасе поверженный у ног Христа, пророки — все обращены к преобра-

женному Господу. Прекрасен лик Петра; похожи большеглазые лики братьев — чистое юное лицо Иоанна и обрамленное усами и бородой лицо Иакова.

Есть в симметрии их поз, в воздетых руках застывшая условность, условны и тяжелые фигуры Моисея и Илии, поднявших благословляющие в сторону Христа руки, — но все это я замечу гораздо позже. Как позже вспомню, что ранние византийские художники делают мозаики из пластинок смальты, окрашенной окисью металлов и обожженной стекловидной массы; разные по форме и размерам пластинки укладываются не в гладкую поверхность, а чуть наклонно одна к другой, и по-разному отраженный свет мерцает, выявляя оттенки и полутона.

Позже прочту я и русский перевод греческой надписи под мозаикой: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа совершен сей художественный труд на спасение плодоносящих при Лонгине, преподобнейшем пресвитере и игумене», и другой текст, чуть ниже: «Художество Феодора пресвитера 24 года индикта 14». Это индикт, как пишет наш паломник епископ Порфирий Успенский, дважды путешествовавший на Синай, совпадает с 24 годом царствования Юстиниана, то есть с 551 годом. И позже узнаю, что потемневшая от копоти веков, осыпающаяся мозаика была высветлена и укреплена русским иеромонахом Самуилом в сороковых годах прошлого века.

А пока я вижу отверстие небо, кайму из звездчатых райских цветов и клюющих птиц по алтарной арке, двух Ангелов с венками в вытянутых руках, летящих навстречу друг другу по золотым

Мозаика Преображения

Преображение Господне. Фрагмент мозаики VI в.
Монастырь св. Екатерины

парусам стены. В их нежных ликах и легких удлинённых фигурах с высоко подпоясанными хитонами, в фиолетовых тенях складок гиматиев, в синих крыльях с павлиньими глазками есть та же высокая гармония. Блажен священнослужитель, предстоящий закланному Агнцу и видящий над собой это небо вечности, лик озаряющей Любви и запечатленных в незримом горнем полете вестников ее земного страдания и грядущей победы.

Светоносные золото, лазурит, белизна — свет, выявленный в многоцветии земли художниками византийской столицы времен Юстиниана, благородная палитра, избирающая пурпурное и лиловое, цвета вечереющей пустыни и царских багряниц, отзываются впечатлением возвышенным, редчайшим, драгоценным. Не в этом ли смысл и тайна творчества — словами, звуками, кусочками смальты или красками земными напомнить о Нетварном свете, пробудить тоску о нем, молитву, упование...

В широкой верхней кайме всего мозаичного круга — двенадцать серебряных медальонов с погрудными изображениями апостолов и семнадцать таких же портретов пророков на пурпурно-фиолетовом фоне, с царем Давидом в центре на нижней кайме. Пророки и апостолы *видели славу Его, славу, как Единородного от Отца, им чрез откровение возвещена тайна, сокрывавшаяся от вечности в Боге*. С тех пор в сердцах их горит огонь, которого они не в силах удержать. И слова их звучат то мольбой, то заклинанием, то угрозой, потому что обращены к земле опустошенной, сожженным городам, к народу, отвергшему Бога и обремененному беззакониями.

О Господи!.. Ты поражаешь их, а они не чувствуют боли; Ты истребляешь их, а они не хотят принять вразумления... – восклицает Иеремия. – ...Есть ли такой мудрец, который понял бы... за что погибла страна и выжжена, как пустыня?..

И сказал Господь: за то, что они оставили закон Мой... Я накормлю их, этот народ полынью, и напою их водою с желчью; и рассею их между народами...

Ибо голос плача слышен с Сиона: «как мы ограблены! как мы жестоко посрамлены»...

Все пророки говорили о божественной славе – утраченной, взыскуемой и грядущей. И сколько этих строк можно было бы взять эпиграфом к судьбам людей и народов-бogoотступников...

...Вас, которые оставили Господа, забыли святую гору Мою... – от лица Божия восклицает Исаия, – вас обрекаю Я мечу, и все вы преклонитесь на заклание: потому что Я звал, и вы не отвечали; говорил, и вы не слушали, но делали злое в очах Моих и избирали то, что было негодно Мне...

Посему так говорит Господь Бог: вот, рабы Мои будут есть, а вы будете голодать; рабы Мои будут пить, а вы будете томиться жаждою;

рабы Мои будут веселиться, а вы будете в стыде; рабы Мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа...

Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю...

И всем другим вестникам, святым, мученикам, страстотерпцам, призванным Господом и верным Ему, вошедшим в сияющий круг вечности, преображенным Его славой – возвещена эта тайна священного назначения человека, созданного из праха, но призванного стать богом.

*Иисус Христос Пантократор.
Монастырь св. Екатерины. VI в.*

В пространство от слов Божиих: «Да будет свет» — до Нового неба и Новой земли, которая наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море, вмещается вся история мира, ибо Сам Господь есть этот Свет предвечный и неугасимый, а смысл истории — откровение Его.

Можно ли представить картину мира как огромную мозаику Преображения — с явленным во славе Иисусом Христом в сердцевине ее и постепенным просветлением одних образов и омрачением других? Когда Творец поставит на место последний кусочек смальты, когда все лики проявятся, закончится отделение света от тьмы, — история завершится.

Призвание Моисея

На парусах арки перед алтарным сводом, по сторонам двойного окна, разделенного колонкой и обведенного арочками с пурпурной каемкой и орнаментом из четырехлистника, есть еще два изображения Моисея. На одном из них он снимает сандалию перед густо зеленеющим Терновником, а в листве горят багряные, фиолетовые, белые огни, как вспыхнувшие райские цветы. Его склоненная фигура высока, крепка, легка; пастух, приведший стадо к горе Божией, он облачен в светло-фиолетовый хитон и бледно-голубой гиматий — пророческие одежды в отсветах огня, уже являющие его призвание.

Хочется всмотреться в черты его лица, понять — кто он, один из первых избранников Божиих?

Красивый сын еврейского народа, он рожден в египетском рабстве и от рождения обречен на смерть. Но может ли земная власть фараона противостоять замыслу Божию? В осмоленной корзине — малом ковчеге — ребенок оставлен в нильских водах и извлечен дочерью фараона. Он назван «спасенным из воды» — из темных вод потопа, —

как Ной с сыновьями и поколениями, заложенными в семени сыновей, — из смертоносного потока духовного рабства, из тьмы сознания народа, довольствующегося деланием кирпичей для пирамид фараонов и египетским мясом с чесноком. Он воспитан дочерью фараона, как ее собственный сын и обучен всей древней египетской мудрости.

Какая от начала дней исключительность судьбы на скрещении линий жизни и смерти, линий истории двух великих народов: одного в предвестии заката его могущества и культуры, другого — в предначертании избранничества.

Всего несколько десятилетий отделяют Моисея от самого яркого периода египетской истории — царствования Эхнатона, когда на смену темному сонму идолов впервые приходит идея единого Бога.

Что нового было в том, что едва достигший совершеннолетия фараон объявил себя жрецом Атона — Солнца? Солнце с древности обожествлялось в Египте. В Верхнем Египте оно почита-

*Пророк Моисей
оо Скрижалих Завета.
Монастырь св. Екатерины.
XII-XIII вв.*

лось как крылатый диск под именем Гора, слившегося с богом-соколом, покровителем царской власти. Фиванские жрецы помещали солнечный диск между рогами барана, символизирующего главное божество — Амона. В Гелиополе поклонялись древнему Ра, «создателю мира», имя которого тоже означало солнце. Дополнением к Ра служил Атум, обозначавший солнце в момент заката, и Хепер, бог вечного становления и движения, символом которого стали скарабеи. Эхнатон упразднил весь сонм прежних богов, как главных, так и бесчисленных идолов, поклонение которым шло еще от обожествления животных: Тот с головой ибиса, Сохмет с головой льва, Хатор с головой коровы, Анубис с головой шакала, Себек с головой крокодила и другие, и каждого сопровождал пантеон родственных идолов, и каждый имел власть, ограниченную территорией разных городов и номов, и все они имели власть только в Египте. Эти чрезвычайно запутанные системы мистико-религиозных представлений дробили страну. Гениальное прозрение фараона об универсальности религиозной истины почти на полтора тысячелетия предшествовало откровению христианства и далеко опередило сознание его времени, обрекая на гибель его реформаторство. В шестой год царствования вместе с семьей, приближенными, воинами, новым жречеством и служилым людом он покинул Фивы — прежнюю столицу, и поднявшись по течению Нила, вышел на берег в широкой долине, окруженной скалами. Здесь был возведен новый город с храмами Атону, дворцами, парками, садами, прудами, богатыми кварталами приближенных.

Г. Доре. Нахождение Моисея дочерью фараона

Главным ритуальным обрядом сопровождался восход солнца. Оживали на восходе берега Нила, распускались голубые и белые лотосы, поднимались из зарослей папируса стаи птиц, оглашая криками пробудившийся мир. В этот рассветный час в храме, представлявшем собой громадный открытый солнцу двор, празднично оформлен-

ный пилонами, статуями фараона и росписями, жители Ахетатона приносили на жертвенниках дары солнцу. Стоя на верхней площадке главного алтаря, на который уже были возложены цветы, плоды, овощи и птицы, Эхнатон взмахивал кадильницей с фимиамом. Нефертити, жена его, прекрасная в диадеме с перьями, и дочери мелодично позванивали в систры. Музыканты, придворные и жрецы нараспев произносили слова гимна всеозаряющему и животворящему солнцу: «Прекрасен твой восход на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни! Встают люди, омывают тело, воздевают руки, радуясь рождению нового дня. Зеленеют деревья и травы, пасутся стада, взлетают над болотами птицы, поднимая крылья в знак поклонения тебе. Всплескивает рыба в воде, и корабли плывут вверх и вниз по реке. Твои лучи объемлют все страны, которые ты сотворил. Ты даешь дыхание, чтобы оживить творения твои, утешаешь ребенка, чтобы он не плакал, помогаешь птенцу разбить скорлупу и выйти на свет. Ты даешь жизнь и отдаленным странам, оплодотворяя дождем их земли. Как многочисленны и прекрасны творения твои — люди, животные, цветы, травы, все, что есть на земле, в воде и в воздухе!»

Поразителен этот гимн в эпоху торжества жестокой силы, когда прешественники Эхнатона, возвращаясь из походов, подвешивали на носу барки пленников вниз головой, когда фараоны украшали свой путь сожженными и покоренными городами и горами трупов, а славословия сравнивали их с яростными львами и парящими ястребами, схватывающими все, что видят... Ни-

когда в истории Египта не достигали такого совершенства, свежести, яркости и пленительного своеобразия живопись и скульптура, освободившиеся от вековых шаблонов. Прекрасны росписи дворцовых залов, молелен, загородных усадеб новой столицы. Иногда все помещение оформляется в виде нильского берега: тонкие колонны, напоминающие стволы папируса; цветы и бутоны лотоса, повторяющиеся в росписях стен и пола, порхающие в зарослях птицы. Никогда прежде не было такого богатства сюжетов и красок, такой свободы и утонченного изящества исполнения, такого увлечения красотой линии и цвета. Та же естественность появилась в изображении людей, сменив канонизированную стилизацию поз и жестов. От портретов прежних фараонов, одинаково монументальных, резко отличаются изображе-

Оазис в Синайской пустыне

ния Эхнатона: аскетические черты, удлинённый череп, узкие плечи, тонкие слабые руки. Он часто запечатлен в семейном кругу: с Нефертити и царевнами. Шедеврами мирового искусства остаются скульптуры Тутмеса, современника Эхнатона: цветной бюст Нефертити в синем головном уборе, ее же дивная песчаниковая головка, портреты царевен.

Эта религия открывала глаза на земную красоту, называя природу зеркалом Атона, единственного источника энергии и непрерывной жизни.

Эхнатон умер рано, около тридцати пяти лет, из которых семнадцать он царствовал. Не лишены оснований предположения, что он был отравлен — сохранились росписи, изображающие покушение на него. Он не оставил ни сыновей, ни сподвижников. Последующие фараоны сделали все, чтобы вычеркнуть из истории память об Эхнатоне и его божестве. Царский двор вернулся в Фивы, а прекрасный город Солнца был с ненавистью разгромлен: разбивали, крушили, дробили великолепные статуи, рельефы, храмы и дворцы, позже пески пустыни на тысячелетия укрыли руины. Имя Эхнатона вычеркнули из истории, стерли с каменных стелл и из папирусных летописей, и только в случае необходимости упоминалось о царствовании «проклятого солнцепоклонника».

Но эта эпоха не прошла бесследно в культуре Египта, однажды достигшей такого высочайшего уровня. Вот почему евреи-пастухи были «мерзостью» для египтян, низшей непросвещенной расой, и евреи рабы тысячами обрекались на смерть при рождении или на строительстве кана-

лов и пирамид; народ обречен был ассимилироваться или быть раздавленным. Вот почему исход из Египта стал для евреев исходом в иное бытие, в собственную историю, религию и судьбу. Вот для чего Господь избирает Моисея.

По воспитанию он вознесен на вершину пирамиды царственной власти и культуры, принадлежит к верховным поработителям. Но в порыве гнева убивает надсмотрщика-египтянина, избивающего еврея, ибо по плоти и крови принадлежит к евреям, поработленным, задавленным, утратившим вкус свободы. Если бы он жил среди них, он тоже не знал бы этого вкуса, — нужно вырасти свободным, чтобы ощутить всю глубину унижения рабством.

Он пришел к своим с безотчетным желанием защитить от насилия, научить достоинству, прекратить внутренние распри. *Пришел к своим, и свои его не приняли*, — как будет сказано потом о другом Пришельце. И, отвергнутый своими, он скрывается от гнева фараона в пустыне. Небольшой штрих в портрете: как начинается эта жизнь среди чужих. Моисей сидит у колодца в чужой земле, и приходят дочери священника, поднимают с большой глубины воду, наполняют корыта для своих овец. Появляются пастухи и отгоняют их.

Тогда встал Моисей и защитил их, и напоил овец их.

Он пришел издалека, чтобы обрести мирное пристанище, но сразу вступает за незнакомых мадиамитянок, один против пастухов, как вступился сначала за еврея против египтянина, потом за еврея против еврея. Значит, дело не только в родстве по крови, — в нем действует бо-

С. Боттичелли. Сцены из жизни Моисея

жественный закон, еще не начертанный на скрижалях каменных, но уже проступающий на плотных скрижалях сердца.

«...Придя к смоковнице, чтобы напиться, и не найдя на ней плодов, Господь присудил ей наказание, и она тотчас засохла («да не будет же, — сказал Он, — вперед от тебя плода вовек»). Как там еще не время было собирания смокв, а Господь потребовал плодов от смоковницы, так и здесь Господь приходит еще до духовного единения, требуя от души плода доброй решимости... Это означает, что еще до действия благодати и принесения душою плодов духа Господь требует какого-то собственного плода самой души, искреннего желания и решимости всю веру и всю любовь Ему отдать, и всю, насколько есть сил, способность к добрым делам, внутренним или внешним. Этого вот Господь ищет от нас, то есть неотступного стремления к Нему; и когда видит такое доброе

произволение души и правое стремление к Господу, тогда дарует ей благодать, приходя и обитая в нас, и тогда удостаивает душу, в пору ставшую смоковницей зрелой, плодов духа. И в каждую душу заглядывает Господь... Каждая душа должна поэтому умереть в себе самой и Им начать жить и принять Его...» — как говорит Макарий Египетский.

Итак, названный сын дочери фараона пасет овец и женится на мадиамитянке. Но *при этом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу*. И вот — сорок лет в пустыне, перед безмолвием гор и песков, сорок лет одиночества — потому что не мог великий разум утолиться безмолвием небес, памятью о давно прошедшем, общением с Сепфорой и бессловесной тварью. Он смирился, одиночество и пустыня угашают страсти, очищают душу от всего временного, подготавливая ее ко встрече с Тем, одним из имен Которого является Вечность.

И когда Моисей готов услышать, он слышит голос Бога: *Я увидел страдание народа Моего в Египте...* Разве Господь не видел этого страдания раньше? В Его бытии нет времени, нет «раньше» или «позже» — это в судьбе Моисея настал час, когда Господь счел его готовым к исполнению Своей воли, совпадающей с прежде бессильным человеческим желанием:

Итак пойдя: Я пошлю тебя к фараону; и... выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых.

Кто я, — говорит теперь Моисей, — чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?

В этом «кто я?» — его теперешнее смирение и, может быть, неуверенность и нежелание поднять свой крест как хоругвь ополчения.

И Господь отвечает на самую суть вопроса:
Я буду с тобою...

Нет силы, способной вывести народ, оставивший Бога, из позора рабства и нищеты, кроме Самого Бога. Но Он нуждается в посреднике.

О Господи! человек я не речистый... я тяжело говорю и косноязычен, — продолжает уклоняться Моисей.

Я буду при устах твоих... — отвечает Бог.

И последнее отчаянное воззвание: *Господи! пошли другого, кого можешь послать.*

Все тщетно, потому что больше послать некого, к нему протянута десница Господня:

И жезл сей возьми в руку твою...

И пошел Моисей...

И потом, уже после исхода евреев, когда они плачут в пустыне у своих шатров о мясе и чесноке и репчатом луке, который ели в рабстве, Моисей воззовет к Господу:

...Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его?.. Я один не могу нести всего народа сего; потому что он тяжел для меня.

И, как и всякий раз, когда Моисей вопиет к Нему, даже безмолвно, Господь отвечает другими словами или действиями, но то же самое по существу: *Я буду с тобою...*

И это конечное принятие Моисеем своего тяжелого пожизненного креста и ответное действие через него беспредельной силы Божией — сделает Моисея пророком, равного которому не

было в Израиле до того времени, пока Господь не воздвигнет из среды его другого Пророка и Посредника, принявшего на свои плечи тяжесть всего человечества.

Как прообраз Христа Моисей на синайских иконах молод и красив — нетленной красотой чистоты и полноты веры. С жезлом этой веры, в которой действует Бог, совершает он Пасху и исход. Этим жезлом отсекает воды Чермного моря, чтобы через пустыню Сур привести к горе Божией пасомый народ, как прежде привел к ней стада. Этим жезлом должен высечь он из скалы воду и из окаменевших душ — огонь божественной любви...

Один богослов спрашивает: почему Господь не открыл Себя, например, Эхнатону — гениальному, аристократичному, утонченному, имеющему власть изменить что-то на земле? Это не праздный вопрос, хотя Бог и не призывает нас разгадывать тайны его судов о человеке и мире:

Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь.

*Пророк Моисей. Монастырь
ов. Екатерины. XVII в.*

Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших.

Но этот вопрос тысячекратно будет повторяться в истории в более широком плане — как вопрос о том, почему Бог избрал еврейский народ, как вопрос о чьей-нибудь личной близости к Богу. И в поисках ответа мы снова касаемся великой тайны любви Божией:

Посмотрите, братья, кто вы, призванные: немного из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных;

но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощее мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное;

и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.

От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением...

Так абсолютна Истина, которую являет Господь и так она абсолютно нова, что всякая земная малая добродетель, неизменно смешанная с грехом, всякая земная мудрость и любовь, высота и власть — только подменяют, заслоняют, отделяют от Того, Кто хочет Сам стать Освящением и Искуплением, единственной нашей Мудростью и Любовью.

Рассвет на вершине горы Синай

Владыка Дамианос сидит, откинувшись в кресле за большим письменным столом, заваленным бумагами. Жарко, и ворот его подрясника расстегнут. Я пришла в третий раз: раньше в кабинете сидели посетители, входили и выходили монахи, и я не решалась зайти.

— Да-да, — говорит он дружелюбно, — мы сейчас составим вашу программу.

С минуту он смотрел в окно, как бы раздумывая, потом замедленным движением снял очки, поставил локоть на кипу бумаг, и подперев щеку ладонью, со вздохом закрыл глаза.

— Вы устали... Можно прийти в другой раз?

— Нет, — отзывается он тихо и очень спокойно, — мне сказали, что вы уже заходили... Простите, я мало спал, но все равно придется бодрствовать до вечера.

Без очков глаза его с чуть красноватыми и припухшими закрытыми веками кажутся незащищенными; седые волосы над большим лбом с чуть заметной волнистостью уходят назад и собраны в узел. Может быть, Владыка давно устал, за все тридцать два года в монастыре...

Рассвет на вершине горы Синай

Монастырь св. Екатерины и гора Синай

— С чего бы вы хотели начать? — спрашивает он, не открывая глаз и не меняя позы.

— С восхождения на Синай...

Мне страшно откладывать это: могут пойти дожди, я могу сломать ногу, заболеть, умереть, мало ли что еще может помешать.

— Если это возможно...

— Это вполне возможно. Только надо решить, кого с вами послать. Дайте мне подумать до вечера. Начнем пока с других пунктов...

Он поднял голову, как бы восстав освеженным и обновленным после глубокого сна, надел очки и стал перечислять все, что мне непременно сле-

довало увидеть. Сердце мое возрадовалось: это была обширная программа, отмерянная щедрой рукой: и продолжение знакомства с храмом, иконами, библиотека, монастырские службы, скиты, Фаран и Раифа с их древними монастырями...

— На пик Моисея — три часа подъема... Светает сейчас около шести: выйти придется часа в три ночи.

— Может быть, раньше? Боюсь, что я не смогу подниматься слишком быстро... В два часа?

— Хорошо, в два. А через полчаса мы поедем по делам в поселок Санта-Катарина, если вам интересно посмотреть, подождите у ворот...

В середине дня мы возвращаемся из Санта-Катарины. Когда машина уже в километре от монастыря, впереди на обочине дороги появляются два путника в длинных черных одеждах. Один с посохом и рюкзаком за плечом; в фигуре другого есть что-то знакомое.

Отец Михаил остановил машину, путник склонился к боковому окну рядом со мной:

— О, Валерия... как вы здесь? — И тут же, взглянув на переднее сиденье и очень смутившись от того, что не его узнал первым: — А это, кажется, архиепископ Синайский?

— Кажется, это он, — соглашается Владыка, открывая дверцу.

Рядом со мной садится иеромонах Иоанн, духовник женского Гефсиманского монастыря в Иерусалиме. В Гефсимании я провела пять дней; каждый день отец Иоанн служил литургию, вместе с ним и монахинями я выезжала в Вифанскую детскую школу, в храм Александра Невского «на русских раскопках» у Судных врат, — но до сих

пор мы не обменялись ни словом. В неизменной черной шапочке, надвинутой до бровей, с резкими складками у сжатого рта, он казался мне замкнутым, почти угрюмым. С другими говорил отрывисто и принужденно, а у меня не было повода для беседы с ним. Но встретившись в пустыне, мы обрадовались друг другу.

— Вы надолго? — спросила я по-английски.

— На два дня.

— Собираетесь подняться на пик Моисея?

— Да, и наверно, сегодня.

— Вот и славно, — полуобернулся к нему Владыка. — Пойдете вместе. Выйти нужно в два часа, потому что Валерия предпочитает ходить медленно; а вечером загляните ко мне, договоримся, кто вам откроет ворота. Кстати, разве вы не можете говорить по-русски?

Мы засмеялись: я забыла, что встретилась не только с православным священником, но с православным русским, хотя и принадлежащим к Зарубежной церкви: его затвердевшие в обличительном пафосе архиереи запрещали нам евхаристическое общение, но говорить мы пока могли на одном языке. Я испытала от этого особенное облегчение, потому что мой английский стоит мне большого напряжения и оставляет возможность общения только на самом поверхностном уровне.

Второй паломник, отец Георгий, прибыл из Джорданвиля, — он тоже принадлежит к Зарубежной церкви и тоже русский, но, к сожалению, по-русски уже не говорит.

Около восьми мы встретились на плоской крыше какого-то строения, на которую ведут деревянные лесенки с третьего этажа от галереи и

Церомонах Иларион (Алфеев), гость монастыря

келлий для гостей, со второго — из приемной Владыки. Площадка ограждена перилами и выступом стены, похожим на парапет набережной, под которым протекает река жизни монастырского двора. Сюда же выходят двери канцелярии, келлий эконома и еще какие-то неизвестные мне двери, и площадка обычно служит главной сценой, на которой по замыслу режиссера появляются действующие лица.

С галереи снизошли отцы Иоанн и Георгий; заметив нас, по своей лесенке спустился Владыка. Появился эконом со связкой ключей — один был от церкви на вершине Синая, назначение остальных мне предстояло узнать по пути.

С глубоким волнением я следила, как воплощается замысел, недавно казавшийся почти безумным. Уже из разных концов света прибыли попутчики, уже позвякивают ключи... Очевидно, было над робкой моей надеждой благословение

Рассвет на вершине горы Синай

Незримого Автора наших жизней, и Своими таинственными путями Он привел каждого из нас на эту крышу, на несколько дней соединив нити судеб. Не так ли происходит и все на свете? — в круговороте кажущихся случайностей каждая судьба свершается так, словно именно вокруг нее вращаются миры. И только Творец содержит в едином космическом замысле все орбиты, прямые и ломаные, параллельные, пересекающиеся, касающиеся и расходящиеся линии судеб... Лишь в исключительные по напряженности часы мы ощущаем присутствие незримых сил, они проступают из-под покрова обыденности, — как магнит выявляет силовые линии в рассыпанных на листе опилках железа.

По лесенке снизу, постепенно обозначая свой отменный рост, поднялся послушник Николай, которому предстояло проснуться среди ночи, разбудить паломников и открыть ворота. Молодой англичанин, застенчивый и улыбающийся, он невнятно поговорил с Владыкой и вдруг вызвался идти с нами до конца. Эконом передал ему связку ключей.

Владыка вспомнил еще о чем-то и направился вверх. Вернулся он с фонариком и будильником и вручил их мне: будильник был поставлен на половину второго ночи. Когда, благословив нас в дальнюю дорогу, он тяжело поднялся по лесенке, отец Иоанн порывисто обратился ко мне, словно не решаясь поверить своему недолгому впечатлению:

— По-моему, он очень хороший человек?

Я с удовольствием подтвердила эту догадку. Владыка напомнил мне одного дивного нашего старца, и мне захотелось рассказать о нем этим

священникам, ничего не знающим о нашей внутренней, не афишируемой экранами жизни, и потому, может быть, под напором своих церковных властей и впрямь сомневающимся в благодатности русского духовенства.

В келью я вернулась в половине девятого: можно было поспать часов пять. Но в эту ночь я не спала ни минуты. И когда поняла, что это не удастся, зажгла свечу — электричество отключали в десять, — и раскрыла ту же книгу Исхода. События обретали ужасающую достоверность, но тем более я ощущала, как мало мы способны их вместить.

Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его...

Господи, что же это — умертвить того, кого Ты Сам избрал для спасения сонмов будущих избранных, кому впервые назвал Себя?

Вот, я прийду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «Как ему имя?» Что сказать мне им?

Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий.

Как ему имя? — этот вопрос задают люди от начала дней. И не потому, что мы хотим услышать звук имени: ответ должен приблизить нас к знанию о том, КТО ОН, и тем определить наш выбор между добром и злом, жизнью и смертью.

Я есмь Сущий — Я есть Тот, Кто есть, был и будет.

Но разве это ответ? Или он и означает, что нет слов, которыми Ты мог бы выразить, объяснить, исчерпать Себя, ибо Ты превыше всякого имени. И каждый человек заново, как Авраам и Моисей, получает повеление идти в неведомую страну, не зная, куда идет и придет ли.

Моисей принимает повеление и выводит народ, не защищенный ничем, кроме поражающих или спасительных явлений божественной силы, из рабства — в пустыню. Этому народу Господь говорит через Моисея:

Г. Доре. Пророк Моисей

Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: ибо Моя вся земля;

а вы будете у меня царством священников и народом святым...

И весь народ отвечал единогласно, говоря: все, что сказал Господь, исполним.

Но сколько трагизма в этом избранничестве... Вот они оставляют все, что имели, — страну, где родились, свои жилища, пусть жалкое, но имущество, даже привычную пищу. Сорок лет идут по пустыне, под испепеляющим солнцем, под зимними ливнями и пронизывающими ветрами, несут своих детей и свои болезни, не всегда имея возможность утолить жажду... И все это для того, чтобы потом умереть у границы обещанной земли, так и не напившись из ее колодцев и не вкусив от гроздей ее винограда. Разве это не больше похоже на обреченность?

Или это жертвенное избранничество? И призвание к священническому служению — тоже призвание на заклание?

Беззвучная ночь окружает меня вплотную, когда я выхожу к воротам. Над черной монастырской стеной, заслонившей половину неба, над незримым садом сияет невиданное множество звезд, но свет их не достигает земли, спящей во мраке. Едва уловимое веяние ветра касается лица и тоже растворяется во тьме. Поставив рюкзак на выступ стены, прислонившись к нему, я обретаю равновесие и жду. Такая глубина в покое ночи, что трудно поверить, что кто-нибудь бодрствует в ней, идет к воротам, вот сейчас загремят тяжелые засовы...

Не очень скоро, но засовы загремели. Тьма спустилась в три высоких фигуры.

— Давно ждете? — спрашивает отец Иоанн. — А мы искали келлию Николая и его будили.

Наверное, это непросто, найти в спящем без света монастыре неизвестную келлию, но я так и не узнала, как это удалось, разговаривать не хотелось — этот путь мы должны были совершить молча.

Спустились вдоль стены. Между монастырем и склоном Джебель-Деир горит костерок, и в его неверных отсветах лежат верблюды и сидят несколько бедуинов. Один из них двинулся нам навстречу, предложив доставить сразу к середине пути — на хребет Хорива — за двадцать долларов с человека.

Остался позади костер, и вдруг обозначились контуры двух гор — огромными срезами краев звездного неба — и несколько цепочек огней на невидимых склонах. Прерывистые цепочки движутся: это паломники несут свои малые светулы на вершину Синай.

Дорога полого поднималась. Я пропустила спутников вперед, они идут быстро. Вскоре мы догоняем далеко растянувшуюся группу немцев и долго не можем от нее оторваться: громкие голоса и смех режут слух. К счастью, они остаются у первого сколоченного из досок ларька с пивом, ярко освещенного керосиновыми лампами.

Луч фонаря скользит по краю обрыва и вдруг срывается в провал, шуршат скатывающиеся из-под ног камни. Жарко идти в куртке, я на ходу заталкиваю ее в рюкзак. Он быстро тяжелеет, хотя кроме теплой одежды в нем только мой

большой английский бинокль, лепешка и бутылка с кофе.

Чем дальше, тем круче подъем, скоро мне будет трудно идти в ногу с монахами, но когда они приостанавливаются, я стараюсь дышать легко.

Тора Мошова

Идем молча, иногда догоняем группу, иногда пропускаем вперед. Вдруг рядом со своим плечом я обнаруживаю огромный, бесшумно движущийся силуэт верблюда и пугаюсь. Проплывает надо мной его узкая голова на гордо изогнутой шее, звездным светом блестит на мгновение глаз; можно различить позвякивающую уздечку, бахрому на седле, седока на высоком горбу. Может ли верблюд наступить человеку на ногу или задеть его и столкнуть в провал? Наверное, нет: он видит нас лучше, чем мы его, у него есть чутье, он совершает этот путь не впервые. Но кто знает, что придет в маленькую голову животного, загадочного для нас, как и все их царство со времени адамова изгнания.

Все шире распахивается небесный свод, усыпанный мириадами звезд, покрывая оставшиеся внизу ущелья, склоны, вершины гор. Только одно знакомое созвездие мне удастся различить в несметном сонме светил — огромную бабочку Ориона, задевшую крылом за излом горы. И чем выше мы поднимаемся, тем светлее становится ночь над нами, и звезды повисают в прозрачной темно-синей бездне, уходящей дальше звезд.

В эту бездну я смотрю на привале, сидя на камнях у края дороги перед началом более крутого подъема. Иссякли потоки, исчезли травы, а небо осталось тем же, как тысячи лет назад, как при Моисее. И тем же остался Ты, создавший горы и небо, Великий художник, творящий из камня и живой плоти, из света и духа. Так Ты сотворил наедине и наши души, несметные, как звездные миры, мириады душ, ушедших, пребывающих и будущих — и все они у Тебя живы. Разве не всем

Ты можешь сказать, как Моисею: *Я знаю тебя по имени*, если сокровенным именем Ты вызвал нас из небытия, наделил разумом и бессмертием? В этом имени — Твой тайный замысел о каждом из нас, и вот мы блуждаем в пустыне мира, алчем и жаждем, разгадывая его. Созданная по Твоему образу душа алчет хлеба небесного, но мы стараемся насытить ее яствами земными, плодами, до которых легче дотянуться и которые тоже даны Тобой, а потому прекрасны. Мы жаждем приблизиться к Тебе и не можем, и наша неутоленность не избавляет нас от привычного рабства.

С тех давних времен Ты назвал нас другие Свои имена: Любовь, Красота, явил Свой лик в образе Всемиловитого Спаса, говорившего о Тебе, непознаваемом и неизреченном, на доступном нам языке. Но Ты остался столь же таинственным, превосходящим слово и образ, Ревнителем, пламенеющим любовью, требующим от нас той же полноты веры и жертвы на пути к обетованному небу...

Взбираемся по ступеням, все более крутым. Одни из прежних паломников насчитали три тысячи семьсот этих ступеней, другие семь тысяч, а кто-то даже одиннадцать. Мы не прошли и половины, но мне кажется, что силы мои на исходе. Почему никто не догадывается взять у меня рюкзак? Но никто не догадывается, и мне ничего не остается, кроме как дойти и донести его.

Однажды у меня погас фонарик: в последний момент я взяла не тот, который дал мне Владыка, а другой, больше и ярче, — предпочла благословению расчет и вот была поделом наказана. Стараясь не отстать, я тщетно продолжала щелкать

Так символически изображали Непокальную Кулину в прежние века

выключателем, и вдруг из тьмы протянулась рука с фонариком: это отец Иоанн молча отдал мне свой.

Теперь он шел передо мной, часто оступаясь, и я светила вперед. От жара пересохло во рту, не хватало дыхания, колотилось сердце, болели ноги, давно я не видела неба, а только выхваченный бледным лучом камень, на который надо было взобраться... На середине пути, помнилось мне по описаниям, должна стоять небольшая церковь — значит, мы и до нее не дошли...

На высоте начался пронизывающий ветер; наверное, можно было и простудиться, но простуда сказала бы не сегодня, а идти стало легче.

Еще один короткий привал и за ним самый крутой подъем в узком и долгом, будто прорублен-

ном вверх тоннеле. Я отталкивалась рукой от скал, иногда прислонялась к ним, повторяя короткую молитву. Спутники мои возносились почти незримо, такая к утру опять сгустилась тьма.

И наконец, часа через три после выхода из монастыря, — какая-то ограда, стена, ступени... Я села на них, привалившись спиной к стене, с наслаждением отпила несколько глотков горького кофе с выжатым в него лимоном и принялась за лепешку с зеленью и сыром. Отец Иоанн сидел у стены, свернувшись, поджав колени и положив голову на руки, и все устроились на долгий отдых.

Около пяти часов я осведомилась, не пора ли нам двигаться выше.

— Выше невозможно... — засмеялся послушник. — Это пик Моисея. Вы шли в хорошем темпе.

Приятней было бы идти не в таком хорошем, но и сожалеть о чем-нибудь было поздно.

Теперь, когда мы пришли, мне показались преувеличением рассказы о великих трудах восхождения. Но, возможно, многое изменилось, и дорогу улучшили: с тех пор, как на Синай поднимались паломники из России, прошло не менее семидесяти роковых лет. Куда мы могли бы подняться за эти десятилетия, если бы не обрушивались в черный провал, из которого теперь, может быть, нам еще дольше не выбраться? Но и у народов есть время восхождения и падения, умирания и воскресения из мертвых.

Светает быстро и задолго до восхода. Уже хорошо видна небольшая церковь, в ограде которой мы сидели. Построенная при Юстиниане, она тоже посвящалась Преображению Господню,

как и базилика монастыря, но в поздние века разрушилась и восстановлена из древних гранитных блоков, но теперь с другим именем — Пресвятой Троицы.

Почти все туристы собрались за оградой справа от храма, где срез скалы выровнен и обведен невысоким каменным барьером, как смотровая площадка. Мы поднялись на верхний выступ скалы с другой стороны и осмотрелись. Только человек десять, обращенных лицом к востоку, сидят чуть ниже, затихнув в ожидании всегда повторяющегося и всегда неповторимого таинства рождения дня.

Вокруг, насколько видит глаз, из синеватой рассеивающейся мглы поднимаются горы — ги-

Шаровня Пресвятой Троицы на вершине горы Моисея

гантские, пустынные, мертвые, будто оставшиеся от тех дней творения, когда Слово еще не вызвало из небытия живую жизнь.

На востоке над озаренным краем гор лежит длинная гряда серых и синих облаков, а между ними — ослепительные золотые озера с четко прорисованными синей каймой берегами. Вдруг красная точка появляется в разрыве облаков, и оттуда, из этого разрыва, проливается огненное сгущение, еще недостаточно расплавленное, чтобы светить. И вот уже красный срез круга высвободился вверх над плотной грядой облаков, и раскаленный диск без лучей быстро поднимается над ней, на глазах округляясь, наливаясь светом.

Над торжественным безмолвием и неподвижностью горных далей восходит солнце, — священный сосуд, вобравший в себя изначально сотворенный пламень, чтобы он светил, не испепеляя.

И сразу утро наполняется золотистым благословенным светом, и еще вдвое раздвигается необозримое кольцо горизонта. Но и все это преувеличенное пространство заполняют островершие и округлые горные вершины, изрезанные хребты, растрескавшиеся склоны и ущелья, таящие в глубинах полупрозрачный утренний дым.

Прямо под апсидой церкви Синай обрывается в бездну. Страшно сидеть на краю и смотреть вниз, на обломки и нагромождения камней у подножия, где взлетают и садятся на камни две едва различимые птицы. А по самому обрыву от верхушки до основания тянутся черные языки — обожженной солнцем породы или божественного огня?

С головокружительной высоты я вижу распластанную внизу широкую и ровную долину с точ-

ками нескольких домов и длинными нитями пересекавших ее дорог: в этой долине стоял народ Израиля, когда Господь сошел на Синай в огне, и молниях, и громе. У начала Хорива, где сливаются несколько ущелий и где теперь растянулся поселок Санта-Катарина, но откуда не видна вершина Синая, евреи ополчились станом. А навстречу Господу Моисей привел их сюда. Кажется, что равнина слишком близка, и Огонь Поядающий мог расплавить взыскующих Его столь дерзновенно.

Стоя у края скалы над беспредельной горной далью, над долиной, мы, как и все достигавшие этой вершины паломники прежних веков, прочли вслух девятнадцатую главу Исхода: отец Георгий с послушником на английском языке поодаль, отец Иоанн для нас обоих по-русски.

В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую...

И сказал Господь Моисею: пойдя к народу и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои,

Чтобы быть готовыми к третьему дню: ибо в третий день сойдет Господь пред глазами всего народа на гору Синай.

И проведи для народа черту со всех сторон, и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти...

На третий день, при наступлении утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане.

И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы.

Г. Доре. Евреи у подножия горы Синай

Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась.

И звук трубный становился все сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом.

И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей.

И как прежде, сколько бы раз ни читала я эти слова, они сотрясли и сокрушили, как достигшие через тысячелетия подземные толчки от того колебания горы, когда Господь сошел на нее в огне.

Слишком быстрым оказался переход из великолепия Божьего творения в полутемный бедный храм, когда послушник Николай открыл тяжелую дверь. Очень похоже, что это наши русские му-

Рассвет на вершине горы Синай

жички в начале века своим благочестивым усердием раскрасили картинки для иконостаса, развесили их по стенам. Да и каким творческим гением и духовной силой надо обладать иконописцу, чтобы создать что-нибудь достойное славы и высоты этой вершины... Но так разительно несоответствие, что очень хочется вернуться под голубой небесный свод, и снова смотреть на горы, а может быть, увидеть и синий край моря.

Но Николай уже запер дверь от туристов, а отцы скрылись в алтаре. Они прочли акафист святой Екатерине, — очевидно, только этот славянский текст нашел Николай спросонок. В акафистах — кроме двух-трех самых древних — меня угнетают тяжеловесные конструкции и неуклюжие в русской речи нагромождения дословных переводов из пышной византийской риторики. И такими надуманными, бедными остаются человеческие слова, несоизмеримые ни с Божией славой, ни со славой святых, в которых *дивен Бог*.

Николай, не знавший ни русского, ни тем более славянского, мирно уснул в уголке на скамейке. Ключи остались у него в кармане, и выйти на свет Божий мне удалось только вместе со всеми...

Уже сияет день, такой прозрачный и яркий, что в глазах начинается тонкая резь, и хочется прикрыть их ладонью.

Со смотровой площадки тоже открывается грандиозная и неповторимая панорама Синайских гор — безжизненные громады из расплавленной первоматерии, словно вздыбленные в едином порыве к небесам и окаменевшие. Над ними возвышается вершина горы Святой Екатерины, отде-

ленная от нас более низкими горами и ущельями. На самом верху белеет часовенка, там, где обретенны мощи одной из самых почитаемых святых.

Хочется рассмотреть залив Акаба, или Суэцкий залив, в бинокль. Но с востока в него бьет слепящий свет. А на западе гольф Красного моря заслоняет гора с ровной каменной стеной по гребню: там один из восточных правителей строил заоблачный дворец на костях рабов, чтобы укрепить легкие горным воздухом, но был призван в мир иной, не успев исцелиться.

Туристов наверху не осталось, только праздные бедуины, на рассвете продававшие сладкий чай и выставленные на дощатый длинный стол камни, — я долго рассматривала их.

На одних, розовато-коричневых и твердых, как базальт, прорастают целые рощицы веточек, будто изысканно прорисованных черным пером. Если такой камень расколоть на пластинки, на каждой остается тот же тонкий рисунок.

Позже в «Описании святой горы Синайской и ее окрестностей» Паисия Агиапостолита, я с удовольствием прочту главку «О расписных камнях»: «...И найдешь камни с мелкой порослью. Они называются камнями Всесвятой Купины: ибо они расписаны Самим Богом, по Его неизреченному промыслу. Собрав камешков, возьми их с собою, понеси домой: они избавляют от всякой болезненности, от озноба, головной боли и от других недугов, благоговейным дают здоровье. Когда кто заболит, помолись, поплачь, и тотчас погрузи камешек в освященную воду и дай испить больному с великим благоговением; и он немедленно исцелится, а ты тогда подивишься...»

Другие чудесные камни — разрезанные пополам правильные шары и овалы голубовато-опалового цвета в охристой шероховатой скорлупе: их вскрытые сердцевинки изнутри сверкают прозрачными кристаллами.

Я держу в руках тяжелые полусферы, и смотрю, как солнце высвечивает узорные белые и опаловые на голубом ободки вдоль их края, искрится на гранях кристаллов. Миллионы лет был скрыт этот камень в толще земли, пока его не откопали, или не вымыл бегущий с горы поток. Для кого же сотворена его красота? Только Сам Творец видит ее всю сразу — в глубинах морских и в земных безднах — и радуется ей. А она таит одно из Его имен.

Так сокрыт в человеке — под жесткой земной оболочкой, под напластованиями греха и зла — сияющий образ Божий. Господь видит его и потому знает другого человека иначе, глубже, чем окружающие, чем знаем себя мы сами. И обращаясь к нам, называя по имени, Он проходит сквозь все тяжелые и темные пласты — в эту светящуюся сердцевину.

Это неизреченное имя — логос, божественное слово, брошенное в землю семя, из которого прорастает жизнь и судьба. Это тайное имя — уголь под золой, под дыханием Духа разгорающееся в пламя. Это стрела, уязвившая нас бессмертной любовью и мукой. В недостижимой красоте и совершенстве Возлюбленного — источник благодарной радости о Нем и покаянного плача, в Его бесконечности — причина бесконечной жажды...

— В этой расселине Господь сокрыл Моисея...

Николай подвел нас к скале, на которой мы встречали рассвет, и показал наклонную трещину за отдельной оградой...

Уже начертаны заповеди на скрижалях Завета. Моисей взшел на Синай, осененный облаком славы Господней, и провел на горе сорок дней. Он введен в неизреченные созерцания — нерукотворного ковчега и скинии, в которых является Бог, и получил повеление воплотить увиденное в символы, весомость и зримость золота, пурпура и виссона.

...И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим...

О чем же еще он может теперь просить?

Моисей сказал Господу: ...если я приобрел благоволение в очах Твоих, то малю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя... И сказал Господь Моисею: и то, о чем

Ю. Карамзин. Моисей получает Десять заповедей

ты говорил, Я сделаю; потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени.

Моисей сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал Господь: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою; и, кого помиловать, помилую, кого пожалеть, пожалю.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня: стань на этой скале;

Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду.

И когда сниму руку Мою, ты увидишь меня сзади, а лице Мое не будет видимо.

И Господь еще много раз явит Моисею эту славу — в словах Завета, в облаке и столпе облачном над скинией во время странствия по пустыне, в процветшем Аароновом жезле, и наконец в Сыне Своем — Превечном Свете, Сиянии Славы Отчей...

Хорив

пускались по другой дороге, по выбитым в граните высоким ступеням: их и можно сосчитать только на этом пути. Но слава Богу, что не его выбрали ночью. Даль сглаживала подробности, а вблизи следы первозданного хаоса поражали невиданными формами. Из глубины ущелья по сторонам узкого прохода поднялись монолитные скалы с огромными впадинами, похожими на перевернутые набок чаши, или округлыми и гладкими сквозными проемами, сквозь которые голубело небо, — словно во вздыбленной когда-то лаве остались пустоты. Казалось, что мы переходим из одного пространства в другое, напоминающее о неисчислимом множестве миров, сплавленных в нашем едином земном пространстве. Они заставляли останавливаться в удивлении, восхищали и ужасали.

Из узкого прохода неожиданно вышли на каменное дно долины, окруженной горами. Неправдоподобно синело озерцо, обведенное по краю полоской зелени, и высоким шпилем зеле-

В часовне пророка Илии на горе Хорив

нел кипарис. Под ним прямоугольником крепости в малых размерах стоял опустевший скит.

Николай извлек из кармана подрясника связку ключей, — мы подошли к оштукатуренному и побеленному сооружению без окон, похожему на сарай. Эти стены ограждали пещеру, в которой после сорока дней и ночей пути остановился предшественник синайских отшельников — пророк Илия. Он, низводивший божественный огонь на жертву истинному Богу, чтобы посрамить жрецов Ваала, убегает от гнева Иезавели в пустыню Иудейскую. И, засыпая в изнеможении под можжевелевым кустом, просит смерти: *...Довольно уже, Господи, возьми душу мою. Но Ангел Господень касается его, ставит у изголовья кувшин с водой и кладет лепешку: Встань, ешь; ибо дальняя дорога пред тобою.*

В этой пещере у горы Божией Хорива было к нему слово Господне, и сказал ему Господь: *что ты здесь, Илия?*

Он сказал: *возревновал я о Господе, Боге Саваофе; ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее.*

И Господь отвечает на все вместе — на молитву одинокой души, на ее смертную усталость:

Выйди и стань на горе пред лицом Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь.

После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра.

Бог отвечает с наибольшей полнотой — вечно таинственным и вечно новым явлением Своим, тихим освежающим дыханием любви.

В том светозарном круге вечности, в которой нет ни начала, ни времени, ни конца, как отстоит это явление от видения Илией Господа в свете Преображения?

Часовня еще заброшенней и бедней, чем на вершине Синая, — и лучше бы не было в них никаких украшений. В пещере за алтарем может поместиться только один человек. Отцы поочередно прошли туда и, преклонив колени, поставили по огарку, найденному на подсвечнике. Благословили и меня пройти краем алтаря; и я коснулась губами стены пещеры и поставила свой огарок, — больше нам нечего было принести величайшим из пророков и причастников Славы Божией.

...Сразу же после явления Илие *во гласе хлада* тонка Господь отправляет его в обратный путь — с повелением помазать царей над Сирией и Из-

раи́лем. Зачем же было так далеко идти? Разве не мог пророк совершить это, не выходя из пределов израильских? Теми же остались Иудейская и Аравийская пустыни, — но, очевидно, после сорока дней поста и жажды, после долгого следования по глаголу Божию в неведомую страну что-то изменилось в самом пророке, и только здесь и теперь он смог принять еще более высокое повеление.

Не то же ли было и с евреями, обреченными проделать всего две длины такого пути, но уже за сорок лет, — пока не умерли все, кто нес в себе даже память о земле рабства...

Вода из глубокого колодца у кипариса чиста, легка и холодна. Может быть, и Илия или Моисей утоляли жажду из этого источника после сожженной солнцем пустыни, где нет рек, и только зимний дождь, поздний и ранний, проходит ливнями, обрушивается водопадами и без следа поглощается растрескавшимися камнями или песками. Опаленными губами, пересохшей гортанью ощущаешь в пустыне вечную тему жажды.

Простираю к Тебе руки мои; душа моя к Тебе, как жаждущая земля.

Скоро услышь меня, Господи, дух мой изнемогает; не скрывай лица Твоего от меня, чтобы я не уподобился нисходящим в могилу...

Миновали озерцо, перекрытое на стоке запрудой и мостиком. И скоро подошли к самому узкому месту: здесь проход между двумя обрывами перекрывала арка ворот, вытесанных еще при Юстиниане из того же камня, что и скалы. Это были известные по всем описаниям Врата в небо.

В прежние времена паломники повторяли путь евреев — от Египта, через Суэц и пустыню

Древние ворота, ведущие на гору Моисея

Сур к Эль-Тору — древней Раифе, или, повернув к востоку раньше, через вади Фаран — к Хориву и Неопалимой Купине. Услышав в себе некий таинственный зов, шли, подвергаясь опасностям от зноя и диких зверей, нападавших на караваны бедуинов, жгучего хамсина, покрывающего песчаные равнины останками людей и верблюдов. И, если удавалось благополучно завершить путь, благодарили Бога, несколько дней говели в монастыре, исповедовались, оставляя у подножия Святой Горы груз греха, причащались. И потом уже — омытые, освященные — переступали запретную некогда черту... А у этих ворот на хребте Хорива, перед подъемом на Синай и пик Моисея, — сидел монах, благословлявший на восхождение только тех, кто исполнил древний обычай, или исповедующий тех, кто почему-либо не успел это сделать.

Зато теперь туристы с комфортом прилетают из Америки, Японии, Австралии и всех прочих стран, кроме России, прямо в аэропорт Санта-Катарина; освобождают бумажники от избытка долларов в муниципальной гостинице, и, отдохнув после обильной трапезы, возносятся верблюдами на Хорив. А по краям дороги на покоренную священную высоту остается множество банок от пива, которым привычно утоляется жажда. Потом, в течение двух часов по утрам, когда богослужение закончено, и храм безмолвен и пуст, их большими группами приводят в монастырь на экскурсию, и они фотографируются здесь, как и на фоне Гроба Господня или Голгофы... На переднем цветном плане — сытые, улыбающиеся мистер Х. с супругой, на заднем — распятый Христос.

Вниз идти легко, камни уложены ступенями и отшлифованы ногами многих поколений православных. Кто их вытесал во славу Божию и сколько паломников прошли по ней вверх и вниз? Не эти ли тысячи ступеней дали зримый образ игумену Синайской горы Иоанну для его «Лествицы»?

Ущелье похоже на разлом; по обрывам тянутся вертикальные трещины, а из них пробиваются иногда то одинокое деревце, то сухая полынь, то кустики иссопа. В их дымчатых мелких веточках и горьковатом запахе вдруг воплощается строка псалма: *Окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся...* или строка евангельского повествования о последних часах распятого Бога...

Над обвалом гигантских глыб, — простой деревянный крест на забытой могиле. Не наш ли это рязанский или костромской богомолец остался навсегда в каменистой Аравии? Успел ли он подняться на пик Моисея, или так и остался у подошвы горы? Помяни, Господи, раба Твоего по имени...

Еще ворота, за ними пустующая часовня — Богородицы «Экономиссы».

Николай рассказывает, как в забытые времена бедствовал окруженный арабами монастырь, и совсем иссякли запасы пищи. Братия долго терпела голод, потом осталось только умереть или уйти. Со слезами отслужили литургию и пошли в последний раз поклониться Святой горе. И вот на встречу эконому нисходит прекрасная женщина в монашеской одежде, и спрашивает: «Как это вы хотите покинуть святую обитель?» Заплакал эконом, ничего не может ответить. А она говорит: «Идите обратно, за терпение ваше получите все, что нужно». Только успел он подумать: откуда же

*Богоматерь «Страстная». Монастырь св. Екатерины.
XVI в.*

тут монахиня в пустыне? — она стала невидимой. Вернулась братия, а у ворот караван с пшеницей и богатыми дарами из Дамаска.

У каждого монастыря есть такие события небывалые, похожие на притчи, они запечатлеваются на века, и из них складывается особая священная история обители. Или: кончился

елей, нечего было налить в лампы. Попросили монахи старца Георгия Арселаита помолиться и поспешили приготовить побольше кувшинов, чтобы они не переполнились, и елей не затопил кладовую. А елей потом еще несколько лет наполнял кувшины, как не заканчивалась мука у вдовы сарептской, — и на этом месте устроили часовню «Живоносный источник».

Много таких чудесных историй в прологах, патериках, в Лавсаике, Луге Духовном, в Достопамятных сказаниях о жизни блаженных отцов.

Вот одна из моих любимых. Египетский авва Виссарион с учеником шли по берегу моря. Ученик сказал: «Авва, мне очень хочется пить!» Старец помолился и говорит: «Пей из моря». Вода стала сладкой, ученик напился и налил воды с собой. «Для чего ты налил?» — спросил старец. «Прости мне, — как бы еще не захотелось пить на пути». Старец ответил: «И здесь Бог, и везде на пути Бог».

Почему же не могла явиться Богородица монаху на этом месте, у Неопалимой Купины, Ее прообразующей? И здесь Бог, и на всяком пути — Бог, и Матерь Его — Пречистая Дева, и все святые...

Потому и стоят на земле монастыри от Каменистой Аравии до Сергиева Посада, что есть в них монахи, поднявшиеся по лестнице духовного подвига к вершине горы Божией, где осеняет их Его слава.

Или потому и стоит земля, что есть еще на ней монастыри и святые. А ради десяти праведников Господь обещал не истребить Содом и Гоморру.

Синай в прежние века

Монастырь вырастал на духовных подвигах и жертвенной крови христиан, как выросли на земле все монастыри. Александрийский епископ Дионисий уже в середине третьего века упоминает, что во время гонений Деция христиане из нижнего Египта находили убежище в Синайских горах. Имя Епистимии, бежавшей сюда из Финикии с Галактионом, с которым была обручена и потом вместе добровольно пошла на мученическую смерть, носят теперь ближайшая к монастырю гора и скит за ее перевалом, на месте скита, где святая скрывалась. По преданию, через полвека, во время гонений Диоклетиана, скрывалась здесь и святая Екатерина, — потому после ее кончины ангелы перенесли тело из Александрии на вершину горы, позже названной ее именем.

В IV веке египетский монах Аммоний, возвращавшийся через Синай из Святых мест в Палестине, рассказал о житии отшельников в горах и долинах вокруг Синая. Они проводили дни в уединении и безмолвии келлий, питались только

фруктами и финиками, отказавшись даже от хлеба, вина и масла. И только вечером в субботу собирались в небольшой церковке возле Неопалимой Купины, чтобы провести ночь в молитве, а ранним утром отслужить Божественную литургию, и причастившись, снова разойтись на неделю.

Аммоний стал свидетелем нападения блемиев, эфиопского племени, разорявшего набегами города Сирии, Палестины и Египта. Вместе с игуменом он успел укрыться в башне рядом с церковью, все же остальные сорок отшельников были убиты и истерзаны. В память о них и назван монастырь Сорока мучеников в долине Леджа и придел рядом с часовней Неопалимой Купины, а в стене придела замурованы их останки. В тот

*Ангелы переносят тело св. Екатерины. Деталь триптиха.
Монастырь св. Екатерины. 1612 г.*

же день избиению подверглись и христиане в Раифе, и раифские старцы повторили священное число мучеников. О нападении бедуинов на иноков рассказывает и отшельник Нил Синайский, подвизавшийся здесь шестьдесят лет, у которого варвары увели в плен сына.

Монахи Аравийской, Иудейской и Египетских пустынь посещали друг друга. Египет вошел в Римскую империю, и в стране многобожия быстро распространилось христианство: в 390 году египетские христиане даже добились официального запрещения язычества.

В III веке святой Антоний, по высоте подвигов и откровений называемый Великим, определил практику и устав отшельнической жизни в пустыне. Бессмертная духовная сущность сокрыта в смертном теле нашем, — учил он, — сделаем его алтарем кадильным, принесем в жертву всеожжения все земное, плотское, временное пред лицом Господа, будем возноситься к нему сердцем и умом, да ниспошлет он свыше Свой огонь, опаляющий грех, очищающий и преображающий душу. На земле мы, как постояльцы в гостинице, одни разместились с удобствами, другие без удобств; но наступит утро, и каждый унесет с собой только свое — эту вечную сущность, раскрывшуюся для блаженства с Богом во славе Его или не прозревшую для Его света, обреченную на мрак и гибель. Бесчисленные последователи Антония избирали гостиницы без удобств — пещеры в скалах, заселяя Фиваидскую пустыню.

Есть древняя карта Египта, на которой обозначена пещера, где одно время подвизался сам святой Антоний: недалеко от Суэцкого залива, откуда

хорошо видны горы Синай на противоположном берегу.

Возрастало число отшельников, появлялись общежительные монастыри или киновии, подчиненные единому уставу. При святом Пахомии в восьми монастырях вокруг одного из островов Нила обитало около трех тысяч иноков, а после его смерти, к концу IV века, их было уже около пятидесяти тысяч. Заселялись лавры Скитской и Нитрийской гор, соединивших отшельнический и общежительный образы

жизни: монахи безмолвствовали в отдельных келлиях, но келлии располагались вокруг жилища аввы.

С глубокой древности входят в обычай паломничества на Синай, — как и путешествия в Иерусалим, в Рим — к святым гробам апостолов и мучеников, но по отдаленности и трудности пути они рассматриваются как особый подвиг благочестия.

Об одном из самых ранних паломничеств рассказывает найденная в конце XIX века рукопись, утратившая за долгие столетия как часть своих страниц, так и имя автора: ее приписывают Сильвии, сестре влиятельного префекта Востока Руфина во времена императора Феодосия Вели-

Преподобный Антоний Великий

кого. Она посетила святые места в последние десятилетия IV века, начиная от Фиваиды в Египте — до Синая, Палестины, Сирии и Малой Азии. Палладий в «Лавсаике» рассказывает, что в 388 году был в числе ее спутников на пути из Иерусалима в Египет. Он упоминает о ее глубоком знании Священного Писания, творений Оригена, Григория Богослова, Василия Великого и многих святых отцов. Судя по этой исключительной образованности и по тому, что паломницу сопровождала многочисленная свита, а в опасных местах конвоировала стража, что везде ее встречали и провожали епископы, естественно предположить, что она принадлежала к богатой знати. Но ее благочестие и аскетические склонности делают вероятным, что она и сама была инокиней. После окончания паломничеств, Сильвия писала о них и одаривала епископов в Италии, где провела последние годы, мощами многих восточных мучеников, а вскоре после смерти была причислена к лику святых римской церкви.

Записки начинаются с восхождения на Гору Божию и дают яркое представление о жизни отшельников в столь отдаленные от нас времена. Ранним воскресным утром вместе с пресвитером и монахами начали паломники «великий труд» восхождения. А когда поднялись на вершину, вышел им навстречу пресвитер, бодрый старец, аскет, монах от юности, достойный служения в таком месте. Собрались на вершине и другие пресвитеры и все монахи, жившие в келлиях у подножия горы. Вместе прочитали они соответствующие тексты из Священного Писания, совершили Божественную

литургию и причастились. А когда выходили из церкви, пресвитеры принесли благословение от плодов, выращенных отшельниками в тех местах, где есть небольшие ручьи и где они строят себе келлии, сажая рядом деревья, разводя садики и огороды.

Отслужили литургию и в церкви над пещерой пророка Илии и, усердно помолившись, поспешили в долину у подошвы Хорива.

«Пройти же до начала этой долины было нам необходимо потому, что там много келлий святых

*Преподобный
Макарий Великий, Египетский*

мужей, и церковь в том месте, где находится Купина: эта Купина жива и до днесь и дает ростки... А эта Купина, как я сказала выше, есть та, из которой Господь говорил к Моисею в огне... Перед церковью прелестный сад, с обилием превосходной воды, и в этом саду Купина... Когда мы дошли до этого места, был уже десятый час, и мы не могли отслужить литургию. Но мы помолились в церкви и в саду у Купины, и по обычаю прочли место из книги Моисея. И так как был вечер, мы облюбовали себе место в саду перед Купиною и остались тут на ночь. На другой же день, проснувшись рано, мы попросили пресвитеров отслужить литургию...»

Синай в прежние века

Обошли паломники и другие места, упомянутые в Священном Писании и показанные им монахами: где был стан сынов Израилевых, где они отлили тельца и Моисей разбил скрижали, где ударом жезла извел из скалы источник; и те долины, где выпадала манна и праздновалась Пасха в первый год после исхода, и где был сделан кивот и исполнено все, что повелел Господь...

Все эти места были известны с первых веков, и память о них свято хранилась до наших дней.

Гораздо позже, в начале VII века, блаженный Иоанн Мосх — после многих лет жизни в монастырях святого Герасима на Иордане и киновии преподобного Феодосия, — вместе со своим учеником Софронием, впоследствии патриархом Иерусалимским, обходят палестинские и антиохийские обители и совершают переход через аравийскую пустыню к Синаю. Как и повсюду, встречаются они со старцами, записывают их жития, посещают древние Фаран и Раифу. И в «Луге духовном» блаженный Иоанн приведет рассказ о некоем старце Петре с Иордана.

«Пришел епископ навестить старца, а тот ему говорит:

— Сделай милость, брат Феодор, пойдем со мной на гору Синай. Я дал такой обет — помолиться там.

— Пойдем, — отвечал я, не желая ослушаться старца.

По переходе через святой Иордан, старец говорит мне:

— Брат Феодор, помолимся, чтобы нам не вкушать до самой горы Синая.

— Отче, мне никак не вынести этого.

Старец помолился и, действительно, не вкушал ничего до самой горы Синая, и только на Синае, причастившись Святых Тайн, принял пищу».

Так шли паломники на Синай даже от Гроба Господня.

Илия Пророк в пустыне. Икона. Первая половина XV в.

Летопись Александрийского патриарха Евтихия, жившего во второй половине IX века, рассказывает о строительстве монастыря.

«Когда монахи горы Синая слышали о благорасположении императора Юстиниана и о его любви строить храмы и монастыри, тогда пошли они и жаловались ему, как скитающиеся сыны Измаила напали на них нечаянно, ограбили съестные припасы, опустошили место, ворвались в келлии, и там отняли все, и как наконец ворвались они в храм и здесь попрали Евхаристию. Император спросил: чего же хотите вы? Они отвечали: мы просим тебя, император, построить нам крепкий монастырь... Император отпустил их, и вместе с ними послал своего легата со множеством денег. Равно писал он к своим префектам в Египет, чтобы доставляли они деньги, сколько бы ни потребовалось, и направили людей для стражи и запасы хлеба. Легату поручил он построить церковь в Колцуме (Суэц), монастырь Раифский и монастырь на горе Синае. Последний должен был он так укрепить, чтобы никакого другого монастыря на свете не было крепче его, и так обезопасить, чтобы ни с какой стороны не нужно было монахам и монастырю бояться чего-либо...

Выстроив монастырь Раифский, отправился он на гору Синай, где нашел Куст на месте, стесненном двумя горами, и вблизи ту башню и источники воды; а монахи были рассеяны по долинам. Он сначала хотел выстроить монастырь на верху горы, в отдалении от башни и Куста. Но оставил сие намерение из-за воды, которой не было на вершине горы. Итак, он построил монастырь вблизи Куста, обняв и башню, на месте, стеснен-

ном между двумя горами... потому, что здесь был Куст и другие памятники, и здесь же можно было найти воду. И на вершине горы на месте, где Моисей получил закон, построил он церковь».

Император был прогневан тем, что монастырь выстроен не на вершине горы, как он повелел, и приказал отрубить легату голову. (Комментаторы последующих веков считают это обстоятельство недостоверным, так как оно не соответствует образу благочестивого императора.) Однако он не оставил монастырь без своего высокого покровительства. Туда был направлен другой легат и по сотне римских и египетских невольников с семьями для охраны монастыря: в нескольких милях за горой Епистимии появилось селение Деир-Эль-Адиб, монастырь рабов.

Указ Юстиниана относят к 527 году, завершение строительства монастыря к 557 году. Так на месте, где Моисей увидел Горящий Куст и где находился колодец, у которого он встретился с дочерьми Иофора, где раньше по повелению царицы Елены были построены церковка в честь Богородицы — Неопалимой Купины и башня, вырос высокий монастырь с великолепной базиликой Преображения.

Даже после величественных русских монастырей крепость поражает высотой стен и монументальностью кладки. Наиболее сохранилась с древности южная стена с гигантскими тесаными гранитными блоками в основании, иногда свободно и мощно декорированными символами равноконечного креста в круге или вознесенного над полумесяцем.

Монастырь св. Екатерины. Травюра XIX в.

В плане крепость представляет собой неправильный квадрат с длиной стен от 75 до 88 метров. Их высота варьируется от 8 метров на юге до 25 на северной стороне; а толщина стен — от двух до трех метров. Крепость с этой огромной высотой и протяженностью стен, с несколькими округлыми и прямоугольными башнями в виде бойниц, построенными тоже без строгой закономерности то на углу, то посреди стены, стоит поперек узкого ущелья Шуэйб. Южная стена поднимается по склону Хорива, северная нисходит к подножию горы святой Епистимии, и только каменистые проходы остаются между ними и безжизненными склонами гор.

Стены монастыря повреждались землетрясениями, восстанавливались и достраивались. В начале XIV века землетрясение разрушило многие келлии и северо-восточные стены монастыря с двумя башнями, так что возникла угроза его захвата аравитянами. Но по промыслу Божию через несколько дней в монастырь прибыли каменщики от митрополита Петры Аравийской, давшего обет восстановить церковь на вершине Синая. Вместо церкви по просьбе монахов каменщики восстановили келлии и стены. В конце XVIII века наполовину обвалилась северная стена; нужно было перестроить ее от основания, но не было средств ни на охрану монастыря от бедуинов, ни на эти работы. И опять помощь пришла самым нечаянным образом: французские войска взяли Каир, и по просьбе синаитов генерал Клебер послал людей, быстро восстановивших и укрепивших стену.

Сохранились узкие переходы внутри стен, в самой верхней их части, ведущие от круглой уг-

ловой башни до середины восточной и северной стен и напоминающие об их оборонительном назначении. А сквозь амбразуры далеко видна тихая долина и горы.

За выступом двух главных башен посреди северной стены, у верхнего ее края, висит деревянная будка с треугольной крышей, похожая на скворечник. Пола в будке нет, в зияющий провал видны плиты мостовой, а у края провала бездействует ворот с намотанным толстым тросом. Еще в прошлом веке с помощью этого ворота — в корзине или верхом на коротком бревне — поднимали в монастырь паломников: ворота долго оставались заложеными камнем. Этот воздушный путь проделали многие знаменитые и безвестные путешественники, и он, исчезнув из монашеского быта, навсегда запечатлелся в их воспоминаниях.

Вот как вспоминал о своем первом прибытии в монастырь в середине прошлого века епископ Порфирий Успенский:

«...Горы освещены были так ярко и над ними дрожал такой ослепительный блеск, а по ним волновался такой белодымчатый жар, что казалось, они горели, но не сгорали. Любуясь этим явлением природы, я думал, что некий свет струится из земли, и что солнце движет его волнообразно... Даже в очах своих я чувствовал сугубый прилив света... Синайские отцы ожидали меня сего дня и потому водрузили знамя своей обители на самом видном месте... Я спустился с верблюда и пошел пешком, но как только миновал скиниеобразный холм и увидел святую обитель и окрестность ее, поражен был величием, красотой, размерами и

волшебным освещением сего места... Я преклонил колена на святую землю и облобызал ее. Не знаю, что было горячее, — она ли, или лобзание моей веры. Незабвенная минута!

Когда я встал и пошел к монастырю по стропотной стезе, любуясь кипарисами, масличиями и гранатами в смежном с ним саду, оттуда увидели меня и начали звонить во все колокола и стрелять из пушек со стен. Оглушительное эхо раздавалось в горах приятно и страшно.

Властные старцы и дикей их о. Никодим, весь белый, как лунь, поджидали меня у подъема в мо-

Монастырь св. Екатерины во времена Наполеона Бонапарта

настырь... Мне со стены спустили толстую веревку с заплетеванном в ней поленом. Перекрестившись, я сел на него; и меня начали поднимать тихо. Возношусь, упираясь ногами в гранитную твердыню, и смотрю вверх. Надо мною как бы на воздухе висит деревянная будка с широким отверстием внизу ее, и в ней подъемная веревка ходит по блоку... но силы двигающей не видно. Когда меня подняли немного выше гребня стены и руками подтянули к ней, я стал тут и увидел... ворот с навитою подъемною веревкою... К нему приделаны деревянные ручки, коими арабы приводят в движение шестерню, ходя кругом ее. Тут встретил меня отец эконома с меньшею братиею и повел в соборную церковь... Душа моя исполнилась благоговения».

Небольшие легкие пушечки, палившие с крепостных стен в честь приезда патриархов и архиереев, и теперь стоят в помещении пресса для олив вместе с огромными древними кувшинами и каменными мельничными жерновами. Давно уже не стреляют из этих пушечек, как не возносят и паломников воротом вдоль стены. Но так же поднято над монастырем его старинное белое знамя с пурпурными инициалами А. Е. — агиа Екатерина — и соединившим их крестом: под этим флагом в прежние века даже выходили в море принадлежавшие монастырю суда.

Главные ворота заложены и теперь. Левее них в трехметровой толще стены проделан низкий проход, дважды — снаружи и изнутри — огражденный тяжелой окованной дверью.

А при свете дня над главными воротами можно видеть высеченные вязью арабских и греческих букв надписи, свидетельствующие о царственном

происхождении монастыря: «С основания воздвигнут сей священный монастырь Синайской горы, где Бог говорил Моисею, смиренным царем ромеев Юстинианом на вечное поминование его и супруги его Феодоры. Окончен после тридцатого года царствования его. И поставлен в нем игумен по имени Дула в лето от Адама 6021, от Христа же 527».

Дивный вид на монастырь открывается с крутого скалистого склона горы святой Епистимии. Сверху он виден весь сразу, с галереями и крышами внутренних построек, с эвкалиптами за южной стеной, над новым монашеским корпусом, с темной зеленью пирамидальных кипарисов и тополей в осенней желтизне и купаами фруктовых деревьев сада.

Чем выше восходишь по крутой каменистой тропе, тем меньше и чудесней кажется монастырь с его светлыми стенами и зеленью сада, лежащий на дне ущелья в тесном окружении растрескавшихся мрачных гор, таких громадных и мертвенных рядом с его живой застроенностью, заполненностью, живой неправильностью форм. Только на западе, за далеко нисходящим в долину садом, ущелье распаивается и впадает в долину Эль-Раха, библейский Рифидим. И как бы ни был велик монастырь в собственных размерениях, с горы видишь его крохотным оазисом духовной жизни, чудом угнездившимся посреди бескрайней пустыни.

Фаран — рай каменистой Аравии

Во второй год, во второй месяц, в двадцатый день
месяца, поднялось облако от скинии откровения;
И отправились сыны Израилевы по станам своим
из пустыни Синайской, и остановилось облако в пу-
стыне Фаран...

И последнее благословение Моисея, умираю-
щего на горе Нево, с которой дано ему увидеть из-
дали обетованную землю, начинается словами:

*Господь пришел от Синая, открылся им от Сеифа, вос-
сиял от горы Фарана, и шел с тьмами святых... Вадим
Фаран... совершившие путь через раскаленную пу-
стыню, входили в это ущелье, как в райскую до-
лину. Мы сидим в глубокой тени террасы, и ее
каменный барьерчик обрамляет снизу чудесную па-
нораму монастырского сада. Несколько высоких
пальм с роскошными кронами украшают собой пе-
редний план; ниже — апельсиновое дерево в зелени
ветвей и золотых шарах. Сад простирается вглубь
долины, а с обеих сторон к нему нисходят багровые
горы и смыкаются в перспективе...*

Игуменья — герондиса Геннадия — разговари-
вает с Владыкой; английского она не знает со-

всем, и я могу только видеть ее милое смуглое лицо и черные глаза с выражением ласковой и печальной кротости. Монахиня Себастья в низко повязанном платке ставит на садовый столик стаканы с грейпфрутовым соком. Три монахини сейчас в Греции или болеют, и сама мать Геннадия передвигается с палочкой: нужно ехать в Каир на лечение, но не на кого оставить монастырь.

Пока не стемнело, Владыка отпускает меня посмотреть руины древней церкви и резиденции епископа на высоком холме рядом: когда мона-

*Монастырский сад
в оазисе Фаран*

стыря еще не было, с начала IV века до VI гора Синай и долины с келлиями отшельников входили в Фаранскую епископию.

Холм стоит посреди ровного каменистого поля, пересеченного дорогой. За ним почти отвесно поднимаются порфиновые и гранитные горы, и в их сломах чернеют зевы пещер. В Фаранской долине люди селились с доисторических времен, когда пещеры служили единственным убежищем: еще в прошлом веке здесь находили могильники каменного века с остатками захоронений. Природные пещеры сменились высеченными в скалах, потом хижинами из камня. В библейские времена этот оазис, самый зеленый и плодородный на всем полуострове, заселяли амаликитяне. Не одолев их, израильтяне не получили бы доступа к обильным источникам, финиковым пальмам, фруктовым садам и зелени пастбищ, и главное, к наиболее проходимым путям в обетованную землю. А уже в XI веке география Птолемея обозначает местечко Фаран с оседлым населением. И, как вокруг Синая, в окрестных пещерах селились отшельники, спасавшиеся в отдаленной земле от гонений.

Первое имя епископа Фаранского упомянуто в «Достопамятных сказаниях»: «Рассказывали об авве Нетре, ученике аввы Силуана: когда жил он в своей келлии в горе Синайской, он в известной мере исполнял требования своего тела; когда же сделался епископом в Фаране, — начал жить гораздо строже. Ученик его сказал ему: Авва! когда мы были в пустыне, ты не так строго жил. Старец отвечал ему: там была пустыня, безмолвие и бедность, и я поддерживал тело мое, дабы не изне-

мочь и не искать того, чего я не имел. Но здесь — мир; тут есть все удобства, если и случится заболеть, то есть кому помочь. Здесь боюсь я, как бы не погубить в себе монаха!»

Как меняется со временем представление обо «всех удобствах»...

Поднимаюсь по осыпающемуся склону к руинам базилики V–VI века и брожу в разрушенных стенах. Отчетливо прочитывается план древнего храма: приподнятая алтарная часть, три нефа и боковые приделы, нартекс, отделенный стеной. Все это вместе с остатками массивных гранитных колонн делает архитектуру здания похожей на Синайский храм, его прообраз, или, наоборот, уменьшенный и удешевленный проект. И невольно приходит на ум, что здешний строитель помнил об усеченной главе легата — так точно поставлена базилика на темени холма.

Еще в прошлом веке в пещерах вокруг него находили медные кресты, светильники и остатки монашеской утвари, старинные монеты. А ко времени сбора фиников сюда приходили караваны, бедуины разбивали походные палатки и жгли костры.

Четкие контуры гор на тусклом небе, безлюдье, сумерки, тишина... Опять, как на берегу Красного моря, возникает чувство нереальности окружающего пространства — так оно невиданно красиво. Если бы холм не был огромным, он казался бы насыпанным в самом живописном месте, где сходятся три долины. Воздух на глазах сгущается, лиловеет, сливаются тени в долинах, и в них погружаются кубики домов, разбросанные по склонам ущелий, украшенных садами и ку-

Предстоятель автономной Синайской православной церкви Дамтианос, архиепископ Синайский, Фаранский и Раифский (справа) и иеромонах Иларион (Алфеев) (слева) перед церковью пророка Моисея в женском монастыре Сети монахинь

пами пальм. Часовней, сторожкой в саду видна сверху церковка Пророка Моисея, едва различим крест.

Потом Себастья ведет меня в эту церковь, построенную пятнадцать лет назад. Колонны, под-

держивающие навес над порталом, из древнего храма, все остальное — иконостас, резные стасидии и кресло архиепископа из светлого дерева — блестит свежим лаком. Но церковь кажется пустой: это пустота еще не обжитого, не намоленного дома, предназначенного Богу, но как будто пока не заселенного. Литургия совершается раза два в месяц, когда приезжает иеромонах из монастыря или Владыка Дамианос. Конечно, и Верховный Владыка заходит сюда, но ненадолго и пока не оставил явных благодатных следов Своего присутствия — это придет с долгими годами.

Себастии около сорока, невысокая, худенькая, слабенькая, вся она — приветливость и смирение. Гречанка, с детства любившая церковь, она уже шесть лет в монастыре; вместе с игуменией вычитывает последование богослужения, монашеское правило, принимает паломников и туристов. В ее кельи поражает отсутствие вещей — кровать, тумбочка, бумажные иконы, четки, несколько книг... — должны же у человека быть хоть какие-нибудь вещи? У монаха — нет, он отказывается от всего, чтобы ничто не стояло между ним и Богом, даже самое малое. Но как должна быть заполнена жизнь изнутри, чтобы ни в чем земном не нуждаться...

— Вы не боитесь здесь? — спрашиваю я, глядя в узкое черное окно.

Себастия смотрит с тихой радостью, отвечает застенчиво, и в английской фразе я с трудом узнаю слова псалма: *Живый в помощи Вышнего в крове Бога Небесного водворится...*

— Оставайтесь с нами, — говорит она, — мы будем очень рады...

Сад уже освещен фонарями, и потому еще более таинствен. Как бледные лампочки, светятся в ветвях лимоны, забытые шары грейпфрута пригибают ветки до земли, рассыпаны по ней ржавеющие мандарины. Давно отцвел миндаль, но в воздухе разлит запах садовой мяты, и арка над дорожкой увита виноградной лозой. Звезды и листья плавают в большом водоеме, из которого орошается сад. Над ним стволы пальм высоки и прямые, как корабельные мачты, и между их кронами сверкают звезды. Я стою под пальмой и смотрю вверх, в неподвижную черную крону с прорезями небесного света, погружаясь в благоуханную свежесть и тишину ночи. Остаться здесь, все забыть, для всего умереть... Что еще не прошло или не утрачено, о чем стоило бы сожалеть? Чем мы живем в миру? — строим жилища, семьи, растим детей, ходим на какую-то службу, рисуем или пишем — занимаемся внешним строительством. Но однажды — опустеет ли дом, совершится ли разлом в привычных устоях — и душа обнаруживает зияющую пустоту, потому что была заполнена не изнутри, а снаружи, пусть любимым, но другим, внешним для той последней глубины, на которой она одна перед Творцом. И ты видишь, что стена, в которую всю жизнь укладывал кирпичи, — выросла между тобой и Богом.

А они, отшельники и монахи, ото всего отрекшись, оторвавшись с кровью, строят храм души, в который рано или поздно войдет Господь. Это они — плоды древнего избрания, удел Божий из всех народов, *род избранный, царственное священство*, закваска, на которой замешана история человечества, все еще ожидающего своего исхода. Потому и преследуют их императоры, фараоны,

убивают варвары — это князь мира сего борется за каждую душу; но в смерти своей избранники и празднуют последнюю победу — воскресение. Зато любовью вечною возлюбил их Господь, и Он изменит печаль их на радость, и утешит их, и обрадует их после скорби их... А все остальное и так пройдет, отцветет, отболит, погаснет, изменится из радости в печаль или изменит...

Сад спускается несколькими уступами и заканчивается пустырем. Через несколько лет и на нем вырастут деревья: монастыри превращают пустыню в цветущий сад — это отражение и символ их внутреннего предназначения. В разной мере оно исполняется, и не только личным трудолюбием и благочестием монахов: совершается литургия, и Божественная благодать нисходит незримыми потоками. Покаянием, подвижничеством, постом очищается и утончается окаменевшее сердце, становится прозрачным для благодати, и через него она проливается на землю — и животворит.

Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву — на грехи его.

*Архиепископ Дамьянос
в возрожденном его усердием
монастыре Сети монахино
в оазисе Фаран*

Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего...

«Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?..»

Таков ли тот пост, который Я избрал, – день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстиляет под себя рубище и пепел?..

...Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо;

Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого – одень его, и от единокровного твоего не укрывайся.

Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя.

Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!» Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное,

И отдашь голодному душу твою, и напитаешь душу страдальца: тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень;

И будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад...

Не потому не слышит человек призываний Божиих, что не верит в истинность их, а потому что они превышают его меру. Замысел Божий о нем божественно высок, а человек слаб, неразумен и низок. И в надежде на счастье продолжает убивать и отнимать у голодного хлеб, чтобы напи-

тать свою душу, но остается алчущим и жаждущим в пустыне, ибо *всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится.*

Монастырь — оазис в пустыне, царство не от мира сего, островок земли обетованной, напоенный водою сад...

Кто возделает его? Маленькая сестра Себастья, игумения с палочкой, Владыка Дамианос?

Да, с Божией помощью...

Слабый человек может так полюбить Божий замысел о себе, что исполнится решимостью и вырастет до его величия. Если не сломается, не надорвется, не погибнет, если не затопчут окружающие, если хватит сил на долгий крестный путь, если... если...

Помоги, Господи, всем однажды давшим обеты, которые нельзя взять назад, ушедшим из мира, чтобы в него не вернуться, но повернуть его к вечному свету.

Святая Екатерина

Белая мраморная рака в алтаре храма Преображения хранит мощи великомученицы Екатерины. К ним можно подойти и из придела Синайских мучеников, поставить свечу в желобок с песком, протянутый вдоль подножия раки с крестом на стене и двумя ланями по его сторонам: *Как лань желяет к потокам воды, так желяет душа моя к Тебе, Боже!*

В первые же дни мне показали и серебряные кованные раки, похожие на саркофаги. На крышке одной из них — чеканное изображение фигуры святой в рост, а на круглых щитах по стенкам — пространный надпись, сделанная литыми позолоченными буквами и повествующая о том, что в 1689 году «великие Гусудари цари Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая Гусударыня Софья Алексеевна... известие приемше от присланного к нам из оныя святыя горы от Преосвященнаго архиепископа Иоанникия архимандрита Кирилла, яко оное святое тело не имать серебряныя раки, тем же воусердствовахом и царским нашим желанием взжелахом тощне оному святому

телу сию сребряную и позлащенную раку из нашея царския казны...» Эту раку, вместе с четырьмя сотнями голландских червонцев и жалованной грамотой от названных Великих князей, и привез на Синай архимандрит Кирилл, ездивший «бита челом» о разрешении на сбор милостыни в российских пределах. Другая рака, тоже привезенная в дар от русской царственной фамилии в 1860 году, выглядит еще роскошней. Рельефная фигура святой Екатерины на крышке позолочена, в овалах на боковой поверхности золотые крылатые ангелы несут ее тело на вершину горы. Раки украшены драгоценными камнями, богатой и сложной чеканкой. Но мощи так всегда и оставались в строгой и изящной мраморной раке, в которой хранится небольшой серебряный ковчежец с главой и десницей великомученицы. В прежние века драгоценные дары русских Государей монахи скрывали от взоров арабов, разграбивших многие сокровища обители, позже одну раку приспособили для хранения старинных облачений. Но главным в этом выборе, вероятно, было соответствие простой древ-

Позолоченная рака, подаренная монашеской России в 1860 г.

ней раки аскетическим вкусом братии и ее удачное расположение между алтарем и доступной всем частью храма.

Памяти святой посвящено и множество икон. Самая маленькая из них написана на округлой створке раковины из Красного моря. Самая большая размещена справа от образа Спасителя в иконостасе XVII века замечательного письма Иеремии Критянина. Святая Екатерина изображена сидящей на троне, корона и красное одеяние символизируют царственность ее происхождения, а также кровь и увенчание мученичества; раскрытая книга, циркуль, длинное перо в руке — знаки ее премудрости, колесо с зубьями — орудие пытки. У нее высокое чистое чело, правильные и несколько утонченные черты, длинные брови; глубокий взгляд обращен к Распятию. Великолепна мантия, накинутая на ее плечи, похожая снизу на горностаевую, а сверху расшитая золотыми цветами по темно-зеленому бархату, — символ одеяния славы, пересекающиеся ниже груди концы пояса напоминают монограмму Христа. На заднем плане — гора Синай, объята пламенем, с фигуркой Моисея на вершине, и гора святой Екатерины.

Несколько икон, различных по композиции, выразительности и мастерству, по времени — начиная от XIII века, в этом явлении торжествующей красоты подвига, а иногда в чертах и деталях, подобны друг другу. Но есть одна неповторимая икона, до сих пор мало замеченная. Она написана испанским мастером и является даром монастырю Каталонского консула в Дамаске. Некоторые цветные репродукции датируют ее XVI веком; альбом-путеводитель, изданный мона-

Св. Екатерина. Монастырь св. Екатерины. XVII в.

стырем — XV веком; а наш исследователь Синайских памятников В. Бенешевич, посетивший монастырь в начале этого столетия, называет точную дату, когда она была принесена в дар — 1387 год. Остановившись перед этим образом в первый раз от неожиданности и удивления, я часто к нему возвращалась.

На светлом золотисто-бежевом фоне высокой иконы, треугольником срезанной в верхней части, написана в рост тонкая, нежная девушка. Пленителен наклон ее коронованной и обведенной светлым нимбом головы под золотыми волнами волос, собранных сзади, похожих на драгоценное обрамление склоненного лица, открытой шеи. Пленителен мягкий овал лица, взгляд светло-ореховых глаз из-под едва намеченных бровей, маленький рот. Женственно легка и слаба рука, опирающаяся на зазубренное колесо пытки, и другая, держащая перо в тонких пальцах. Фигурка задрапирована в синюю ткань с разбросанными по ней красными цветами, слегка распахнутую на облаченной в красное талии и груди. Женственность, очарование, нежность — художник видел этот образ с высокой и чистой влюбленностью, очень высокой и чистой, но непозволительной в иконе. В ее красоте душевное преобладает над духовным, живое чувство — над канонической сдержанностью. Образ выступает из плоскости иконы и готов превратиться в живописный портрет, но удерживается на грани. Может быть, его нельзя поставить в иконостас рядом со Спасителем, но и взгляда не оторвать... И перед этим образом ты вспоминаешь, что кроме блеска увенчанной славы есть в мучениче-

стве и кровь, и смертное страдание разрываемой плоти, как есть они и в подвижничестве, и в обыденной жертвенности монашества.

— Простите, я боюсь оскорбить ваши религиозные чувства, но, если быть честным, я не могу читать жития святых, — признавался молодой художник, искавший веры на Святой земле. — Те, кто их пишут, задаются целью показать, что все мученики торжествуют в самые часы казни. Их четверту-

ют, а они произносят многословные риторические обличения... лютые мучители скрежещут зубами от бессилия, палачи вместе с жертвами спешат в костер... А им ничего не больно, ничего не страшно, их ни огонь не жжет, ни расплавленное олово не плавит, ни хищные звери не едят... Что это — условность жанра или просто плохая литература? Может быть, три века назад это годилось для благочестивого чтения поселянина, а наш современник в это не поверит, да и читать не станет. Христос принял позорную смерть на кресте, да? — по-зор-ну-ю... Он до кровавого пота молился в Гефсимании, чтобы чаша сия миновала Его... В это я готов поверить... Вспомните наших последних мучеников, концлагеря, как там умирали миллионы людей — от голода, пыток — без-

Св. Екатерина. XVI в.

Святая Екатерина

молвно и бесславно, а палачи до сих пор лежат в мавзолее или совсем поблизости в Кремлевской стене, ограждающей нашу государственность... Должна же благочестивая условность хоть как-нибудь соизмеряться с реальностью?

Литература, конечно, есть хорошая и плохая, и благочестивая назидательность редко совмещается с художественной силой и достоверностью. Потому ли, что это разные дары — творчества и веры? Потому ли, что пишущие о мученичестве не обладали опытом мученичества? А те, кто им обладал, редко оставались в живых и еще реже писали о своих страданиях. Душа, прошедшая через смертные муки и милостью Божией избавленная от них, не хочет к ним добровольно возвращаться.

Но есть свидетельства, которые могут стать как бы ключом к жанру. Однажды обрета такой ключ, ты сможешь потом открывать потайную дверцу, когда захочешь, и проходить сквозь условность — в достоверность. Для меня этот ключ нашелся в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», собранной архимандритом Серафимом Чичаговым, впоследствии мучеником.

Вот святой Серафим пошел с тремя сестрами в пустыньку, благословив их идти впереди. «Идем это мы лугом... Трава зеленая, да высокая такая... оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он и говорит нам: «Радости мои! никому о сем не поведайте, пока я жив...»

Другая запись — рассказ старицы Дивеевской обители о том, как святой кормил из своих рук

медведя. Или известный рассказ Мотовилова о том, как явился ему святой Серафим в Фаворском свете, дав испытать блаженство будущего века и озарение благодатью... Один из таких рассказов о том, как бабушка угощает гостей малиной с куста, вдруг выросшего в углу келейки, тоже давая им вкусить от плодов рая, — Серафим Чичагов заканчивает словами:

«...Для убеждения во всем этом необходимы подлинные выражения и описания участников событий, которые поэтому и приводятся здесь в точности». Все в этих рассказах за пределами реального и все несомненно, потому что обладает самоочевидной достоверностью пережитого. И душа исполняется трепетом, сокрушением, радостью, узнавая в них, как поется в Пасхальном каноне — *иного жития вечного начало*, касаясь светоносной ткани этого жития...

Но представим, что воспоминания эти только повторяются из уст в уста пять веков, пятнадцать... И вот их излагает коптский монах, не видевший ни преподобного Серафима, ни зимнего леса, ни медведя. Возможно, чтобы сделать события понятными для своих слушателей, он заменил бы сосну — пальмой, а малину — финиками, медведя — леопардом; искренне желая возвеличить святого, переоблачил бы его из старенького балахончика в златотканый гиматий; речь его

Изображение св. Екатерины на раковине

Святая Екатерина

расцвел бы привычными оборотами византийской риторики, и, не найдя перевода слова «колада», посадил его на некое подобие трона... Что осталось бы от жития? Именно то, что мы часто читаем в пересказах подвигов древних мучеников и святых. Как же с этим быть? Не отвергать жития за недостоверность изложения и помнить, что невозможное человеку возможно Богу.

Святая Екатерина происходила из греческого царского рода и жила в начале IV века в Александрии. С юности читала она не только поэтические творения Гомера и Вергилия, но и философские труды Платона и Аристотеля, и это подготовило ее ум к восприятию глубин христианской догматики. Епифаний Кипрский утверждал, что она родилась на его острове, посещала святые места и перед яслями Спасителя в Вифлееме посвятила себя Христу. Когда это обращение совершилось, в Александрию прибыл римский император Максимин, устроив торжество с кровавыми жертвоприношениями языческим идолам. В ревности о Боге Истинном девушка обратилась к императору и народу со свидетельством о Христе и после пыток была публично казнена.

Рассказ об обретении ее мощей приводит первый русский паломник, описавший путешествие на Синай, священноинок Варсонофий: «И лежало тело ея на святой горе больше трех сот лет, никому не видимо, дондеже проявил Господь Бог святому старцу в Раифском монастыре: на высоце горе лежат мощи; и повеле мощи ея положить во святей церкви, монастыре святые горы Синайския. И пошед же старец во святой монастырь Синайский, и сказа им и глаголющим между

Великомученица Екатерина. Икона с клятвами жития

собою: где есть высокая гора? И отпустиша священницы и клирики со всеми кандилы, со свечами на взыскание, отпустиша их по числу восемь. И егда изыдоша из монастыря и недоумеющими им, куда пойти, срите их святыи ангел в монашеском образе и рече им: аз вем путь к высоким горам. И поведе их ангел. Егда возведе их на гору высокую, идеже лежат мощи святыя Екатерины, и невидим бысть от них. Святии же отцы с радостию и со страхом взяша святыя мощи великия мученицы Екатерины и несоша во святыи монастырь Синайский и с псалмы и пес-

Святая Екатерина

нями, и положиша в велицей церкви близ святого престола на правой стране, идеже и донныне лежат».

Местное предание сохранило еще один эпизод: когда отцы измучались от жажды и чуть не решили вернуться, они увидели голубицу, пьющую из скрытого между камнями источника, — до сих пор его называют Голубиным.

Уже с IV века началось почитание святой. Служба в ее честь составлена в глубокой древности. В средние и близкие к нам века святая стала одной из самых почитаемых в Европе: об этом говорит и множество икон, храмов в честь великомученицы и распространенность ее имени в христианских странах.

Паломники католического Запада совершали свой дальний путь исключительно для того, чтобы подняться на Синай и гору Святой Екатерины и поклониться ее мощам. Сам монастырь оставался им чуждым: до XVI века они останавливались в особых келлиях со своей часовней. Поток западных паломников со временем изменил даже название монастыря Неопалимой Купины, и только базилика Преображения сохранила древнее имя, соединяя времена закона, дарованного чрез Моисея, и *благодати и истины*, которые *произошли чрез Иисуса Христа*. В них продолжается житие святой Екатерины, как длятся жития всех святых после окончания земного срока их благодатного служения.

Через несколько дней после меня в монастырь прибыло около ста паломников из Греции. За литургией пели с хором, все причащались. Братия

Св. Екатерина. XVII в.

радовались: «Сегодня у нас, как Пасха...» После богослужения вынесли столик, покрытый парчой; с амвона сошел архимандрит Адриан с серебряным ковчежцем, предшествуемый дьяконом с кадилом. Открыли тяжелую крышку; горело много свечей, благоухал ладан, дымок поднимался по солнечному лучу. Служили молебен и хором пели «Святая великомученица Екатерина, моли Бога о нас». Паломники совершали земные

поклоны перед святыми останками и приклады-
вались к ним. И я благоговейно коснулась губами
потемневшего от времени чела мученицы, и из
руки старца Адриана получила колечко с ее име-
нем — благословение монастыря.

Россия и Синай. Царские милости

В 1558 году царь Иоанн Васильевич, вошедший в историю под именем Грозного, отправил с посольством из Москвы Восточным патриархам — Иоакиму Александрийскому, Герману Иерусалимскому, Иоакиму Антиохийскому, — а также ко Гробу Господню и в Синайский монастырь несметные дары: на тысячи золотых «рухляди» — церковной утвари, облачений и соболей, собольи шубы на бархате, шелковый, золотом шитый покров на мощи святой Екатерины, — иконы и сотни золотых рублей. Дары посылались в ответ на прошение Александрийского патриарха и игумена Макария, доставленное тремя синайскими старцами, о милостыни на восстановление монастыря. Архидиакон новгородского Софийского собора Геннадий и купец Василий Позняков с сыном и свитой, снабженные царскими письмами к государям и предстоятелям церквей, отбыли через Смоленск в Литву, оттуда в Царьград и Александрию. Геннадий умер в Царьграде, а Позняков, претерпев многие мытарства, потеряв от лихоимства уже самых ближайших литовских со-

Россия и Синай. Царские милости

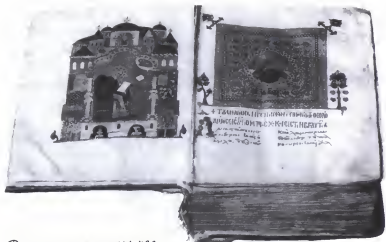
седей шесть сороков (двести сорок) соболей и много денег, ровно через год добрался до Александрии и был с почестями принят патриархом.

Почести эти были столь велики, что патриарх отправился с нашими паломниками сначала в Каир, а потом на Синай во исполнение просьбы русского царя: «...Ты бы, отче, сам и во всем своем архиерействе и в Синайской горе велел молити Бога и Пречистую Его Матерь и всех святых о нашем здравии и о сохранении, и о моей царице Анастасии и о наших детях царевичех Иване и Феодоре и о всем православном христианстве».

Наняли они верблюдов, разместились по двое по сторонам горбов; возложили на верблюдов

Рака св. Екатерины. Образец русского искусства XVII в.

*Рукописная пергаментная
книга «Топилии» св. Григория Богослова. XII в.*

сто шестьдесят пудов царских даров, своей провизии и воды в кожаных мехах и через двенадцать дней перехода по пустыне прибыли в монастырь. Архиепископ Синайский, священноиноки и вся братия с крестом на блюде за полверсты встречали патриарха и послов, обнимали их со слезами радости. А Василий Позняков оставался там двадцать дней, отпраздновал день святой Екатерины, всем святыням поклонился, восходил на верх Синайской горы и горы Святой Екатерины, где на царские деньги позже должна была быть построена церковь, посетил пещеру Иоанна Лествичника и Раифу с пристанью индийских кораблей, все запомнил и описал.

Это на четверть века предварило путешествие купца Трифона Коробейникова: не вымолил патриарх у судьбы царевича Иоанна, и казнимый совестью Грозный царь снова послал на Синай богатую милостыню, но уже на помин души уби-

енного сына. «Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока» позже было приписано Коробейникову и под его именем распространялось до прошлого века, когда были опубликованы ранние списки и изданием Православного Палестинского общества восстановлено авторство.

С XVI до XIX века все значительные средства на содержание монастыря поступали из Молдавии и Валахии, где были огромные земельные владения, завещанные государями и частными лицами Синайскому монастырю, а также из России. Жалованная грамота великого Государя царя Михаила Феодоровича от 1630 года, данная синайскому архимандриту Исайе, позволяет синайтам сбор милостыни в Московском Государстве каждый четвертый год. Грамота великого Государя Алексея Михайловича от 1649 года, тоже данная в Москве синайтам, разрешает посылать иноков за милостыней на Русь в каждый шестой год. В другие времена они собирали деньги и в каждый третий год, и ежегодно.

А жалованная и милостивая грамота Великих Государей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны от 1689 года свидетельствует, что «в прошлом году архиепископ Иоанникий присылал к их Царским Величествам архимандрита Кирилла бити челом, дабы мы, Великие Государи и Наше царское Величество изволили тое святыя Синайския горы и всем в ней обретающимся монахом, а наипаче монастыря Пресвятыя Богородицы Неопалимые Купины быти строителями и обладателями, яко новии и блаженнии вместо царя Иустиниана кти-

Распятие. XII в. Монастырь св. Екатерины

торы, и приняли бы в наше Государское защищение то великое и Божественное сокровище... и дабы от нас Великих Государей присылать в ту святую обитель иеромонахов и монахов, да будут с ними вкупе Бога молити. И мы... по их челобитью в призрение свое Государское тою святою гору и монастырь Пресвятыя Богородицы Неопалимая Купины для единых благочестивых христианских веры принять изволили... и указали им

по сей нашей царского величества жалованной грамоте в Московское государство присылати к нам бити челом о милостыне в другой год».

Монастырь, за обладание которым веками боролись Александрийский и Иерусалимский патриархи, предлагал русским Государям быть его «строителями и обладателями»! Но почему-то ничего не последовало за этим, кроме милостивой грамоты и новых даров...

Во второе путешествие в Синайский монастырь епископ Порфирий списывает дарственные тексты на кованой раке, пожалованной для мощей святой Екатерины Петром Великим; перечисляет вывезенные московские иконы, серебряные дароносицы.

В середине XVIII века в Киеве было даже подворье монастыря Святой Екатерины, позже сгоревшее.

В XIX веке правители дунайских княжеств постепенно захватили монастырские земли, леса и строения. Богатый монастырь пришел в такой упадок, что едва хватало средств на содержание братии, обветшали стены крепости и келлий. Но никогда монахи не обращали в деньги драгоценные дары, церковные сосуды, кресты, паникадила, лампы, оклады или облачения, присланные в святое место на помин христианских душ, — в давние века во время нашествий иноверцев их отнимали вместе с жизнями монахов.

Потом Бог хранил синаитов и посвященные Ему, освященные Им сокровища, — после сарацинов всеобщее ограбление церквей, сопровождавшееся массовыми казнями священства, монашества и народа Божьего, повторил только вождь

мировой революции, но уже в нашем веке и в наших пределах.

С тех пор русской церкви нечего было подарить монастырю на Синае. Но монастырь по-прежнему принимает русских паломников, утоляя их жажду из колодцев величайших пророков Моисея и Илии, одаривая любовью и животворной силой всех сохраненных за два тысячелетия священных ценностей.

Россия и Синай. Царские милости

Таинство жизни и смерти

вечнозеленым садом граничит монастырское кладбище, самое необычное из тех, какие мне приводилось видеть. Огражденное сплошной стеной, оно вмещает всего три могилы с простыми деревянными крестами: на пересечении перекладин — имя и дата. Эти скромные могилы высечены в камне, не слишком ухожены, едва обсажены кустиками зелени, словно полузабыты. От них по ступеням можно подняться на террасу кладбищенской часовни, войти в помещение нижнего ее этажа. И тут взору предстанет нечто невиданное, чего душа не сможет сразу воспринять...

Сотни черепов обращают к тебе пустые темные глазницы из-за сетчатого ограждения. Черепа поставлены один на другой в гигантскую прямоугольную грудку — от пола метра на два — в углу между побеленными стенами, а с двух других сторон обведены провололочной сеткой. Несколько сотен в переднем неровном ряду, десятки рядов за ним в глубину, в незримую толщу, слой за слоем уходящую к стене и в ней обретаю-

щую опору. Высокие гладкие пожелтевшие лбы, округлые провалы глазниц, черные треугольные вздернутые провалы носов... Черепа не могут стоять один на другом ровно, — хотя заметны старания так их поставить, — и смотрят часто вкривь и вкось, потупившись или запрокинувшись к беленому потолку. У большинства из них нет нижней челюсти, только разреженные, щербатые остатки верхних зубов; но иногда и вся будто преувеличенная челюсть сохранена и обнажена. И в этой обнаженности всего, что у живого человека прикрыто волосами, кожей, губами, явлена печальная незащищенность мертвого перед живыми.

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бесславну, не имущую вида. О чуде! что сие еже о нас бысть таинство, како предахомся тлению; како сопрягохомся смерти?..

О этот погребальный плач над прахом любимых, близких, надгробное рыдание, последнее унижение земной жизни — обнажением от всех покровов, уравнительностью в тлении и распаде...

Монах умирает, и его сначала погребают на кладбище за стеной. Но

*Моше Стефана Синаитского
в схимническом облачении*

для того, чтобы освободить ему место в каменной могиле, из нее извлекают останки умершего прежде, три года назад. Их омывают, высушивают, переносят в эту усыпальницу, складывают отдельно черепа, отдельно, у другой стены, кости, — и они тоже сложены грудой, из которой протянуты к сетчатому ограждению остовы рук и ног, длинные надломленные суставы пальцев, — от мертвых к живым.

Живые приходят на экскурсию, чтобы на несколько минут из полноты туристической радости бытия заглянуть в его подземелье. Одни затихают, скорее, в растерянности, чем в скорби, не готовые к этому мгновенному переходу и потому смущенные. Что подобает выразить на лице, можно ли осторожно пошептаться, задать вопрос гиду, дососать карамель? Другие сразу начинают креститься, промокать платком покрасневшие глаза...

Аз есмь земля и пепел, и паки размотрѣх во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник?..

Вот так же безнадежно будет обнажено на Страшном Суде — кто праведник, а кто грешник, как здесь обнажен остов, скелет, лишенный плоти, одеяний, регалий и украшений, самооправданий и полуправд.

Где есть мирское пристрастие; где есть привременных мечтание; где есть злато и сребро... вся персть, вся пепел, вся сень...

Где останутся наши привязанности, любовь, страдание — если это не страдание о Боге, страдание не быть святым, не любовь к Нему, един-

ственная вечная и верная любовь? Что останется от всех наших трудов, если они не по Богу, от временных мечтаний? Все прах, все пепел, все исчезающая тень...

Страшный Суд. Монастырь св. Екатерины

Кая житейская сладость пребывает печали непричастна; кая ли слава стоит на земли непременна; вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: едином мгновением, и вся сия смерть приемлет...

Все суета человеческая, что не пребудет по смерти, *суета сует*, сказал Екклезиаст... *Все – суета и томление духа...*

Два ряда черепов умещены на выступе стены, как бы выделенные из среды собратьев, и смотрят на них, сгрудившихся внизу, чуть свысока. Есть еще большая привилегия – в нескольких подвешенных по стене ящиках с полочками лежат за стеклом столь же печально обнаженные черепа и кости прежних синайских архиепископов.

Но один простой монах удостоен исключительной почести. Скелет его, не расчлененный на составные части, сохранивший целостность, покоится в высоком застекленном шкафу – в сидячем положении и полном схимническом одеянии: синий плащ с капюшоном, синяя скуфья с крестом, прикрывающая лоб, синий аналав с вышитой красными нитками «Голгофой»... Большой деревянный крест на груди, четки с пушистой кисточкой, перекинута через иссохшее запястье. Поза неестественна: выпирает живот, слишком высоко подняты колени. И все-таки в этом красивом покрове есть что-то отрадное для глаз, угнетенных непривычным зрелищем обнаженных человеческих останков, собранных вместе в таком огромном количестве.

Монах еще более почтен тем, что на фоне общей безымянности и утраты всех отличительных черт, с VI века сохранены его имя и, – пусть

краткий, условный, — но очерк его неповторимой судьбы. Драгоценнее привести рассказ о ней в подлинных словах святого Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы, одного из бесмертных синаитов, кости которого покоятся в этом же братском смиренном кладбище:

«Жил здесь некто Стефан, который, любя пустынное и безмолвное житие, многие лета провел в монашеских подвигах, и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен был постом и слезами. Он имел прежде келлию на скате Святой горы, где жил некогда пророк и боговидец Илия. Но потом сей достохвальный муж принял намерение еще более действенного покаяния и удалился в место пребывания отшельников, называемое Сиддин, и там провел несколько лет самой строгой и суровой жизни. Ибо то место лишено было всякого утешения и удалено от всякого пути человеческого, так как находилось в расстоянии семидесяти поприщ от селений. Перед кончиною старец возвратился в келлию свою на Святой горе, где имел и двух учеников из Палестины, весьма благоговейных, которые охраняли келлию старца в его отсутствии. Прожив там немного дней, старец впал в болезнь и скончался.

За день же до кончины он пришел в исступление, и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: «Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет»; а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете». Потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братиям»; иногда же возражал:

«Нет, вы клеветеете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость». Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание; и что всего ужаснее, его обвиняли и в том, чего он не делал. Увы! безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: «Не знаю, что и сказать на это», хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез. Увы мне! Увы мне! Где было тогда слово Иезекиилю, чтобы сказать истязателям: *в чем застану, в том и сужу, глаголет Бог*. Ничего такого не мог он сказать. А почему? Слава Единому Ведающему. Некоторые же, как перед Господом, говорили мне, что Стефан и леопарда кормил из рук своих в пустыне. В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда, и какой приговор последовал?»

А сколько можно было бы рассказать о каждом монахе из великого сонма, теперь неразличимом, неузнанном, безгласном в нагромождении сухих костей... Как открылся ему впервые Господь в сердечной сладости услышанного евангельского слова или церковного пения, или призвал его от *великой скорби*... Откуда пришел он через пустыню Синая, потому что никто из них здесь не родился, но гласом Божиим был призван каждый, и благодать Божия собрала всех. Сколько слез потом он пролил, осушаемых знойным ветром, сколько претерпел искушений... Как горело теперь уже не существующее сердце пламенем божественной любви, попаляя терния грехов, озаряя изнутри это сердце и делая его светоносным.

Преподобный Симеон Новый Богослов

Внутри поклоняюсь Тебе и вдали Тебя вижу,
В себе Тебя зрю и на небе Тебя созерцаю!
Но как происходит сие, Ты один только знаешь,
Сияющий в сердце, как солнце, в земном —
неземное...

Болезнью я и страдаю смиренной душою,
Когда в ней является свет Твой, сияющий ярко,
Любовь для меня непрестанной становится
болью;

Страдает и плачет душа, потому что не в силах
Тебя я обнять и насытиться сколько желаю.

Бедные, разлученные с душою и плотью сухие кости, выплаканные глазницы... Нет здесь автора этих «Божественных гимнов», гимнов божественной любви — преподобного Симеона Нового Богослова, но многих из вас опалял бессмертный пламень и озарял неугасимый свет. Нам бы пасть перед вами на колени и просить с сокрушенным плачем, чтобы вы умолили Творца послать хоть малый отсвет дарованной вам благодати, чтобы и нам, *сидящим в стране и тени смертной, воссиял свет...*

Была на мне фука Господа, и Господь вывел меня духом, и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, — говорит пророк Иезекииль, —

И обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи.

И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это.

И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!»

Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете.

Двухрядное изображение Девы Марии, евангелистов, пророков, святых, отцов церкви и св. Константина и Елены. XII в.

И обложу вас жилами и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею и введу в вас дух, — и оживете, и узнаете, что Я — Господь.

Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею.

И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них.

Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди дух, и дохни на этих убитых, и они оживут.

И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, — и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище.

И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят: «иссохли кости наши, и погибла надежда наша: мы оторваны от корня».

Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот Я открою гробы ваши и выведу вас, народ мой, из гробов ваших, и введу вас в землю Израилеву.

И узнаете, что Я — Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших,

И вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, — и узнаете, что Я — Господь...

Господи, а мы, толпой стоящие перед сухими костями, разве мы все живы? Ты — воскресение и жизнь, и можем ли мы, не имея Тебя в душе, быть живыми? Плачу и рыдаю, когда помышляю смерть, и вижу во гробах лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразной, бесславной, не имеющей вида... Что за страшное таинство совершилось над нами, как мы предались тлению, соединились со смертью?

Бывает, что зло, в котором мир лежит, к которому ты уже как будто притерпелся, на время почти перестал его замечать, обрушивается вдруг на душу с такой ужасающей беспощадностью и силой, что душа не способна его вынести. Или человек совершает смертный грех и чувствует в себе дыхание смерти. Или пронзающая, мучительная, непереносимая боль поражает сердце, как меч, постоянно, в одну и ту же кровоточащую рану. И душа сжимается, каменеет и уже не ощущает разрушительной боли — она замерла, обмерла, как говорили раньше. И в таком состоянии беспмятства, глухоты, окамененного нечувствия, атрофии она может провести день, месяц, годы.

Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные.

Наступает судный час, предвестие Страшного Суда, и слово Божие еще при жизни начинает совершать то, что обычно совершается в тайне смерти: отделение души от духа, высвобождение его из плена временного, от земных чувств, от любимых оков, добровольной связанности.

И обоюдоострый меч, как скальпель хирурга, отделяет плоть от костей, составы от мозгов — без обезболивающих средств. Не эту ли муку испытывает душа в аду, оторвавшись ото всей земной жизни сразу? По неисповедимому высокому замыслу, по особой Божией милости, человеку бывает дано пережить этот опыт на земле, чтобы дух его, переплавленный страданием, просветленный прикосновением таинства смерти, освобожденный от всякой тяжести и связанности, как

бабочка из кокона, расправил крылья, взлетел и растворился в синей сфере.

Об условной целостности протяженностью в пятьдесят, семьдесят лет человек может сказать, что он жил; но в каждый отдельный момент этой длительности он находится между жизнью и смертью, и между ними идет непрестанная борьба за его бессмертную душу. Она сама участвует в брани, и как ни парадоксально — не всегда на стороне жизни. Часто мы не способны различить их облики, всегда таинственные, мерцающие сквозь земной покров. И от слишком сильного желания утолить вечную жажду пьем из отравленных источников. Или от смертной усталости мы как бы обретаем на время равновесие в самой смерти, смертный покой, и уже трудно выйти из него к новым надеждам и новым страданиям.

Великие таинства — смерть и жизнь. Жизнь — ибо Он есть Первожизнь и Источник жизни, единственное Самобытие, творящее всякую иную жизнь. Смерть — потому что это утрата того, чего бессмертная душа утратить не должна, но теряет, попадая во тьму кромешную, где не видит божественного света жизни, и это есть ад.

«Когда слышишь, что Христос, сойдя в ад, избавил содержавшиеся там души, не думай, что это далеко от того, что совершается теперь. Пойми, что сердце — гроб, что там погребены помыслы и ум, объятые тяжелой тьмой. Потому Господь приходит к душам, взывающим к Нему во аде, то есть приходит в глубину сердца, и там, повелевая смерти, говорит: «Отпусти заключенные души, взыскавшие Меня, ибо Я могу избавить их».

Среподобный Макарий Великий Египетский

Потом, отвалив лежащий на душе тяжелый камень, открывает гроб, воскрешает подлинно мертвую душу, освобождает ее, прежде заключенную в лишенной света темнице», — говорит Макарий Великий в слове о божественной свободе души: снижая и подменяя понятия, теперь скажали бы — о свободе выбора. «Допросив и испы-

тав свою душу, пусть всякий потребует у нее ответа: к чему она расположена? И если случится увидеть, что сердце не согласно с законами Божиими, пусть всеми силами постарается как тело, так и ум соблюдать нерастленными и не принимающими помыслов от лукавого, если хочет только, чтобы Бог, по обетованию вселился в чистой его душе...»

Какая простота и ясность в любом слове святых отцов: сердце, не согласное, жизнь, не согласованная с законами Божиими — начало и причина смертного тления. Ибо Тот, Кто сотворил нас, знает и законы, по которым мы оживаем и умираем, и Он дал их в вечных заповедях на Синае.

Заповедь — ограждение и защита жизни; разрушение ограды — выход через пролом в зону смерти. Грех — это смерть души бессмертной.

Вечность и время взаимопроникновенны — избранная здесь жизнь будет явлена полнотой бытия теперь и райским блаженством после того, как от Духа Божия восстанут наши сухие кости под новым небом на новой обетованной земле. Но выбор этот дорого должен быть оплачен.

Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь...

«Карамелла! Карамелла!»

А о благословению Владыки отец Павел ведет меня и молодую паломницу-гречанку Кириаки к преподобному Иоанну Лествичнику. Отец Павел в подряснике и длинном жилете, с рюкзачком за плечом идет впереди, изредка оборачиваясь и ожидая нас. В монастыре он один из двух священников, служащих череду. Другой, уже старенький отец Адриан, отслужив две недели, уходит за гору в свой скит Галактиона и Епистимии. А отца Павла в свободные от богослужений часы я часто вижу в саду — в той же скуфье, высокий, худой, с порывистыми движениями, он то поливает из шланга грядки, осыпая их веерами брызг, то подпиливает и обрубает сухие стволы или ветки. И даже сверху и издали — а я вижу его от ограждения площади перед монастырем, ниже которой развернута длинная панорама сада, — кажется, что он с азартом отдает потраченные силы возделыванию сада.

За площадью с витринами магазинов поселка Санта-Катарина, за его окраиной, дорога поворачивает в ущелье, противоположное долине

«Карамелла! Карамелла!»

Монах оделяет бедуинов монетами, карандашами

Леджа: отец Павел останавливается и показывает взглядом — там, между крутыми срезами гор, за высокими итальянскими тополями в роскоши золота и зелени — монастырь Сорока мучеников.

Спускаемся по осыпающейся каменистой дороге между склонами, по которым разбросаны дома бедуинов. Двое мальчишек выглядывают из-за низкой ограды и вдруг стремглав, с каким-то воинственным пронзительным кличем кидаются наперерез: «Карамелла! Карамелла!». И вот уже с другого склона несется орава детей с тем же ликующим воплем и окружает нас. Отец Павел развязывает рюкзак: появляются пачки фломастеров, блокноты, тетрадки, карандаши. Все это мгновенно исчезает за пазухой или в карманах маленьких бедуинов, снова протягивающих темные ладошки. Дети лет от пяти до двенадцати прыгают вокруг него, кричат, когда он вынимает из рюкзака

«Карамелла! Карамелла!»

горсти конфет в ярких обертках, толкаются, каждый старается выхватить конфеты первым: «Карамелла! Карамелла!», и еще какое-то арабское слово выкрикивают они порознь и вместе.

Отец Павел поворачивается на мгновение — лицо оживленное, с выражением радостным и смущенным:

— Знаете, что они кричат?! — «Я не брал! Я не брал!»

Он опускает руку в рюкзак, достает пригоршни конфет.

«Карамелла!» — доносится со склонов впереди, и прежняя орава пополняется новыми бедуинчиками, самые маленькие дергают за полу подрясника, чтобы обратить на себя внимание, те, кто повыше, хватают отца Павла за руку, и все кричат: «Я не брал!»

Кириаки, с прямыми, до плеч, золотыми волосами, с ласковым выражением карих глаз под золотыми ресницами, переводит медленный взгляд с детей на отца Павла, на меня:

— Здесь вокруг очень бедные селения... У детей ничего нет...

Так мы и продвигаемся в глубь ущелья, через каждые метров двести попадая в окружение и выбираясь из него ценой малого выкупа, доставляющего отцу Павлу нескрываемое удовольствие: для того он и нес за плечом рюкзак, как Санта Клаус. Ему лет пятьдесят пять, в густой нестриженной бороде еще нет седых волос, оживление делает моложе его лицо со светлыми улыбающимися глазами.

— Очень бедные селения... — повторяет он. — Непонятно, чем живут...

«Карамелла! Карамелла!»

Бедуиновское поселение в горном ущелье в пустыне Вади Рам

И обрывается, словно наткнувшись на отсутствующее выражение моего лица, которого я до этого не осознавала. А мне вдруг вспомнились нищие, появившиеся на наших улицах и вокзалах, женщины с грудными детьми, сидящие в жидкой весенней грязи на ступеньках в метро, старушки, низко повязанные платком, низко склонившиеся над протянутой дрожащей ладонью... — и это после новых долгожданных и громко возвещаемых преобразований.

Вспомнилось где-то опубликованное письмо: мать — пьяница, отец в тюрьме (или наоборот), бабушка-инвалид осталась с двумя маленькими детьми, утром они плачут: «Бабушка, дай каши!», а она отвечает: «А у меня нет»...

И еще вспомнились наши ребяташки на Казанском вокзале, робко, с затаенным ожиданием в глазах обступившие группу веселых туристов из

Германии, разламывающих для себя плитки шоколада, — дети победителей... Многие из них и не видели таких блестящих карамелей.

Не станет ли наш народ беднее бедуинов, если Бог превращает реки в пустыню и источники вод — в сушу, землю плодородную — в солончатую, за нечестие живущих на ней?..

«Карамелла! Карамелла!»

Пещера святого Иоанна Лествичника, игумена Синайского

Пещера святого Иоанна Лествичника, игумена Синайского

ет двадцать назад мне подарили кусочек зернистого гранита из пещеры святого Иоанна Лествичника, камешек лежал на чаше подсвечника, как осколок метеорита, упавшего из звездных пространств. Могла ли я вообразить, что сама войду в эту пещеру? Тогда, впервые погружаясь в бездонную глубину святоотеческих писаний, среди первых великих творений я прочла «Лествицу». И это оставило впечатление вещаний из иного мира, с которым у моей жизни не было реальных соприкосновений, мне не на что было там опереться. «Исшедший из мира... да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения и ум наш разрешившего от греховных уз, как воскрешенного Лазаря...» Живя в миру среди себе подобных, человек не может увидеть их мертвецами, а весь многоцветный, многозвучный и многозначный мир — как зону смерти с зияющим провалом в сердцевине. А любовь, творчество, бессмертное искусство?

Для меня только начиналось счастливое открытие православия, связавшего все разорванные звенья и заполнившего все пустоты секуляризованного бытия. Меня захватил светоносный поток богословия, но тогда оно еще казалось увенчанием других познаний, синтезом и возведением на высший уровень всего данного, а не исходом из него. Зачем эти самоистязания, слезы, пепел, ржавые вериги и погружение в пещерный мрак, если над миром уже воссияло Солнце правды, и ты, наконец, узнал об этом?

Предстоял долгий путь — литургической жизни, прозрения бездны между «понимать» и «быть», или «знать» и «иметь» и бессилия перейти эту бездну, разрушения временем в прах того, что казалось твоим непреложным достоянием, земных утрат, скорбей, сокрушения сердца и покаяния — пока не начался этот непрестанный плач над своей душой, как гробом Лазаря.

В «священном жителстве» монаха «есть время бесстрастия и время победения страстями... Есть время слез и время окаменелости сердца; есть время повиновения

*Преподобный Иоанн Лествичник
о Георгии и Владе*

и время повелевания; время поста и время принятия пищи... Время бури душевной и время тишины ума; время сердечной печали и время духовной радости; время учить и время учиться... Время борьбы и время твердого мира; время безмолвия и время деятельности безмолвной; время непрестанной молитвы и время нелицемерного служения. Итак, да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время... Ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченные дарования благодати... Некоторые, по непостижимому Божию промыслу получили духовные дарования прежде трудов; другие в самих трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти...»

Таинственная новая жизнь, отречение от царства князя мира сего и всех благ, и всей силы его, во имя царства Божиего в сокровенной глубине сердца, рая зеленеющего, осуществление божественной свободы и божественного призвания человека — твари, получившей повеление стать богом. И через двадцать лет от начала, перечитывая преподобного Иоанна заново, под оболочкой его слов — сухих, жестких, весомых, как камни синайской пустыни, — я видела их сверкающие сердцевины, кристаллы, отшлифованные благодатным огнем и хранящие его.

Поднимаясь и спускаясь по склонам гор, мы оставили справа последнее селение на дне ущелья. Слева все вырастали обрывы, лишённые признаков жизни. Нечаянной отрадой прошли мимо два монастырских сада за стенами в рост человека. Отец Павел повернул скрытый в камнях кран, и мы напились от чистой струи воды:

— Раньше здесь была Темница... Помните, в «Лестнице» — место, где жили кающиеся иноки...

Многим казалось страшным, почти отталкивающим описание подробностей добровольных мучений тех, кто совершил тяжелые грехи после вступления в монастырь. Вкусившие райской сладости и утратившие ее по своей вине, изгнанные из рая, как Адам, ниспавшие из божественного света в кромешный мрак, они удалялись сюда — одни по воле игумена, другие по своей воле, — чтобы плакать «о душах своих, как о мертвецах». Как жаждали они претерпеть мучения временные и тем умолить Господа об избавлении от муки вечной... Лишив себя всякой радости, принимая так мало хлеба, воды и сна, чтобы только не умереть до извещения о прощении, они проводили дни и ночи на камнях, в зное и холоде, в рыданиях и молитвах. А что значило быть прощенным, если не возвращение из одинокой опустошенности и смертного холода грешной души, из темного отчаяния богооставленности — к благодатной причастности божественной любви?

Кто из нас, читающих сейчас творение святого Иоанна, вправе судить о высоте этих откровений и о страдании и горечи от их утраты? Многие ли причастны райскому блаженству и покаянному рыданию: *Изведи из темницы душу мою...* Многие ли готовы пожертвовать хоть чем-нибудь из того, что можно съесть, выпить, чем можно обладать теперь, ради неведомых благ, «превысших естества», которых *не видел... глаз, не слышало ухо*, даруемых после великих трудов, а то и не даруемых вовсе?

Видение Иоанна Крестителя

Вот и эта плачевная юдоль поросла травой забвенья, садовой зеленью, и покаянные труды ушедших иноков принесли теперешним золотые и сладкие плоды. Но никто не знает вкуса плодов, которые вкушают изведенные из этой темницы: *в доме Отца Моего обителей много...*

Фола... Мертвое, глухое место, совершенно лишнее зелени или другого утешения для чувства и зрения, обведенное темными с багровым оттенком горами и обрывающееся в провал ущелья. Величественная, мрачная, в трещинах, древних складках и осыпях скала, заслонившая половину пространства и неба, — в этой скале пещера преподобного.

Но сначала в церкви под белым куполком, выстроенной из того же камня, что и окрестные скалы, отец Павел служит короткий молебен. Церковь пуста, ветер дует через выбитое стекло, угашая огарки свечей. Опять я забыла взять свечи и хоть малым огоньком явить святому свою любовь. И чувствуя перед ним эту вину, и зная, что он простит ее, я прошу молитв святого Иоанна о сыне, обо всех проходящих свой каменистый путь к Богу.

И наконец поднимаемся еще немного в гору, отец Павел отпирает навесной замок. И мы входим в сумрак пещеры, положив земные поклоны. Она неожиданно просторна и высока. Бледный свет падает из узкого окошка, пробитого в скале; под ним широкое каменное ложе. Напротив — высокий престол, высеченный в толще скалы, одетый старым шелковым покровом. Тишина глубокая, плотная, отстоявшаяся и сгустившаяся за века... В этой пещере преподобный безмолвствовал сорок лет.

В шестнадцать лет он пришел на Синай, девятнадцать лет пребывал в послушании у аввы Мартирия. И вот что записал об этом времени другой синайский монах: «Некогда авва Мартирий пришел с Иоанном к Анастасию Великому; и сей, взглянув на них, говорит Мартирию: «Скажи, авва, откуда этот отрок, и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он — раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского!» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн стал нашим игуменом».

В другое время, — повествует тот же монах, — авва Мартирий пришел с Иоанном к великому Иоанну Савваиту, обитавшему в пустыне: «Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал, и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену». В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году жизни) авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой».

Так судьбы предвидены на небесах; предвидены — но не predetermined: великие судьбы совершаются великими испытаниями и подвигами. И молитвы святых, омывших душу покаянными слезами до прозрачности для благодати, становятся светлой энергией, включающейся в исполнение судеб других людей и мира.

«Некогда в Палестинских странах было бездождие, — продолжает монах краткое сказание. — Авва Иоанн, по прошению тамошних жителей,

помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного, ибо *желание боящихся Его Господь исполняет и молитву их слышит*.

И еще одну чудесную историю приводит составитель краткого жития, уместившегося на полутора страницах. Когда избрали Иоанна игуменом, собралось за монастырской трапезой около шестисот гостей. И видел игумен некоего мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который отдавал приказания поварам, экономам и келарям, чтобы праздник прошел удачно. Гости разошлись, сели за столы служители, но неведомого распорядителя трапезы нигде не нашли. Тогда новый игумен сказал: «Оставьте его: Моисей ничего не сделал странного, послужив на своем месте».

Дивен Бог во святых своих... Ни место, ни время, ни границы жизни и смерти уже не разделяют их. И блаженный Иоанн Мосх рассказывает не менее таинственную и для неверующих недостоверную историю об авве Георгии, родном брате Иоанна Лествичника, которого он, устав от бремени игуменства, поставил на это служение еще при своей жизни, чтобы на ее позднем и светлом закате возвратиться к возлюбленному безмолвию. В Великую Субботу пришло старцу Георгию сильное желание праздновать Пасху в Иерусалиме. Весь день он молился об этом. «В Светлый же день Пасхи он, силою Всемогущего Бога, был восхищен, поставлен в Иерусалимской церкви Воскресения, и рукою блаженного Патриарха Петра принял вместе с его пресвитерами дары Святого Причащения. Когда член синклита по повелению Патриарха пригласил сего игумена Синайского вкусить пищи вместе со Святителем, авва Георгий ответил: «Воля Господня да будет!» Но, поклонившись Святому Гробу стал невидим в Иерусалимском храме, и увидел себя в своей келии». Синаиты знали, что авва Георгий уже семьдесят лет не выходил из монастыря, а епископы в храме Воскресения приветствовали его пасхальным целованием.

Сохранилось послание игумена Раифского к Иоанну, игумену Синайскому. Оно содержит смиренную просьбу: «Преподай нам, непросвещенным, то, что ты видел в богооткровении, как древний Моисей и на той же горе; и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях...», чтобы это учение стало «лествицей, утвержденной до небесных врат», по которой иноки могут

совершать восхождение, несмотря на извечную вражду к ним *мироправителей тьмы века сего и духов злобы поднебесных*. В ответном послании Синайский игумен пишет, что из послушания принимается за труд, превосходящий его меру. Неизвестно, сколько лет святой Иоанн снова провел в уединении после того, как отказался от игуменства, но в эти годы он и написал книгу, вместившую опыт восьмидесяти лет послушания, подвижничества и безмолвия.

Мысленно проходя по ступеням этой лестницы — отречение, беспристрастие, странничество, послушание и покаяние, плач и смертная память — ты видишь, что они расположены очень высоко над землей, как часто пожарные лестницы в высотных домах, сразу с третьего этажа, от земли никак не достать, и снизу кажется, что эти ступени уже перед самыми небесными вратами. Великие святые, умирая, плакали о том, что они еще не начинали покаяния, что их место там, где сатана, и каждый считал, что из всех грешников «первый есмь аз»: с этими словами подходят к Святой Чаше все жаждущие причащения божественной жизни. Покаяние, смирение, молитва — они и начало, и средства, и цель, альфа и омега духовной жизни. Они порождаются усилием падшей природы, но и ее превосходят: в них самих уже есть то, что превышает естества — здесь встречаются две воли и две энергии — человеческая, восходящая, преодолевающая себя, и божественная, нисходящая в прощении и любви.

Одни говорят, — пишет преподобный, — что смирение в том, чтобы считать себя самым последним и грешным; другие, что это осознание

Лествица прп. Иоанна. Монастырь св. Екатерины.
XII в.

своей немощи и бессилия, или сокрушение и отречение от своей воли, но нельзя передать вкус меда тому, кто никогда его не пробовал: «Смирение есть безымянная благодать души, имя которой тем только известно, кто познал ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство, одно из имен Бога; ибо Господь говорит: научи-

тесь не от Ангела, не от человека, не от книги, но от Меня, то есть от Моего в вас вселения и осияния и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем...»

А что же слово — только намек, условный знак, символ, понятный посвященному? Только указание пути и призыв? Но благодать, сокрытая в словах, идет через них от сердца к сердцу...

С радостью узнавания прикоснулась я к стене пещеры — под рукой был знакомый зернистый крошащийся гранит, осколок которого когда-то попал в мой дом как предвестник этого дня. В таком камне легче выкопать пещеру, чем высечь ее в монолитной породе. Мелкие камешки осыпались мне в ладонь; потом, на свету, они неожиданно оказались розовыми, с чистыми сверкающими вкраплениями кварца.

Но долго еще мы стояли молча в пещере великого синаита — благодать была растворена в самом безмолвии.

Лечебница души

Знаменитая синайская библиотека по количеству и ценности манускриптов уступает в мире только Ватиканской. В прежние века в монастырских лабиринтах можно было встретить указатель со стрелкой: «Лечебница души», и табличка с этими двумя словами висела на двери библиотеки.

Жаль, что в юности не попался на моем пути такой указатель к хранилищу всеисцеляющей мудрости, я пробиралась в книжных лабиринтах вслепую и вышла к святым отцам только в тридцать пять лет: лучше поздно, чем никогда, но все-таки еще лучше — раньше. Потом я собирала эти книги по страничке — в России их относили к запретной литературе, приходилось тайно делать ксерокопии, и на месячный литературный заработок, если не тратить деньги ни на еду, ни на что другое, можно было приобрести два святоотеческих тома. Лет через пять у меня собралась библиотечка, где было все насущное и любимое — Симеон Новый Богослов, Исаак Сирин, Макарий Египетский, Добротолюбие, ос-

новые труды по догматике... Но что эти домашние десятки книг перед тем, к чему в праве иметь доступ любой человек, чтобы жива была душа его...

Сопровождает меня, за временным отсутствием библиотекаря, Анастасис — Тасис, как называют его монахи, интеллигентный молодой

Сermoнъ Грегoрия Богoслова. Миниатюра из Кодекса

фотограф, приглашенный из Афин, чтобы делать микрофильмы с древних рукописей и ценных книг — работа на много лет. Он с удовольствием показывает сначала фотолабораторию и современную аппаратуру, с помощью которой уже сделаны первые сотни микрофильмов.

Потом отпирает еще одну дверь, металлическую, тяжелую, как дверь сейфа, и мы входим в просторное помещение высотой в два этажа, построенное для библиотеки в верхней части нового монастырского корпуса. Очень светло, стеллажи установлены в простенках между большими окнами — по четыре секции в длину, по шесть рядов вверх. Сквозные лесенки ведут на мощные антресоли, поднятые на каменных колоннах, там секции повторяются еще на шесть рядов вверх, до потолка; такие же стеллажи стоят посреди зала, во всю его протяженность.

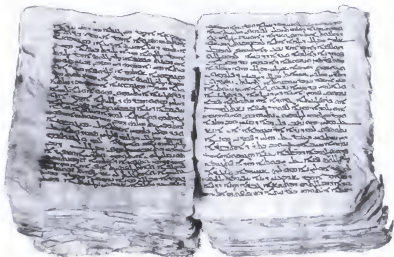
Какой разительный контраст представляет эта радостная даже на первый взгляд картина с нарисованной нашими паломниками прошлого века — епископом Порфирием Успенским и архимандритом Антонином Капустиним, потрудившимися для систематизации и составления упомянутого каталога!

Или вот страничка из «Путешествия на Синай в 1881 году» русского академика Н. Кондакова, знатока византийского искусства и иконографии. Отдав дань восхищения богатейшему складу древних пергаментных кодексов, к которому уже с XVI века устремляются палеографы, исследователи и библиоманы со всей Европы, он упоминает, что из этого склада обогатилась венецианская библиотека Марциана; а наша публичная

библиотека украсилась дивной и величайшей драгоценностью — древнейшим Синайским кодексом Евангелий, вывезенным из монастыря профессором Тишендорфом. И далее Кондаков пишет: «Великолепные и рядом же сгнившие или истлевшие манускрипты кучами разложены по ящикам и мирно покоятся там до тех пор, пока не придет любитель. Толстый, добродушный отец эконоом принесет тогда связку ключей в полпуда весом, отомкнет заветные ларцы и начнет носить вам, трудясь истинно в поте лица своего, груды за грудой. Рукописи, положим и понумерованы, да номеров нельзя никак добиться: все сложено по формату в ларцы, а шкапов сделать не на что. Рукописи находятся притом в трех местах, перемешаны с инкунабулами; иные сохраняются только потому, что их никогда не трогают, а тронь, так рассыпется мелким мусором, — так она истлела. Как во времена Тишендорфа, двадцать лет назад, так и теперь есть и корзины с листками, только их не употребляют уже на приманку для удочек и не дают туристам. Синайский кодекс ведь был открыт на дне такой корзины. Как начнешь рыться в такой корзине, так просто делается дурно от затхлости, и отец эконоом упрашивает оставить хлам: ему самому неприятен этот дух, и он старается держаться ближе к окну; десятки насекомых и паучков торопливо разбегаются, потревоженные в своих жилищах. И, конечно, мало приятно видеть древние, едва держащиеся папирусы завернутыми в тряпку, или смотреть на выставку наиболее любопытных листков унциального письма, наколоченных гвоздиками на доски, но ведь причину этого варварства та же бедность».

Наши паломники желали лучших времен для Синая. И вот эти времена настали. Монастырь достаточно богат, чтобы содержать свои несметные рукописные и печатные сокровища в порядке и достаточно знает им цену, чтобы не позволять приезжим библиофилам обследовать стеллажи и извлекать из них бесценные находки. История с Синайским кодексом послужила уроком на века, и горькие воспоминания о ней изливаются даже в строки путеводителей: «Сейчас наиболее значительным манускриптом библиотеки является Сирийский кодекс V века... В прошлом библиотека имела также Синайский кодекс IV века, который был заимствован в 1865 году немецким ученым Тишендорфом в интересах русского царя для исследовательских целей. Кодекс, посланный в Санкт-Петербург, никогда уже не был возвращен. В 1933 году советская власть про-

Сирийский кодекс. V в. Обнаружен в 1892 г.

дала его Британскому музею за огромную сумму в 100 000 фунтов».

Справедливости ради следует сказать, что в путеводителе утрата монастырем кодекса передана превратно.

Полтора века назад, в 1844 году, в первое посещение монастыря, известный библейский филолог и палеограф, лейпцигский профессор Тишендорф, знакомясь с библиотекой, нечаянно обнаружил корзину с отрывочными листами и клочками старых рукописей, предназначенных для растопки печки. В одном из пергаментных листов он к своему изумлению обнаружил древнейший список библейского текста. Таких листов он извлек из корзины 129 и 43 из них выпросил у монахов, посоветовав им хранить остальные. Через девять лет он снова отправился на Синай, драгоценной рукописи уже не нашел, но не утратил надежды. Еще через три года, встретившись в Германии с приехавшим на минеральные воды министром народного просвещения России Авраамом Сергеевичем Норовым, известным паломником на Святую землю и человеком, близким к царскому двору, Тишендорф увлек его своими планами. Для нового путешествия на Синай нужны были разрешения турецких и египетских властей, синайского архиепископа и немалые средства. Вернувшись в Петербург, Норов доложил о намерениях ученого императору Александру, — так была решена и субсидирована из личных средств царской фамилии третья экспедиция Тишендорфа для изучения христианских древностей на Востоке: она состоялась в 1859 году.

В подарок монахам Тишендорф привез несколько экземпляров своего издания текстов Ветхого и Нового Заветов и продолжил занятия в библиотеке. Перед самым его отъездом, экономя упомянул, что у него есть список текста 70 толковников и, развернув красное сукно, показал 346 листов большого формата. Среди них Тишендорф сразу же с великой радостью узнал листы, пятнадцать лет назад извлеченные им из корзины. Только он один вполне понимал цену вновь обретенному сокровищу: это был почти полный текст Ветхого Завета, весь Новый Завет, послание Варнавы и «Пастырь» Ерма.

Не смея вначале и мечтать о приобретении манускрипта, ученый добился разрешения переписать его. Рукопись на почтовом дромадере привезли в Каир. Два месяца Тишендорф неотрывно наблюдал за перепиской, которую осуществляли немцы — медик и аптекарь, разбирал стертые временем слова и исправлял бесчисленные искажения текста, сделанные переписчиками прошлого тысячелетия. Одновременно велись переговоры о приобретении кодекса. Слухи об открытии уже привлекли в монастырь английского исследователя, предлагавшего большие деньги. Но игумен принял решение подарить рукопись в дар императору Александру. Переговоры продолжались еще десять лет, и только в 1869 году монахами монастыря был подписан акт подношения, точно оговаривающий условия и суммы возмещения. Акт гласил, что монастырь приносит императору России «в дар» рукопись Ветхого и Нового Заветов, а взамен получает 7000 рублей для своей библиотеки

и 2000 рублей в пользу монастырского подворья на Фаворе, — для того времени это было немало.

Еще до приобретения рукописи, в 1862 году, она была великолепно издана в России в четырех факсимильных томах с предисловием и комментариями Тишендорфа. Из трехсот роскошных экземпляров сто предназначались автору, двести были разосланы в дар публичным библиотекам, в том числе и в синайскую.

*Св. Григорий Богослов.
Миниатюра из «Томиний»*

Конечно, это не может служить утешением синаитов в их утрате, как неутешительно и то, что советская непримиримая к духовности власть распродала и растратила все остальное, что за долгие века накопила Россия. Дивная и величайшая драгоценность украшает ныне коллекцию Британского музея, — и однажды мне довелось увидеть там разворот страниц древнейшего кодекса под стеклянной витриной.

Из синайского монастыря вывезен и приобретен для библиотеки под Женевой исключительно ценный и прекрасно сохранившийся папирусный кодекс, написанный красивыми заглавными буквами около 200 года и содержащий двадцать одну главу Евангелия от Иоанна.

Несмотря на огромные потери, монастырская библиотека не оскудела великими сокровищами,

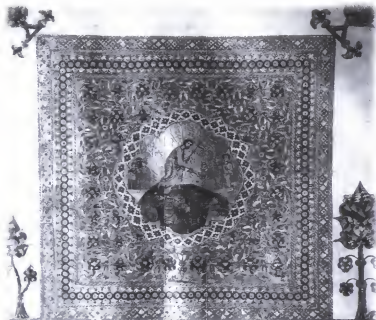

накопившимися с первых веков гонений, когда многие христиане находили здесь последнее убежище. Теперь в библиотеку пускают редко и лишь для того, чтобы окинуть ее единым взором. Ученые мужи, приезжающие из Греции и других стран, получают нужный им фолиант в отдельном зале и работают в присутствии библиотекаря, а через несколько лет им будут выдавать на просмотр микрофильмы.

Прежде чем подняться наверх, Тасис подвел меня к нескольким столам под стеклянными прямоугольными колпаками и откинул плотную солнцезащитную завесу с первого из них. Под стеклом хранятся некоторые исторические документы и послания, скрепленные печатью патриархов, императоров и турецких султанов.

Большой лист с потрепанными краями и оборванным углом оказался копией знаменитого ахтинаме, дарованного самим Магометом отцам монастыря в 624 году, — по некоторым свидетельствам, к тому времени в горах Синая обитало около семи тысяч пустынников. Это завещание основателя ислама и его пророка — удивительное свидетельство его веротерпимости, обещает монастырям, инокам и христианам не только неприкосновенность и защиту во всех пределах Синайской пустыни, но и особые преимущества, вроде освобождения от податей даже в военное время, неприкосновенности владений и помощи в обновлении храмов. Подлинник ахтинаме с рисунком маленькой мечети на полях, исписанный сплошной арабской вязью, утвержденный подписями двадцати одного свидетеля и — вместо печати — отпечатком всей приложенной в ниж-

РѢЧЬ ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА НА ШАХУ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ КОДЕКСА
 КІЕВСЬКОГО

Речь Григория Богослова на Шаху. Иллюстрация из Кодекса

нем углу правой руки Магомета, хранится в сокровищнице султана в Константинополе.

А эта копия — с той же вязью, рисунком и приложением руки — спасала монастырь от полчищ магометан даже до начала XVI века, когда турецкий султан Селим завоевал Египет. По-своему пересказывает Магомет в двадцатой главе Корана явление Бога Моисею в Неопалимой Купине и начало исхода, но мусульмане почитают ветхозаветного пророка, и даже в одном из опустевших монастырей недалеко от Иерусалима, ныне заня-

Лечебница души

том мечетью, под разноцветными коврами стоит гигантская гробница, посвященная мусульманами памяти Моисея. В прежние века на небольшой макушке горы Синай рядом с церковью Преображения находилась мечеть, теперь разрушенная; мечеть была построена даже внутри самой монастырской ограды, она до сих пор сохранилась и занята под склад.

Рядом с ахтиname — грамота, украшенная приложением другой руки покорителя народов — Наполеона Бонапарта, вторгшегося в Каир в конце XVIII века — разумеется, не ее отпечатком, а собственноручной подписью императора. В девяти параграфах приказа на французском языке, с ошибками в правописании и символом Республики, Наполеон объявляет себя покровителем монастыря, обещает синаитам свободу от податей, пошлин и всякой посторонней духовной власти «из уважения к Моисею» и для того, чтобы синаиты «передавали будущим векам память о завоеваниях» Наполеона! По этому поводу епископ Порфирий много иронизировал: Наполеон мечтал увековечить свое имя даже в пустыне, забывая, что монахи предпочитают военной славе — славу Божию, а именам кровавых завоевателей — имена мучеников и святых.

Как образец одного из пергаментных манускриптов Нового Завета развернута под стеклом драгоценная рукопись, от начала до конца написанная золотым литургическим унциалом — разделенными, высокими и особенно красивыми буквами — с фигурными заглавными буквами и миниатюрами. Сохраняется предание, что это дар монастырю императора Феодосия Хризо-

графа VIII века, хотя палеографы склонны относить его к более поздним векам. Какое благоговение вызывают эти изящные золотые буквы, инициалы в виде условных растительных побегов и птиц, держащих веточки в клювах, эти писанные по золоту миниатюры с фигурой Христа в пурпурном хитоне и голубом гиматии, Богоматери и евангелистов... Такими буквами и нужно писать бессмертные слова, такими красками напоминать образ бессмертного Слова, чтобы они отражали сияние Славы Отчей.

Есть ли слова нашего времени, способные выдержать испытание красотой и золотой весомостью унциального письма? Обесценившиеся слова на серой газетной бумаге, пачкающей руки, в развалах на тротуарах — вот удел многословящей пустоты.

И разве возможен перевод богослужения на наш язык — падший, обесцвеченный, безблагодатный и омертвевший?

И другую «золотом писанную, расцвеченную, блестящую книгу, которую прогремел совершенный глашатай Бога, величайший книжник между пастыреначальниками» и которую «изготовил

*Охранная грамота Мавомата,
выданная монастырю
ов. Екатерины*

Лечебница души

инок Иосиф... во искушение, во очищение грехов» увидела я на соседнем столе — «Слова» святого Григория Богослова.

Пергаментный манускрипт XI–XII века раскрыт под стеклом на роскошной выходной миниатюре и первой омии «На святую Пасху». Святитель Григорий в игуменском кресле пишет свои омии внутри трехарочного портика византийского храма с синими куполами, башенками и пристройками. Внизу, перед входами в портик, бьют фонтаны — источники воды живой, а за низкими царскими воротами зеленеют деревья и пестреют цветы — там рай затворенный. Этим райским красным, синим, золотым узором украшен нимб Богослова, и портик под расцвеченной аркой залит сияющим светом. Из сегмента неба, приоткрытого под аркой, святого благословляет Господь. Купола увенчаны процветшими крестами, и капители колонн прорастают цветочными лепестками, и все так празднично ярко, пестро, исполнено богатством деталей и блеском красок... Это восточная декоративность, но проросшая из византийской духовности; это живописная пасхальная радость, порожденная высоким напряжением мысли Богослова; это украшенный лилиями портик, вводящий читателя в светозарную глубину мысли...

На другой странице, над златосплетенным греческим текстом начальной омии «На Святую Пасху» раскинут широкий и пестрый, как райский голубеющий луг или восточный ковер, полог с овальной миниатюрой Воскресения Христа, стоящего на сокрушенных воротах ада и изводящего из него Адама, Еву и Авеля. Святитель Григорий говорит о светозарном и великом дне,

когда Христос воскрес, чтобы и наши души воскресли в Нем из мертвых, а миниатюрист одаривает нас своей мерой этой пасхальной радости, и чудесные маленькие деревца, как символы Древа жизни, цветут на полях богословия.

И «Книгу Иова» с древним письмом и двадцатью четырьмя миниатюрами на фоне античного ландшафта, залитого пурпурным заревом, я увидела, и самую маленькую Псалтирь высотой менее сантиметра, тоже древнюю, написанную, может быть, святой Епистимией, и многое еще. И было мне позволено раскрыть и поддержать на ладонях старинное Евангелие в тяжелой серебряной кольчуге.

Потом поднялись по сквозной лесенке, похожей на трап, на второй ярус, к самым вместительным по высоте секциям, занятым древними греческими папирусами и пергаменатами, одетыми в тисненую кожу. Всего в каталог занесены три тысячи манускриптов; тысяча сто найдены, приобретены и подарены библиотеке после составления каталога. Есть еще более пяти тысяч печатных изданий, и многие из них сохранились от первых десятилетий книгопечатания. Мы проходили вдоль сирийских, арабских, коптских, эфиопских, грузинских, армянских разделов, иногда доброжелательный гид извлекал по моей просьбе и раскрывал какую-нибудь персидскую или сирийскую книгу с арабесками на полях, со сказочными миниатюрами на темы Священного Писания.

С высоким напряжением ждала я этих милостеностей: каждая могла стать нечаянным озарением. Вдруг миниатюра являет Неопалимую

Евангелист Марк

Купину как пламя, исходящее из сосуда, напоминающего Святой Потир, и вспыхивают в памяти имена святых, видевших Божественный огонь в Чаше и причащающихся от Огня. Или, — один из древнейших символов: в овальном инициале богослужебного текста два павлина с длинными расцвеченными хвостами и коронами на изящных головках погружают клювы в Чашу — откровенно и возвышенно напоминая души, пьющие из нее бессмертие.

Мое обозрение синайской библиотеки, — к сожалению, поневоле поверхностное, — длилось только три с половиной часа, но они были не менее наполнены, чем часы созерцания икон.

В самом конце посещения лечебницы души набрали мы и на большой славянский раздел. На титульном листе Четвероевангелия XI века я прочла: «Прииде раб Божий многогрешный поп Петр от Подунавию от града Никополь в монастырь Синайский в лето 1568 при епископе Евгении». Рядом стояли Евангелия в кожаных переплетах с тиснением, с золотыми обрезами, Псалтири, молитвословы, принесенные в дар русскими паломниками, молившимися здесь о родной земле.

Господи, разве теперь Ты не слышишь *страдания народа Своего* и не знаешь *скорби его* и не придешь *избавить его* и *вывести его* из нового рабства?

Святой Григорий Синаит

ет столь насущного хлеба для души человеческой, чем писания святых — кроме самого хлеба Евхаристии и молитвенного общения с Богом — они приближают к пониманию таинства жизни и ведут в жизнь. Чем мы заменяем это? Отсветами красоты, отблесками, призраками блаженства, погоней за невозможным... «Бессмертное» искусство являет красоту творения, утончает чувства, иллюзорно насыщает их; оно развлекает, отвлекает, становится способом забвения, дает прозрачные крылья, чтобы на мгновение воспарить над земным теплом и прахом, — но оно именно и не способно вознести нас над измерениями смертного мира. В лучших и глубинных проявлениях оно пробуждает неутоленность и тоску об измерении ином, являет трагическую невозможность жить в замкнутом пространстве, лишенном исхода в беспредельность.

Божественно прекрасная по происхождению — душа задыхается от безобразия распадающегося во зле мира, от собственного житейского обнищания,

Преподобный Григорий Синаит

и это величайшее страдание — не быть святым. Богоподобно бесконечная — она разбивается о границы времени и места заключения, и это смертная печаль утрат, растворения во времени всякого чувства, угасание всякого огня. Богоподобно свободная — она не примиряется с насилием систем, разросшихся на лжи, и есть мучительное искушение — взорвать, прорваться, перестроить извне, превзойти.

Ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг...

Но однажды Дух Божий пройдет землетрясением, огнем и бурей, испепелит, сокрушит, развеет обломки чувств, лохмотья красоты, облачения благих намерений, мечтаний и пристрастий — все, что неподлинно и невечно, что Ему не принадлежит —

Святой Григорий Синаит

и возвестит приговор: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв».

А святые приобщились к Жизни, Святой и Вечной, и потому они живы в земные сроки и после них.

Еще один из великих синаитов — преподобный Григорий Синаит жил в Византии в последние три десятилетия XIII и первые четыре десятилетия XIV века. В двадцать лет османские турки во время нашествия увели его в плен. Даже турки, — в отличие от тех, кто потом называл себя освободителями народов, — не посягали на последние пределы души: пленные греки посещали Лаодикийский храм и пели в хоре, а лаодикийцы собрали золото, чтобы их выкупить. Так вера впервые извела Григория из земного плена, — всю последующую жизнь он продолжал это освобождение.

Его биография, написанная ближайшим учеником, впоследствии Патриархом Каллистом, в отличие от обычного монашеского жития насыщена внешними событиями. Но, как и всякое монашеское житие, условна по изображению внутреннего подвига: эту сокровенную жизнь приоткрывают лишь собственные творения святых.

Еще в юности получив в богатой и благочестивой семье религиозное образование, Григорий знал Писание и святоотеческие творения, и этим определился выбор его пути после плена. Он удался на Кипр, где принял облачение в рясофор, а через некоторое время на Синай, и здесь его постригли в малую схиму или мантию. Несколько лет исполнял послушание повара, пек для братии хлеб, и на этом послушании был подобен священнодей-

ствующему у престола. Но при первом ударе в било он входил в храм и последним выходил из него после литургии. Строго постился, читал Священное Писание, предавался богомыслию или с каллиграфическим искусством переписывал богослужебные и святоотеческие книги, проходя их мыслью и опытом строку за строкой. Каждый вечер он с сокрушением исповедовал игумену грехи и греховные помыслы. Ночи проводил в молитве и иногда прочитывал всю Псалтирь, а днем, утомленный физическими и духовными трудами, любил восходить на вершину Синая.

В жизни, принесенной Богу, как целая свеча, была полнота посвящения. И уже в ранние годы его чистая душа познала благодатные озарения Святого Духа.

Оставим биографам внешнюю канву судьбы. В нее вплелась и зависть монахов к доступной не каждому погруженности в познания и молитву, уход из Синайского монастыря вместе с любимым учеником Герасимом, посещение святынь Иерусалима, отшельничество в пещере на Крите. Здесь по повелению Божию Григория посещает боговдохновенный исихаст Арсений и сообщает свой аскетический опыт, возводящий от деятельного подвижничества — к истинному трезвению,

*Среподобный Григорий Синаит.
Литография*

Святой Григорий Синаит

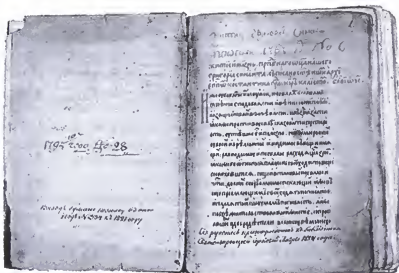

очищению сердца и непрестанной Иисусовой молитве — к созерцанию. Так открывается делание, простирающееся до последних ступеней лестницы монашеского восхождения, до небесных врат...

Он посетил все афонские монастыри и отшельников в скитах Афона, но большинству из них созерцательная жизнь была недоступна или совсем неизвестна. Григорий с немногочисленными учениками построил здесь скит, в отдалении — келлию и уединился в ней для безмолвия.

Впоследствии в главах «О заповедях и догматах» он будет писать о том, что вера может быть двоякой, различаясь на умственное исповедание догматов и непосредственное причастие благодатной силе Божией. *«Ибо, — как говорит святой Иоанн Богослов, — закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа»*, и познание Истины есть достояние тех, кто вкусил ее жизнью, в ком эта благодатная сила действует, светит, чудотворит, совершая то, чего сам человек совершить не может. В первозданной райской чистоте душа видела Бога, Им была блаженно наполнена, этой божественной сладостью и любовью жила. В падшем состоянии, в ее теперешнем «естественном» состоянии, то есть именно противоестественном, безблагодатном — душа мертва, как тело без души, не просвещена Святым Духом и непричастна жизни Христа и Его воскрешающей силе.

Возвратный путь в рай открывается очищением сердца, поэтому добродетели есть задатки Небесного Царствия, а пороки — задатки адских мук. Но сердце нужно очистить не только от страстей и греха, — чтобы узреть Бога, оно должно освобо-

Житие преподобного Григория Синаита.
Фрагмент славянской рукописи. Середина XV в.

диться от всякого помысла, желания, состояния, образа. Это высшее отречение — внутреннее после внешнего, всецелое восторжение душевных и умственных сил к познанию славы Божества.

Причастен к славе Христа тот, кто воспринял, как Лазарь, дар воскресения — таинственное обожение. Молитвенное прошение об этом даре — непрестанная и глубинная сосредоточенность на призывании имени Божия: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*. Святой Григорий повторяет слова Иоанна Лествичника: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим, — и тогда познаешь пользу безмолвия».

И однажды Господь отозвался на мольбу преподобного Григория озарением и воспламенением его души неисповедимым божественным

животворящим светом. Внезапно он увидел, как вся келлия его была залита волнами этого благодатного света, душа исполнилась неизреченной райской радости; и от благодарной любви глаза не могли удержать потоки слез.

А когда он вышел из своего безмолвия к ученикам, лицо его хранило отсветы невыразимого и нездешнего блаженства, как сияло некогда отражениями божественного света лицо Моисея, сошедшего с Синая.

Святым всех времен дано *вкусить и увидеть, как благ Господь*, и исповедать эту тайну.

Внутри поклоняюсь Тебе и вдали Тебя вижу,
В себе Тебя зрю и на небе Тебя созерцаю!
Но как происходит сие? Ты один только знаешь,
Сияющий в сердце, как солнце,

в земном — неземное.

...Болезную я и страдаю смиренной душою,
Когда в ней является свет Твой, сияющий ярко,
Любовь для меня непрестанной становится болью;
Страдает и плачет душа, потому что не в силах
Тебя я обнять и насытиться, сколько желаю.
Но так как я вижу Тебя — мне и этого хватит,
Мне славой и счастьем

и царским венцом это будет,

Превыше всего, что желанно и сладостно в мире.
Подобным меня это Ангелам Божьим покажет,
А может быть, большим их сделает,
о мой Владыка!

...Вкусив Твою плоть, приобщаюсь
Твоей я природе.

А значит, и сущности, Боже, Твоей причащаюсь,
Наследником Бога и общником Божьим бывая.

И, будучи в плоти, являюсь превыше бесплотных,
Я сыном Твоим становлюсь, как сказал Ты,
Не духов бесплотных, но нас называя богами:
«Сказал Я: вы – боги,

Всевышнего все сыновья вы».

Ты – Бог по природе, но сделался Ты человеком,
И тем и другим неизменно, неслитно оставшись.
Я – смертный и тленный,
но Ты меня богом соделал,
Как сына приняв и Твоей одарив благодатью,
Мне Духа Святого послав и, как Бог всемогущий,
Природу и сущность таинственно слив воедино¹.

Святой Григорий Синаит

¹ Преп. Симеон Новый Богослов. Божественные гимны. Пер. с греческого иеромонаха Илариона Алфеева.

Долина Леджа и монастырь Сорока мучеников

Бпереди, гордо подняв голову, шагает верблюд с небольшой поклажей. За ним, придерживая повод, идет монах Федор — богатырского роста, в подряснике и бедуинской накидке с черными клетками. Пока он навьючивал верблюда, я надеялась, что поеду верхом и на малую часть пути смогу уподобиться прежним паломникам, но монах говорит, что верблюд понимает только по-гречески. То догоняя, то чуть отставая, движутся отец Михаил и супружеская пара из Греции. Я иду между отцом Федором и паломниками, чтобы не мешать ему молчать, а им оживленно разговаривать на родном языке.

Как часто в эти дни, ко мне возвращается ощущение чудесной нереальности происходящего. Зеленая долина Леджа огибает Хорив и тянется цепью роскошных садов по направлению к горе Святой Екатерины. Прохладный ветер дует навстречу нам по ущелью. По обе стороны высятся изломы светло-коричневых гор, фантастические нагромождения скал, будто сорванных и разметанных давним землетрясением. И первая череда

садов за каменными оградами колышет серебристо-дымчатые листья олив.

Миновали огромный камень со светлой полосой сверху вниз, похожей на след потока, с несколькими выемками, напоминающими уста — местное предание говорит, что ударами жезла Моисей извел воду именно из этого камня. Я узнаю его по рисунку в книге епископа Порфирия и помню рассуждение о недостоверности указанного места: камень лежит совсем отдельно, и изведение из него воды было бы неоправданным нарушением законов, заданных природе Самим Богом, чем-то вроде фокуса; скорее, чудо состояло в изведении глубинного потока. Приняв это рассуждение, я обхожу камень вокруг из любопытства, но без благоговения.

Тора Хорив

Интересно продолжить это размышление о пределах и внутреннем обосновании, оправдании чудесного. С одной стороны, *там, где Бог хочет, нарушаются законы естества*; с другой, невольно вспоминаются слова: *...Не нарушить пришел Я, но исполнить*. То есть, закон нарушается, не разрушаясь, а словно исполняясь в высшей, превосходной, еще небывалой мере, являя действие свое в иной системе измерений, где пересекаются параллельные прямые, в ином бытии, где время переливается в вечность, вода жизни превращается в вино таинства, болезнь исцеляется чудом прощения, слепота отменяется прозрением, умножение хлебов прообразует Евхаристию, таинство смерти исполняется и завершается воскресением... Всомощество Божие явлено в необычайном, великом, страшном, но совершаемом во имя любви и спасения, и в чудесах уже осуществляется обетованное Царство. Священная история, начатая преображением Израиля с его страстями и преступлениями — в народ Божий, продолжается в каждом чуде обретения веры и в судьбах народов.

Проходим мимо заново отстроенной при дороге церкви святого Онуфрия. За ней высятся итальянские тополя, трепещущие золотой и зеленой листвой. Еще недолгий переход, и за оградой уже тянется сад монастыря Сорока мучеников с его тысячью оливковых деревьев.

Отец Федор обогнал всех, привязал верблюда и теперь встречает нас в прямоугольном двореке двухэтажного монастырского дома и распаивает дверь бедной церковки в нижней его части. Вверху, на широкой террасе, два подростка-араба, размазывавших толстыми кистями белила

по стене, с удовольствием бросают это занятие и весело приветствуют нас. В доме давно никто не жил: отец Федор несколько дней назад прибыл с Афона и только водворяется здесь насовсем, чтобы ухаживать за садом. Он краснеет, мрачнеет от беспорядка в трапезной, от того, что нужно растопить печку, чтобы приготовить кофе. И я пока ухажу в сад.

Ветер затих, ряды масличных деревьев неподвижны. Прохожу между ними к полуразрушенной внутренней стене, преграждающей доступ ливневым водам, и она выводит к большому водоему, окруженному камышом и тополями. Тополя похожи на колонны круглой часовни, удвоенные отражениями, листья глянцево сияют на солнце. Кажется, тишина чего-то ждет от тебя — молитвы или безмолвия, покоя...

*Развалины древней христианской церкви на вершине горы Синай.
На заднем плане гора св. Екатерины. Рисунок 1837 г.*

Иногда сквозит в ветвях пересохший гранат или темнеют забытые миндальные орехи в замшевой кожице. Сколько здесь яблонь, груш, абрикосовых деревьев — работы отцу Федору будет много. От конца сада я возвращаюсь под тополя, а потом сижу на краю осыпавшейся стены и смотрю на золотые и зеленые отражения чудес Божиих в зеркале озера.

Как мне хочется все здесь запечатлеть зрением и унести с собой навсегда — синайскую пустыню, собор с его двумя алтарями, этот сад, тополя в долине Леджа...

Сохранится ли в вечности память о том, что мы любили на земле?

Кафизма Двенадцати апостолов

Ажды, в двенадцать и шесть часов, молодой египтянин Иосиф приносит из трапезной еду в домик рядом с нашей гостиницей — блюдо из овощей, фасоли или вермишели, сыр, помидоры, серые круглые хлебцы или лепешки, испеченные в своей пекарне. Блюдо стоит на столе, занимающем почти всю комнату, а обитательницы гостиницы приходят вместе или порознь в удобное для них время; в кухоньке можно подогреть еду и вскипятить воду.

Иосиф принадлежит к древней коптской церкви, в начале веков господствовавшей в Египте, но теперь весьма малочисленной. Непримируемая борьба Византии с этой церковью привела к тому, что во время нашествий магометан происходило массовое обращение коптов в мусульманство. Иосиф с юности работал в коптских монастырях, но однажды увидел по телевизору передачу о Синае, приехал посмотреть, и вот уже пять лет не хочет возвращаться, хотя не может и присутствовать на литургии. Невинная жертва разделения церквей, он иногда рисует мне процветшие копт-

ские кресты с разветвленными перекладинами или поет что-нибудь из коптского богослужения, от души стараясь приобщить меня к его красоте. Он и по-английски едва говорит, больше выражая себя широкой улыбкой и жестами, но спрашивает, как будет по-русски «ложка», «вилка», «тарелка», «пожалуйста» и другие слова из его обихода, повторяет их вслух и записывает транскрипцию арабскими буквами в школьную тетрадь, — чтобы приятно удивить будущих русских паломников и тем внести посильный вклад в преодоление многовекового разрыва.

Дверь этого дома всегда распахнута на площадь перед монастырем, и по вечерам сюда часто заглядывает кто-нибудь из братии, чтобы повидаться с родственниками. Приедет к монаху сестра из Греции и сидит весь день, плетет четки; на столе чашечка кофе и мотки черной шерсти, черные или цветные бусинки, нанизываемые после каждого десятого узелка. Освободившись от трудов, выйдет брат, сядет напротив и примется за начатую вчера нить. Заглянут еще двое из братии и тоже возьмутся за четки. Так и сидят весь вечер, перебрасываясь словами и не прекращая работы. А к отъезду сестры монах принесет Владыке охапку четок, плоды вечернего отдыха.

Но в течение нескольких дней в домике для гостей многолюдно и шумно: к монаху Даниилу приехали родители и сестра. Отец коренастый, седой, лет семидесяти, громко здоровается со мной по-русски и рассказывает, что его семья переехала в Грецию из Абхазии, когда он был ребенком. А мать тоже громко обращается ко мне, но по-гречески, и весь день месит тесто, печет пи-

Монастырь св. Екатерины

роги с сыром или травами. Оба очень довольны тем, что у них трое сыновей и все — монахи.

Однажды по пути из поселка Владыка вместе еще с одним монахом и со мной заезжает в кафизму Двенадцати апостолов, и мы застаем там всю семью. Большой дом в саду, обставленный с достатком, с занавесями на окнах и пологом над широкой кроватью, похож на крестьянский дом в Гаграх; и в церкви у отца Даниила все прочно, покрашено, убрано, хотя и пустовато. Слово «кафизма» — означает как чтение из Псалтири, во время которого в церкви можно сидеть, так и место отдыха, — возможно, некую промежуточную форму между отшельнической жизнью и жизнью уединенного благочестивого труженика.

На террасе стоит телескоп, обращенный к незримым сейчас звездным мирам, — движение их любят наблюдать здесь монахи.

Колокольная монастыря св. Екатерины

Нечаянным гостям выносят по крохотной, как наперсток, рюмке араки и пироги с картошкой. На десять минут за столом представлены все уровни церковной жизни: от современной молодежи — в лице сестры отца Даниила, милой девушки с крестиком на шее, но явно без аскетических склонностей и в такой короткой юбке, что когда она садится, мать поспешно прикрывает ее колени кухонным полотенцем, — от прочной крестьянской семьи родителей и «прослойки» православной интеллигенции в моем лице — до монашества и высшей церковной иерархии. Владыка благословляет нашу общую трапезу.

— В Абхазии теперь война? — говорит старик, явно сострадаая прежней родине. — Почему мы тут сидим, у нас — мир, а там везде война?

Может быть, потому, что в ту или иную меру — в меру приближения к Богу — мы изнутри свободны, а «там» считают, что свою свободу можно только отнять у другого?

Все провожают нас до ворот и долго машут руками. А мы пересекаем устье долины Леджа, чтобы заглянуть еще в одну кафизму, очень похожую на прежнюю: белый дом с одним монахом и церковью Рождества Богородицы. Только вокруг дома зеленеет молодой виноградник, и небольшой загон оглашается блеянием рыжих коз; бедуины приходят их доить, а молоко приносят по утрам к братской трапезе.

Скит святых Галактиона и Епистимии

тец Адриан увидел нас раньше, чем мы его. Отворяется дверь в ограде, и старец, впус- стив нас в скит, благословляет Кириаки, приходившую раньше, потом Елену и меня. Кажется, он нас ждал и рад посещению. Он ведет вдоль стены и останавливается под фанерным на- весом, дающим слабую тень. На грубо сколочен- ном табурете лежит выгоревший подрясник с воткнутой большой иглой, — отец Адриан штопал его перед нашим приходом: это его рабочая одежда, а всего их две. Из-под навеса на ближнем плане видны коричневые изломы ущелий и каме- нистая тропа к скиту; на дальнем плане, над вер- шинами и зубцами гор — пик Моисея, — не из каждого скита открывается такая высота и даль.

Обитель сокрыта за хребтом горы святой Епи- стимии, ограждена каменной стеной в два челове- ческих роста. По верхнему краю стены выставлены обломки камня наподобие крепостных зубцов — для красоты или для устрашения неприятеля; но глав- ное ограждение и защита — вознесенный над вхо- дом железный крест.

Маленький, худенький, с изборожденным морщинами лбом и слабо развитым подбородком, в выгоревшем и заштопанном подряснике с кожаным поясом и выгоревшей плоской скуфье, старец идет перед нами в другой конец скита и как гостеприимный хозяин показывает свои владения. Вот водоем, который он вырубил в скале: тонкая струйка сочится из камня и наполняет каменную чашу. На зеркале воды плавают белые лепестки: этот куст розы он посадил сам. «А это мой сад...» — две круглые клумбы: землю пришлось носить ведрами из монастырского сада, около часа подъема по крутой тропе, высеченной в скалах. Еще благоухают мелкие лиловые цветы Элизы, вдоль стены приютился дымчатый иссоп, нежно розовеет шиповник.

Глаза отца Адриана смотрят вокруг с детской радостью. И правда, какой это избыток жизни

Монастырь св. Екатерины

для каменной мертвой пустыни — родник, два цветущих куста, птичка с глянцевым черным оперением и оранжевым глазком, спорхнувшая к воде, чтобы на мгновение в ней отразиться и припасть к своему отражению желтым клювом...

Старец говорит по-гречески, Кириаки для меня переводит. Ее карие глаза под соломенного цвета ресницами сохраняют обычное кроткое и печальное выражение, прямые волосы до плеч отливают на солнце золотым блеском, на непринимающей загара коже выступил легкий румянец. Каждое раннее утро мы вместе приходим в храм на литургию, а потом я вижу эту милую девушку с книгами Иоанна Мосха или аввы Дорофея. Есть в ней сокрытая болезнь, вызывающая головокружения и обмороки, но, возможно, и побуждающая искать исцеления и прибежища в церкви.

Та или иная болезнь — тела, души или духа — есть в каждом из нас, но не все ее сознают и не все ищут исцеления, чаще хотят забыться.

Елена, тоже гречанка возраста Кириаки — лет двадцати семи, черна, худа, одета в пестрые цыганские юбки одна поверх другой, в ушах и в проткнутой ноздре по золотому кольцу. Несколько дней назад она откуда-то прибыла одна с воспалением легких и высокой температурой, но без денег, долго сидела, привалившись к стене у канцелярии, пока по благословению Владыки ее не разместили в нашей гостинице на лечение. Кириаки подогревала козье молоко, из монастырского госпиталя приносили лекарства. Через пять дней Елена поднялась, выстирала и высушила на солнце юбки, выкурила на пороге самодельную сигарету и пошла с нами в скит.

Как и всякая гречанка, она крещена в православие; но к церковной жизни непричастна. Муж ее бросил, и она странствует по свету, — чем кормится, на какие деньги ездит? Кириаки советует ей отдохнуть после болезни, погостить, например, в Фаранском монастыре, но Елена только усмехается и пожимает плечом.

В скиту есть крохотная церковь — четыре-пять квадратных метров, достаточная для одного монаха. Есть дом, чуть больших размеров, без окон, без имущества, только сплошь увешанный внутри иконами и картинками к житиям святых. Отдыхая от жары, мы сидим на скамье за длинным столом, на нем керосиновая лампа, запотевший глиняный кувшин с водой и две миски с карамелями, предназначенные равно как для званных гостей, так и для маленьких бедуинов, не ленищихся совершать частые набегі. Монах наливает всем по кружке холодной воды и усаживается у торца стола, благожелательно поглядывая на нас. Что, в сущности, изменилось здесь с III века? Разрушенная стена прежней ограды стоит чуть ниже; может быть, рос другой куст шиповника... Но так же возвышался вдали над складками гор пик Моисея, сочилась из скалы вода, жгло солнце, голубело безоблачное небо, и те же слова молитв безмолвно повторялись в настоянной на зное тишине. Конечно, не приходили в скиты туристы и паломницы, — можно сетовать, можно обличать сонмы людей, стекающихся к стенам монастырей со всех концов света, но это ничего не изменит. Может быть, здесь есть указание на смещение акцента *иноческого* служения к концу времен — в сторону более открытого и широкого свидетельства *об ином* мире?

Коптская женщина

Иногда я угадываю смысл разговора без перевода: отец Адриан рассказывает о девственнице Епистимии и блуднице Марии Египетской и о том, какими путями обе они пришли к святости. Просто душно спрашивает, зачем у Елены в ноздре кольцо. Она смущается, краснеет, вдруг увидев себя его глазами, и в шутовское оправдание повторяет знакомое греческое

слово «калос» — красота, по-славянски «доброта». Отсюда «Филокаллия» — «Добротолюбие» — любовь к красоте, название известного сборника изречений святых отцов. Так широк диапазон этого понятия в миру, что стираются все пределы и грани, оно растекается до противоположных полюсов, эстетическое утрачивает связь с этическим, оболочка — с сущностью.

Отец Адриан достает с полки большую Библию, медленно листает ее, прочитывает по несколько строк и листает снова. Что он читает? Может быть, из пророка Исаии, обличающего весь избранный народ как блудницу:

В тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки,

серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосуды с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу,

верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки...

...И вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос плешь... вместо красоты клеймо.

Нет, это было бы жестоко, как бросить камень. Обличения ранят, а старцы врачуют любовью. Скорее, находит он тексты, раскрывающие истинное, высокое понимание слова, что-нибудь вроде:

Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его...

Или непосредственно относящиеся к женам слова из послания апостола Петра *о нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом*. И все говорится с такой смиренной простотой... Конечно, Елена не изменится, выйдя из скита, но много и то, если увидит свое место в измерениях иного мира, как невольно видит себя каждый, вошедший в скит хоть раз в жизни. В какой-нибудь переломный момент это скажется на судьбе.

Наступает время вечерни, мы кое-как уместаемся в крохотной церкви, зажигаем свечи. И отец Адриан начинает сто третий псалом — великое словословие и благодарение за совершенство творения...

Так оно беспредельно и высоко задумано, что есть у Бога место и для аиста, горной серны и зайца, льва и морского зверя, для светлых ангелов небесных и всякого грешного человека, всем дает Он пищу в свое время, ожидая созревания и просветления души человеческой, а через нее и спасения всей твари.

Благовестие красоты

Так что же такое красота и спасет ли она наш погибающий мир? Часто после литургии я остаюсь в храме на два-три часа смотреть иконы. Только в это время достаточно светло, а душа еще не отягощена впечатлениями и способна отразить в себе образы мира иного. Не знаю, есть ли другой монастырь, имеющий такое бесценное собрание икон — их более двух тысяч, начиная от раннехристианских: этого хватило бы на европейский музей или несколько залов Лувра.

Самые древние, написанные в технике энкаустики, выставлены за стеклом сразу при входе в собор, художник писал красками, растворенными в жидком горячем воске, воск остывал, и при наложении второй, третьей краски, теней и бликов, после окончания работы поверхность иконы проходили разогретым железным прутом — каутерием. Это делало ее эмалевой, словно полированной, придавало краскам блеск и силу при особенной мягкости контуров. Уже в VII веке восковая живопись вытеснена темперой, и сохра-

нившиеся иконы — редчайший дар давно ушедших веков нашему оскудевшему красотой времени.

Каждый раз я стою перед образом Пантократора VI века, пораженная исключительной выразительностью асимметричного лица, его глубинной скорбью. И несказанно, и дивно, и странно, но кажется, что образ принадлежит современному сознанию, как будто гениальность мастера уже превзошла и статичность канона и экспрессию Эль Греко. Предполагают, что икона привезена из константинопольской мастерской периода Юстиниана, постоянно и щедро одаривавшего монастырь.

Великолепен лик Петра с короткими серебряными волосами и мягким окладом серебряной бороды на необычном серо-серебряном фоне.

Медленно продвигаясь вдоль стен, то и дело встречаешь известные шедевры: распятие с предстоящими у креста Богоматерью и апостолом Иоанном, с бюстами святых вдоль рамы, с усиленной экспрессивностью фигур и ликов; «Чудо Архангела Михаила в Хонех».

*Иисус Христос Пантократор.
VI в. Монастырь св. Екатерины*

«Синайские» иконы XII–XV веков — списки с жизни монастыря, его древняя история: Богоматерь — Неопалимая Купина, Моисей перед Горящим Кустом, святая Екатерина, «Лествица к небесам», по которой восходят святые, а грешников черные бесы стаскивают вниз крюками; патриархи, игумены, монахи, преклонившие колени перед святыми.

Особенно много икон XIII–XV веков от итальянских мастеров до несколько декоративной живописи Кипра: в отдаленной обители сливались главные потоки религиозно-художественной жизни христианского мира.

Я входила в этот собор священных образов и проживала малую часть отпущенного мне на земле срока в их благодатном и животворном присутствии. Иногда в молитвенном созерцании растворялись все слова, иногда разрешались пожизненные темы.

Вот озаренная нездешним пламенеющим светом икона Благовещения XII века. Архангел Гавриил только коснулся земли, еще полураскрыты его крылья с тонко прорисованными светящимися перьями и развеваются складки легкого одеяния, пронизанного золотым светом. Сияющим лучом Святого Духа освещен лик Богородицы в нимбе, обращенный к Архангелу. А под стопами Гавриила у края земли, в высвеченной воде стоят на красных ножках белые цапли, и плавают золотые рыбки: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь...»

Икона являет тайну красоты как раскрытия в мире и человеке Святого Духа. Истинная красота освящена, озарена, облагодатствована, прони-

зана Духом, она — отражение совершенства Творца и начало преображения мира. Если на земле красота — поле битвы дьявола с Богом, несовершенна, как человеческое добро, смешанное со злом, и лик ее двоятся на ангельский и демонический, — икона восстанавливает единство красоты с Истиной.

Чудо в Хонех. Монастырь св. Екатерины. XII в.

Вот красочное, сказочное Рождество Христа XIII века. В центре — ясли с маленькой голубой фигуркой спеленутого Богомладенца, как в центре истории мира — воплощение Бога. В нимбе Младенца проступает рисунок креста, и ясли похожи на маленький открытый гроб, но он красного пасхального цвета, цвета воскресения. Небесный свод испещрен звездами, огромная звезда направляет луч на Богочеловека. Ангелы воздевают крылья и поют славу в вышних Богу. На земле мир, и она прорастает пестрыми цветами — белыми, красными, голубыми; красный вол с белым осликом заглядывают в ясли, белые агнцы пасутся на светлом лугу. Играет на дудочке пастух, и волхвы, мудрецы Востока, преклонив колени перед Божественной Премудростью, подносят свои дары. В нижнем левом углу — согбенная в скорбном сомнении фигура Иосифа; лоб изборожден морщинами, взгляд обращен к Жене и Деве: непостижимо это Рождество, необъяснимо разумом, как и для всех, не способных принять его верой, но не слышавших и ангельского провозвестия. Пространство одухотворено, краски прозрачны для смысла, земля стала храмом, праздничным образом божественного творения.

И дальше — образы тех, кто обитает на этой преображенной земле: древних пророков, апостолов и новозаветных святых, великий сонм мучеников, исповедников, страстотерпцев. Какие прекрасные лица — Сергей и Вакх на белых конях, воины-исповедники, принявшие смерть за Христа. Глаза, смотрящие сквозь видимое в незримое со спокойной решимостью; узор двух кольчуг, плащ красный и плащ черный, хоругвь с крестом, поднятым на тонком древке тонкой рукой. Голова

*Мученики-воины Сергий и Вхх.
Большая выносная икона. XIII в.*

святого Георгия — склоненный ангельский лик с длинными бровями, повторенными длинными линиями век, взгляд, в котором отрешенность окрашена глубокой грустью и любовью; а перевязь надо лбом драгоценна, как будущий венец...

Благовестие красоты

Насколько чужда духу иконы подмена этой незримой Божией силы, действующей в человеческой слабости святых, атлетическим совершенством фигуры, мощью торсов и развитостью бицепсов, как у Давида Микеланджело с его мраморной красотой и плотской самодостаточностью... Нет духовного родства и между синайским Моисеем и столь же обремененной разросшейся плотью фигурой итальянского ренессанса, как нет сходства между синайским Христом и Колоссом, с торжествующей мощью посылающим в ад грешников на фреске «Страшного Суда» Сикстинской капеллы.

Или перед образом Марии Египетской я вспоминаю, что после многих лет отшельничества в пустыне ей все еще нравились блудные песни... И понимаю вдруг, что многое в столь любимой мною прежде поэзии начала нашего века, с точки зрения религиозного сознания, и есть не что иное, как блуждание ума и сердца в страстях, на распутьях — «блудные песни». «Но клянусь тебе ангельским садом, чудотворной иконой клянусь и ночей наших пламенным чадом...» или «...Как иерей, свершу я требу за твой огонь — звездам», — не тот ли это *чуждый огонь*, за который были сожжены сыны Аароновы огнем Господним? И пламенный чад наполняет не райские сады, а долину Иосафатову...

Если дух не свят — красота подложна, это не вода живая, а отравленный источник, питаемый водами смерти. Гибнущая в отвержении Бога душа накладывает на созерцаемый мир печать своего распада, страдания без просветления, скорби без исхода. Вне церкви человек живет подложной жизнью, и потому мир заполнен под-

*Архангел Михаил из домового чина. XVI в.
Монастырь ов. Екатерины*

менами, и ангелы сатаны являются в облике ангелов света.

Есть эстетическое прельщение — самодостаточность отражений земной красоты; оно начинается с изысканности и роскоши палитры

импрессионистов и заканчивается трупным ядом и улитками Сальвадора Дали, — это повторяющийся в искусстве, как и на всех планах бытия, путь грехопадения, утрата целостной мудрости, ускорение мира к концу...

Икона — слияние образа и Первообраза; псалмы, молитвы, церковные песнопения — таинственное общение Бога и человека, отдающего Ему свободную волю; храм — преображенный космос: это круги из одного центра — Божественной литургии, земного апофеоза духовности и красоты.

Здесь сердцевина жизни, раскрытой как богочеловеческое таинство, здесь действует Сам Господь, соединяя человека с Собою, сливая время и Вечность, дух и плоть, Истину и Красоту...

И только эта воскрешающая Красота как одно из имен Бога Живого может спасти наш разбитый на осколки и все еще прекрасный мир.

Литургия в часовне Неопалимой Купины

Уплывают отражения с поверхности памяти, как светлые облака с зеркала моря; но иногда поток дней погружает в таинственную глубину, в которой сливаются времена, и прошедшее остается непреходящим.

Потоком благословения ощущала я дни на Синае. И перепад уровней моего бытия — до черты у подножия Святой горы и после этой черты — был переходом от обыденного к чудесному, от принадлежащего мне самой — к тому, что превосходит мои возможности и открывается как дар и милость.

Одним из самых глубинных событий осталась литургия в часовне Неопалимой Купины.

Ее совершают с первых веков на корне Тернового Куста раз в неделю, в субботу; для братии это привычно, как восход солнца, и никому не пришло в голову, что я могу этого не знать. А я об этом не знала еще в ночь перед моей последней, второй в монастыре субботой.

Но кто-то стал исподволь меня к ней готовить — Ангел Хранитель? Или пророк Моисей, местный

Литургия в часовне Неопалимой Купины

*Митра, наперстный крест,
панагия, жезл и посох
архиепископа Синайского*

распорядитель Священной Трапезы? Или русские святые, молитвами которых я совершила дальний путь? Меня давно беспокоило, как я буду исповедоваться перед причастием: моего знания английского едва хватало, чтобы понимать и выговаривать простые слова. Никто не исповедовался в храме перед литургией — паломников по утрам почти не бывает, а у монахов есть особое время для беседы с духовным отцом. Отец Адриан и отец Павел не исповедовали по-англий-

ски и отправили меня к архиепископу. Меньше всего хотелось мне беспокоить архиепископа по столь для меня личному, а для него незначительному поводу, как мои грехи. — «Почему? — удивился отец Павел. — Все монахи исповедуются у него. Я скажу о вас сам. Он у нас очень добрый».

Владыка Дамианос назначил мне вечер пятницы. В приемной уже сидел монах, который встретил меня в день приезда и проводил сюда же, отец Иустин; тогда лицо его мне показалось знакомым, но это было совсем невероятно, и я не придавала значения первому впечатлению. Теперь он упомянул, что окончил Парижский богословский институт, и мы вычислили те майские дни

трехлетней давности, когда я могла видеть его в Сергиевском подворье: этот мир с его великими пустынями и многолюдными столицами снова оказался удивительно тесным для близких по вере.

Вышел из кабинета Владыка, посмотрел на нас устало и отсутствующе, будто медленно переключаясь на наши дела, зажег люстру. «Зачем такая иллюминация?» — успела подумать я. Поискав на полках, достал альбом с фотографиями монастыря и протянул мне:

— Отец Иустин просил об исповеди раньше, — простите, вам придется подождать...

Закрылась за ними дверь из угла приемной в домашнюю церковь.

Сразу нашла я образ Пантократора VI века, перед которым замирает душа — в волнении? печали? трепете перед ликом божественной красоты? Во весь большой лист — голова Христа и благословляющая десница; репродукция чисто воспроизводит оттенки восковых красок, даже стекло теперь не стоит между нами, и я вижу древний образ лицом к лицу.

Прекрасно поставлена голова на высокой открытой шее, в овале густых волос и блеклом круге нимба с едва намеченными перекладинами креста. Необычайна и невыразима одухотворенность бледного аскетического лица, больших глаз с темным обрамлением кругов радужной оболочки, чуть срезанной траурной каймой верхних век. Нижние веки тоже слегка подчеркнуты темной полосой, повторенной слабой тенью под глазами. Волосы, разделенные надвое, ниспадают по сторонам чистого лба и щек. Несимметричный изгиб бровей, тень, продолженная от излома

брови вдоль тонкого носа; мягко прорисованные усами губы и небольшая бородка подчеркивают светотеневую лепку лица. И сам нимб обведен как будто траурной каймой.

А в бездонном взгляде Вседержителя — бездонная печаль. Эта божественная — надмирная и умиротворенная — печаль включает меня в свою беспредельность, проникает до дна души и уходит сквозь нее дальше, в уже непостижимое мною — в вечность, в вечную любовь или вечный покой, — под этим взглядом сердце мое тает, как воск, и начинает тихо плакать. Всплывают в памяти строки церковных песнопений — «Вскую отринул меня от лица Своего, Свете незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма...» — чувство ищет слова, но не находит. Он, и правда, оставил меня задолго до моего рождения и вместе с моей землей, и еще на тридцать пять лет жизни, но взгляд Его проходит сквозь подробности судьбы — к тому, что есть сейчас.

С болью в сердце я понимаю, что не готова к исповеди, что, может быть, никогда не была к ней достаточно готова, потому что от начала дней жизнь отделена, отдалена от этого Первообраза, искажена. Нет никаких слов, чтобы заполнить бездну между нами, только сокровенный голос плача может быть Им услышан: *Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня...* А в Его неизреченной печали, проходящей как сквозь подробности судьбы, так и сквозь напластования греха и зла, к светящейся сердцевине, есть неизреченное сострадание.

Не скрой от меня лица Твоего; не отринь во гневе раба Твоего... Не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой!

Прислонив альбом к тяжелой вазе с веточками мелких белых цветов, я смотрела на прекрасный лик Господа. А Господь смотрел в мою сокрушенную душу.

*...Не из праха выходит горе,
и не из земли вырастает беда;*

*Но человек рождается на страдание,
как искры, чтобы устремляться вверх.*

Почему? Все религии мира кругами расходятся от этого вопроса, как круги на воде от брошенного камня.

Что это за великое таинство, всеобъемлющее, как таинство жизни и смерти? Почему само бытие от начала дней причиняет боль? Удел ли это всех людей, или по мере утончения и углубления души умножается скорбь? Как сама жизнь, страдание беспредельно, неисчерпаемо, неизреченно...

Безрассудные страдали за незаконные пути свои и за неправды свои... приближались к вратам смерти.

Это страдание за грехи, бич Божий за уклонение от путей Его, поражающий целые народы, страдание богооставленности, и страдание во ис-

*Симеон Богоприимец
с младенцем Христом
на руках. Монастырь
ов. Екатерины*

купление грехов. Есть великое страдание — не быть святым и великое страдание святых, плачущих о грехах мира.

Летит стая лебедей, а Господь, как охотник, натягивает лук, — раненая птица падает к Его ногам, и никто кроме Него не может ее исцелить. Бог ранит душу стрелой любви, и Его избранник ни в чем земном не находит покоя.

«Ибо я искал Того, Кого возжелал, Кого возлюбил, красотою Которого был уязвлен...» — это опять бессмертные «Божественные гимны» Симеона Нового Богослова, плач души о Боге, таинственная мука, смертное томление, алчба и жажда, и неутоленность.

...Имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления.

...Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

Это страдание — рождения вечного во временном, бесконечного в конечном, рождения бога в человеке. Это божественный огонь, сжигающий земное, чтобы возгоревшийся прах искрами возносился вверх. Это страдание восхождения, преодоления земного тяготения.

«...Как прикованный к одру прежних болезней, я терзался, и сидя внутри своего жилища, как заключенный в гробе или в бочке, плакал и сильно рыдал, совершенно ничего вне себя не видя. Ибо я искал Того, Кого возжелал, Кого возлюбил, красотою Которого был уязвлен; возжегшись, я горел и весь пламенел. И вот, когда я таким образом проводил жизнь, так плакал, истаявая от слез, и как бичуемый кричал от сильной боли, Он услышал мой вопль, приклонился с

Встреча Господня. Монастырь св. Екатерины

немыслимой высоты, и увидев меня, сжалился и снова сподобил меня увидеть Его — невидимого для всех, насколько это доступно человеку... Внезапно Он весь пришел, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и без смешения смешался со мною, как огонь в железе и как свет в стекле. Он и меня претворил в огонь и явил светом... — человеком по природе и богом по благодати».

И слова пророка Иеремии «...но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его — и не мог», — повторяет святой Симеон: «Ибо внутри меня горит как бы огонь, и я не могу молчать, не вынося великого бремени даров Твоих».

...Незаметно прошли полчаса, час. Заглядывал секретарь, монахи спрашивали, где Владыка: «А, исповедует... Это может быть долго».

Дверь открылась часа через два, — они вышли вдвоем, и Владыка пригласил меня войти. Небольшая домашняя церковь Успения Богоматери с безыскусным иконостасом и двумя рядами кресел у противоположной алтарю стены... Владыка прочел обычные перед исповедью молитвы, опустился в кресло и прикрыл глаза. Я тоже села, еще не зная своих первых слов. «Когда вы были крещены? Есть ли у вас духовный отец, и как часто вы исповедуетесь?» — Он выходил навстречу, определяя неспешный ритм разговора, интонацию, предлагая начать не с частных, а по существу. И я стала говорить о своей духовной жизни с ее недостаточностью и нерегулярностью, с привычными провалами и тем роковым, смертельным рубежом, за которым я старалась выжить в последние несколько лет. Из этой жизни после смерти я уезжала

Господь Вседержитель (Пантократор). VI в. Синайский монастырь св. Екатерины

*Преображение Господне. Фрагмент мозаики.
Синайский монастырь св. Екатерины. VI в.*

Апостол Петр. Синайский монастырь св. Екатерины. VI в.

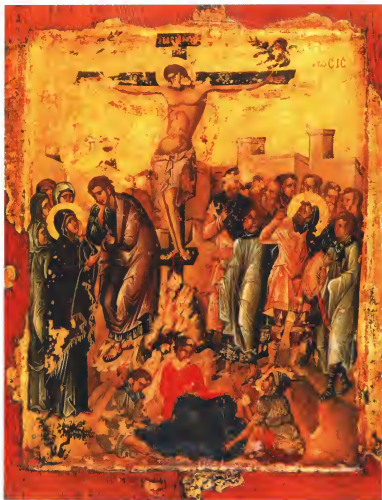
Св. Екатерина. Синайский монастырь св. Екатерины. XVI в.

Св. Екатерина. Синайский монастырь св. Екатерины. XVI в.

Поучения Григория Богослова. Первая страница рукописи.
Монастырская библиотека, Патмос. 941 г.

Распятие. Монастырь апостола Иоанна Богослова. Патмос. XV в.

*Мученики-воины Сергей и Вакх. Большая выносная икона.
Синайский монастырь св. Екатерины. XIII в.*

Архиепископ Даниило совершает Божественную литургию

в паломничества по другим странам и монастырям и в нее неизменно возвращалась, как в свой затвор и свою страну. «Почему?» спрашивал вдруг Владыка, и я останавливалась, чтобы разрешить для себя этот вопрос, или: «Когда это было?», и я вспоминала, как это давно прошло, хотя еще не отболело; или: «Вам не кажется, что все эти события имеют одну направленность, и за ними проступает единая Божия воля о вас?» Да, да, — именно так мне и казалось, но нужно было, чтобы об этом сказал кто-то как власть имеющий. «Эта воля для вас неясна или вы не готовы ее принять?» И неясна, и не готова... «Когда человек силен, он ведет долгую борьбу за отречение от мира; когда слаб, — бывает, что Господь все совершает за него Сам...»

Я забыла, что впервые исповедуюсь по-английски, — то, что Господь хотел сказать мне Сам, он писал на скрижалях сердца.

Литургия в часовне Неопалимой Купины

*...Исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены;
И душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе?*

Беспросветный мрак, как в погребальной пещере, в узком переходе между внешними и внутренними воротами монастырской стены. Сторож-бедуин не открыл дверь, я долго жду, потом начинаю негромко стучать по гулкой обшивке. Спит он там что ли, или его и вовсе нет? Металлический звук раскалывает безмолвие ночи, и мне кажется, что его слышно во всем монастыре, но за дверью никто не отзывается. Жутковато стоять в этой крошечной тьме под давящей толщей каменных стен, и мне вспоминаются девы юродивые, опоздавшие на брак, с погасшими светильниками стоящие у дверей затворенных. Каким дивным торжеством представляется сейчас всенощная, совершаемая в храме... Уже около пяти, так я могу не попасть и на литургию, и это пугает гораздо больше, чем окружающая тьма. Господи, помилуй, не отвергни меня от лица Твоего, не оставь в тени смертной...

Наконец, со скрежетом проворачивается ключ, и тяжелую дверь — медленно, как крышку гроба — отворяет отец Иоанн, эконо́м. Из-за его спины выглядывает улыбающийся во весь рот старый бедуин: оказалось, с вечера он забыл связку ключей в канцелярии, а спросонок никак не мог сообразить, куда они подевались.

Двор безлюден и безмолвен, вся братия на службе, — слава Богу, стук мой никого, кроме сторожа, разбудить не мог...

Кончается всенощная, проходит по храму всегда безмолвный горбоносый монах, взмахивает широким черным рукавом рясы, поднимая палку

с медным колпачком на конце, и гасит свечи. И вдруг я вижу, что все куда-то исчезли, хотя никто не проходил к выходу, и я осталась в храме одна. Подходит послушник Николай и спрашивает: разве я не хочу быть на литургии в часовне Неопалимой Купины? Вот оно что, братия прошли через боковые приделы за главный алтарь... Неужели могло случиться, что я не узнала бы об этом? И я ощутила то же веяние страха, которое касалось меня, когда я стояла во мраке перед закрытой дверью. А как же страшно лишиться небесной евхаристии...

Сняв обувь, я вхожу под мерцающий золотой свод часовни. Отец Иустин уже читает Часы. Сразу у входа стоит на коленях Кириаки, склонив голову; за ней старая гречанка-монахиня, приехавшая вчера из Иерусалима; я опускаюсь на колени рядом с ней. И снова вижу неогражденный престол, неугасимые лампы, серебряную плиту с иконами и круглым проемом над корнем и сам Горящий Куст в раме окна. У алтаря отец Адриан в красном фелоне с золотыми крестами в терновых венках: от горящего Тернового Куста до венка тернового и воскресения — все вмещается в малой часовне.

У противоположного входа — отцы Павел и Михаил; в приделах за дверными завесами еще несколько монахов.

— Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствие Твое... — просят они за всех нас.

Престол, Святая Чаша, Неопалимая вечно живая Купина, слова блаженств в их изначальной византийской весомости, проступающей сквозь

таинственный покров незнакомого языка... Прекрасное древнее унисонное пение проходит меня насквозь, как взгляд Христа с иконы. Это пение не сломано безбожным реформаторством, подобным насилию нашего Петра, не подвергнуто отсечению от корней, италянизации с ее душевностью и сентиментальностью. Ни фальши, ни претенциозности, ни витиеватых прикрас, ни намеренной приподнятости — никакой лжи. Искренность и глубина молитвенного обращения к Богу, покаяние и благодарение, упование и плач — такая сокрушающая подлинность бывает только в монашеском пении...

Несколько лет назад на глухом приходе я впервые услышала в записи эти песнопения, достигшие затерянной в российских снегах деревни вслед за византийским богослужением. И сразу, с первых «Кирие, элейсон», пение вошло в душу, как стрела направленная, как молитва. Глядя сквозь заиндевевшее стекло на зажженные лампы звезд в морозной ночи, я прослушала записать до конца. Потом повторила с начала, уже с закрытыми глазами, и волны молитвы проходили сквозь сердце, и мозг, и плоть, сливая их воедино в предстоянии, сокрушении, любви. И не было утоления, хотелось длить и длить это без конца...

И вот теперь это повторялось в живой полноте богослужения — на другом краю света, в синайском храме, в часовне Неопалимой Купины. С замиранием сердца ждала я Евхаристического канона. Негромким, но внутренне торжествующим мерным гласом был прочитан Символ веры. И вот над ровным пространством чтения тихо

воспарила «Милость мира...», и выше, вместе с вознесенной Чашей поднимается голос иерея:

— Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся...

И хор отвечает единением и возношением душ:

— Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи...

В ужасающей священной открытости престола отец Адриан разламывает Святой Хлеб, делает частицей знамение креста и опускает ее в Потир, едва слышно произнеся слова: «Исполнение Духа Святаго»...

И в памяти моей повторяются слова из молитвы преподобного Симеона Нового Божеслова перед причастием: «...Но сие паки вем, яко ни величество прегрешений, ни грехов множество превосходит Бога моего многое долготерпение и человеколюбие крайнее; но милостию сострастия тепле кающихся, и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего

*Архиепископ Даниило
во время богослужения*

соделоваяй независтно... И дерзая Твоим богатым к нам благодеянием, радуясь вкупе и трепеща, огневи причащаюся трава сый, и странно чудо, орошаемь неопально, якоже убо купина древле неопальне горящи...»

Душа, душа, неопалимый куст терновника, горящий в огне божественной любви, — так вот где замыкается этот вечный круг...

Раифа

Аревняя Раифа — теперь городок Эль-Тор — лежит в ста милях от монастыря Святой Екатерины под пальмами на песчаном берегу, усыпанном цветными ракушками, между величественной панорамой Синайских гор и Суэцким заливом.

В отрогах гор заброшены пещеры отшельников, погибших здесь в ранние века. Раифский монастырь Иоанна Предтечи, выстроенный при императоре Юстиниане, с базиликой, множеством келий, окруженных крепостной стеной и башнями, до основания сокрушен в XI веке нашествием мусульман, разрушивших и святыни Иерусалима, и засыпан желтыми песками. Арабское предание гласит, что монахи скрылись в горе Накус, и потому теперь из глубин ее слышны голоса, колокола и гулы, привлекавшие сюда наших паломников; а ученые путешественники объясняют таинственные звуки пустотами внутри горы и движением песков.

Другое предание связывает эти места с библейским Элимом:

Раифа

И повел Моисей Израильтян от Чермного моря...

И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев; и расположились там станом при водах.

В конце XV века митрополит Ефесский Даниил по пути из Египта на Синай добрался до Раифы и записал, что из источников шесть поглощены песком, зато финиковых деревьев стало больше тысячи. А иеромонах Ипполит Вишенский в начале XVIII века рассказывает, что когда финики поспевают, приходят из монастыря по пятьдесят человек и больше и собирают, сколько хотят, делают из фиников уксус, хорошие квасы и водку; и арабы собирают и всего собрать не могут.

В 1728 году наш неугомонный паломник Василий Барский, за двадцать четыре года посетивший пешком все святые места в Европе, Азии и Африке, выйдя из Раифы, за день дошел от подножия гор через каменистые хребты и ущелья до Синайского монастыря.

Более века спустя, в 1850 году, епископ Порфирий насчитал в Раифе всего двенадцать домов, слепленных из морских окаменелостей вокруг кусков белого коралла, не заметил ни торговых лавок, ни какого-либо движения людского, ни лодок возле узкой набережной. Зато он неустанно восхищался дальними видами Синайских гор, Красного моря и финиковыми рощами, садами, снабжающими монастырь фруктами и овощами, а в теплой серной воде одного из оставшихся шести Моисеевых источников с удовольствием совершил омовение.

Многие паломники предпочитали двенадцатидневному путешествию на кораблях пустыни

морской путь на парусных египетских судах из Суэца в Эль-Тор, а отсюда уже добирались к Хориву. Прибывший через десятилетие после епископа Порфирия из Суэца всего за семнадцать часов на снаряженном по повелению вице-короля Египта военном пароходе Авраам Норов насчитал здесь лишь на два дома больше, посетил бедную арабскую православную церковь, окормлявшую пятнадцать семей, приобрел замечательные раковины и голову рыбы-пиры.

Эта поездка была мне обещана: Владыка предполагал посетить еще раз Фаран и оттуда Раифу до своего отъезда в Грецию.

Время мое на Синае приблизилось к концу — оставался последний день и утро следующего, и я уже стала терять надежду, когда Иосиф передал, что можно собираться в Раифу. Елена вдруг тоже выразила желание посмотреть Фаран, и Владыка охотно согласился, как обычно соглашался на все, о чем просили, если это было в его власти, — такое применение своей власти находят только духовно высокие люди.

*Царские врата из часовни
св. Иоанна Крестителя*

Кольцо из ноздри Елена уже извлекла, хотя в ушах они остались; вместо майки и пестрых бус на ней темная кофточка с рукавами, приглушающая яркость цыганской юбки. И с лица как будто смыто все наносное — тушь, краски, улыбка, — оно усталое и, видно, что не такое уж молодое.

По пути я пользуюсь последней возможностью задать несколько вопросов, и Владыка немного рассказывает о себе.

Он был одним из старших сыновей в многодетной семье, с детства любил богослужение. В двадцать четыре года окончил богословский факультет Афинского университета. Мечтал, как Альберт Швейцер, отправиться в миссию в Африку, только врачом душ — монахом и священником. Хотел получить опыт послушания в любом греческом монастыре, может быть, на Афоне, но прочел о монастыре Святой Екатерины, увидел его твердыню на фоне Хорива, и написал письмо архиепископу Синайскому Порфирию Третьему о намерении провести здесь три-четыре года. Архиепископ ответил, что готов его принять. Так в двадцать шесть лет он прибыл на Синай и получил келью в монастыре.

Одним из великих чудес всегда казалось мне человеческое общение — как открытие другой галактики, где все подобно и все ново, и тайна этой новизны и есть тайна личности. До конца ее знает только Бог, наедине замысливший сердца и судьбы наши. Человек чаще всего едва угадывает издали облик других, а служитель Божий еще менее постижим, потому что главное в нем — эта неизреченная тайна общения с Богом.

Владыка из-за стекол очков смотрит на шоссе, негромко, но, по моей просьбе, раздельно произносит английские слова. Его послушание церковника — кадиловозжигателя — длилось год. По два-три часа в день он помогал дипломированному врачу, иеромонаху Григорию, или замещал его. Уже тогда в монастыре был бесплатный госпиталь для бедуинов и паломников, единственный в окрестностях...

Несколько раз я собиралась посетить этот госпиталь, но Тасис предупредил, что доктор не любит, когда его отвлекают, и лучше зайти после приема. Но сколько я ни пыталась переждать прием, он не кончался: на втором этаже нового корпуса вдоль галереи до середины дня сидела очередь из бедуинов и бедуинок с детьми, а после вечера в госпитале никого не было. Я посетовала на это; вечером ожидала в приемной, а в кабинете архиепископа разувался житель пустыни, поставив ногу на кресло — показывал незажившую рану. «Мы отправляемся в госпиталь, — сказал мне Владыка, — хотите увидеть его хотя бы без врача?» Я увидела зубной кабинет и две высокие комнаты, до потолка заставленные вдоль

Fig. 25.—Map of the Peninsula.

Синай. Карта паломника. XIX в.

Роза

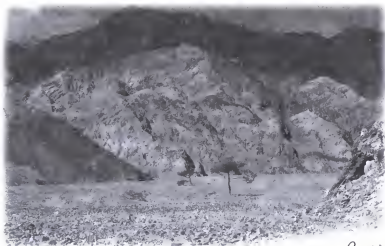

стен ящиками с медикаментами; лекарства в коробочках, баночках, тюбиках заполняли и несколько шкафов. Все это раздавалось бесплатно и, кажется, всегда — с тех пор, как бедуины перестали нападать на монастырь и получили сюда доступ; только теперь для госпиталя построено за стенами монастыря отдельное здание. Владыка подобрал бинты, средства для промывания ран, антибиотики и долго по-арабски объяснял бедуину, как ими пользоваться.

Итак, в двадцать семь лет он принял постриг с именем Дамианос и еще через месяц — рукоположение во диаконы. Желание уехать в миссию оставалось, но епископ просил подождать: богословски образованный и сведущий в медицине монах был очень нужен, и он послушался. Порфирий умер, на его место был избран Григорий Второй, но и тот благословил Дамианоса ждать. В тридцать лет его рукоположили в священники; был он секретарем подворья в Каире, преподавал богословие в гимназии и лицее семи сотням детей — преимущественно греков, но и арабов. И только еще через пять лет получил разрешение уехать в миссию.

Тем временем мы прибыли в Фаран: шестьдесят километров промелькнули за полчаса — внешне спокойный Владыка живет на высоком напряжении и ездит на больших скоростях. Однажды мы проезжали холм, где стоял Моисей во время битвы с амаликитянами, Владыка отпустил руль на свободу, чтобы показать, как Моисей воздевал руки, как опускал их от усталости, и тогда амаликитяне побеждали, и он воздевал руки снова: я непроизвольно взглянула на шкалу — пока руки Владыки

Синай

были воздеты, машина ехала со скоростью сто двадцать километров в час.

Оставив Владыку с игуменией на террасе, а Елену поручив милосердию Себастии, я побродила под сквозной тенью пальм — в прощальной печали. Я знаю, что не решусь на последнее отречение, останусь *между*, сердцем принадлежа монастырю, а всеми привычками, образом жизни — одиночеству и свободе. Неужели мне дано только *созерцать* чужое бытие в Боге, но не *быть*? Или это трагедия творчества — как подмены, созидания неких форм вне себя, вместо того, чтобы созидать себя? Но разве нельзя писать, как иконописец — образ; строить, как архитектор — храм; петь, как поют псалмы, чтобы все внешнее переплавилось в молитву покаяния, прощения, благодарения? Плод, съеденный без благословения — это яблоко грехопадения; но яблоки, освященные в день Преображения — про-

образы райских плодов, и хлеб, принесенный на проскомидию — священная жертва...

Опять быстро пересекаем прекрасную гаснущую пустыню с силуэтами гор по горизонту, лиловыми тенями, кустиками колючек и редкими деревьями. Владыка спешит, — на вечер он назначил совет в монастыре, — но рассказ продолжает по-прежнему неторопливо.

Он провел год в Кении и Танзании, вернулся, был членом совета и секретарем монастыря. В 1973 году умер архиепископ Григорий. Назначили день выборов нового епископа, — должны были собраться монахи из подворий Греции, Ливана, Кипра. Трижды переносили срок, потому что началась война между Египтом и Израилем, и отцы не могли приехать. Наконец собрались, обсудили правила выборов, предложили трех кандидатов и выбрали из них двоих. Потом все пришли в цер-

Пещера отшельника. Цветной каньон. Синай

ковь, отслужили всенощную. Отцы получили по две бумажки с именами кандидатов — одну из них каждый опустил в ящичек, поставленный в раку святой Екатерины. Ящик открыли все вместе, сосчитали голоса — единогласно был избран Дамианос.

В день памяти преподобного Саввы Освященного он принял великую схиму в этом монастыре между Вифлеемом и Мертвым морем. Еще через две недели Венедикт, патриарх Иерусалимский, его рукоположил: по освященной веками традиции он стал игуменом монастыря Святой Екатерины и архиепископом Синая, Фарана и Раифы.

Машина въезжает вверх по дуге эстакады. Владыка предлагает выйти, и мы подходим к ограждению, нависшему над нижними витками дороги.

Впереди расплавленное солнце погружается в синие с холодным стальным отливом волны Суэцкого залива, разливая широкую огненную полосу и брызги пламени.

Над противоположным берегом залива распластана меркнущая полоса заката, и на ее фоне цепь нефтяных вышек полыхает высокими желтыми факелами — это горит нефть. Вдалеке колышутся под ветром кроны пальмовой рощи, склоняясь все сразу в одну сторону и распрямляясь, горят фонари и окна Эль-Тора.

Есть что-то тревожное, пугающее в слиянии небесного и земного пожаров, позднего дневного и электрического света, и это похоже на апокалиптическое видение сгорающего мира, но никак не на тихую Раифу, которую я ожидала увидеть и которой давно уже больше нет.

Раифа

Едем между витринами магазинов, мимо рядов базара, где арабы торгуют, курят, пьют кофе, и на всем этом лежат отсветы пожара.

Смеркается, и к моему огорчению, мы не успеваем посетить финиковую рощу, только проезжаем вдоль длинной ограды, и я вижу двухэтажный дом за ней и над ней купы пальм — владения монастыря. Большую часть из них отняли египетские власти, но много и осталось.

В двух километрах от рощи — монастырское подворье с церковью святого Георгия Раифского. У входа за ограду будка и часовой с автоматом: чем дальше от монастыря, тем более враждебно окружение, а при нищете бедуинов оставить без охраны церковь и дом означало бы сразу все потерять — даже стены растащили бы по камню.

Часовой-араб сдвигает автомат за спину и целует руку Владыке.

Навстречу выходит иеромонах Арсений лет тридцати, настоятель церкви, и двое его молодых помощников, православных арабов. Владыка остается с отцом Арсением в его доме, а меня и Елену ведут в церковь.

Высокая, каменная, покрашенная в белый цвет, с тремя арками, расчленяющими фасад, и полукруглым фронтоном над ним, она выстроена сто десять лет назад вне традиционных стилей, но по сравнению с закопченными строениями, в которых ютилась церковь раньше, кажется прочным форпостом православия.

Изнутри она красивее, чем снаружи, ухожена, украшена, подсвечена из-за цветных стекол окон, сияет мраморной белизной пола, начищенной медью и позолотой царских врат с резьбой в виде

виноградных листьев. В самом типе и образах трехъярусного иконостаса на темно-красном фоне алтарной преграды я узнаю стиль русских икон конца прошлого века и различаю церковнославянские надписи: весь иконостас подарен Россией. И мне так же радостно встретить здесь эти богатые русские дары, как слышать наши колокола на юге Синайской пустыни.

Арабы проводят по двум этажам гостиницы с домашней часовенкой, салонами, зеркалами, коврами и убранными комнатами со множеством кроватей, сейчас пустующих, с душевыми и ваннами, — здесь можно разместить человек пятьдесят. Тишина, ни звука не доносится с египетской земли, только за окнами еще дымится зарево заката.

Оно сменяется призрачным светом звезд, когда мы мчим через пустыню обратно по почти незримому шоссе. Елена спит на заднем сидении.

А Владыка рассказывает о борьбе монастыря за независимость от Александрии и Иерусалима — историю многовековую, драматическую, с коварством восточных патриархов и анафемами на синаитов, — но увенчавшуюся автономией Синайской архиепископии.

Пауфа

Прощание

Прощание было светло и благословенно. И до последних минут, как золотой дождь, проливались на меня дары монастыря.

В последний раз в соборе Преображения при мерцании лампад служил литургию отец Павел; угадывались, открывались мне греческие слова Евхаристического канона, и монашеский хор, сокрушая и вознося душу, пел «Осанна в вышних!»

Потом я поставила свечу перед мраморным подножием раки, а отец Адриан, покадив ее, вынес к ступеням алтаря ковчежец, я поцеловала чело и десницу великомученицы, и отец Павел вложил мне в руку еще несколько колечек с ее инициалами. В последний раз я поклонилась святым в иконной галерее, увидела лик Пантократора, серебряные седины Петра, испанский образ святой Екатерины. Прощалась навсегда — великие чудеса не повторяются.

Кириаки подарила иконку Арсения Великого и пригласила в Афины. Даже Иосиф сделал подарок, не догадываясь о его ценности для меня — две карты Тихого и Атлантического океанов со

всеми островами: «Может быть, вам пригодятся? Мне они совсем не нужны».

Самый весомый дар принес послушник Николай: мешок камней с прорисованными веточками Купины, предложив выбрать, сколько смогу довести, и отдельно — распиленный надвое камень с голубым ободком и кристаллической сердцевиной. Еще не погасла вспышка моей благодарности, как Николай, застенчиво улыбаясь, сказал, что Владыка и старцы благословили срезать для меня веточки Купины... Он при-

нес лестницу и ножницы, поднялся до края ограды и срезал мне три свежие молодые веточки. С лесенкой на плече, очень довольный, он попрощался, оставив меня у Неопалимой Купины. Я стояла перед ней со своими веточками, смотрела сквозь слезы на Горящий в сквозном солнечном сиянии зеленый Куст. Мне вспомнился блаженный Андрей, замерзавший на паперти и вознесенный с нее в небесные обители.

Потом я пришла попрощаться с Владыкой, поблагодарить его и возвратить альбом, фонарик и будильник. В приемной сидел начальник Русской

*Апостол Петр. Монастырь
ов. Екатерины. VI в.*

Зарубежной Духовной Миссии из Иерусалима, архимандрит Феодосий, которого я перед самым отъездом трижды встретила на богослужениях в Гефсиманском и Горненском монастырях и престольном празднике в храме Апостола Иакова. С группой православных из Америки он приехал еще вчера, но я весь день отсутствовала, а теперь они отбывали на своем автобусе в Иерусалим. Мой автобус уходил под вечер, и мне грозило застрять у границы ночью.

Вышел из кабинета Владыка и, благословив меня, мягко спросил отца Феодосия, не найдется ли в их автобусе одно свободное место.

— Если бы и не нашлось, мы, по Вашему благословию, слегка потеснились бы... — засмеялся начальник миссии.

Наверное, я попросила бы об этом; возможно, отец Феодосий предложил бы это сам; но и мою робость, и его любезность предупредило открытое движение доброго сердца архиепископа Синайского. Повезло братии монастыря, далеко не всем монахам посылает Бог таких игуменов и архиереев. Недаром повторяют они грустную шутку, что монах должен бояться приближения к женщине, но еще более — к епископу. А к Владыке Дамианосу никто не боится приближаться — ни монахи, ни паломники, ни даже бедуины. Он не нуждается в том, чтобы проявлять доброту напоказ, — она в истоке каждого его поступка и слова, — но и не стесняется ее из опасения, что всегда найдется кто-нибудь, кто это неправильно истолкует. Наверное, в верховном смысле, это и есть простота гениальности: не частичной — интеллектуальной или художественной, а целост-

*Неопаленая Кузина.
Монастырь св. Екатерины*

ной духовной одаренности. Она приходит, когда человек старается угодить не людям, а Богу. Конечно, он может не быть святым, но обретает чудесную подлинность.

Впервые я встретила ее у отца Кирилла, духовника Троице-Сергиевой Лавры, потом еще у двоих старцев в наших монастырях, и это были одни из определяющих жизнь и веру встреч. Все окружающие чувствуют сокровенную благодатность таких священнослужителей, и потому к их келлиям не иссякает поток людей, как тянется дорожка из муравьев к источнику сладости и пчелы летят на раскрытую чашечку цветка.

Прощание

— Ну вот, уже пришло время прощаться... — говорит Владыка, усаживаясь напротив нас и обращаясь к нам обоим. — И я хотел бы что-нибудь вам подарить на память о Синае.

Он подзывает келейника Иоанна, говорит с ним по-гречески, и я с трепетом слышу слово «Пантократор». Огромные, в размеры подлинника цветные репродукции с этой иконы я видела в монастырской книжной лавке среди множества других репродукций, альбомов, открыток. Мне хотелось бы купить их все, чтобы всех одарить в России, если бы это не превышало моих возможностей. Я выбрала пейзаж с монастырем в лиловых ранних сумерках на фоне Хорива и тридцать открыток, но даже для близких знакомых это было слишком мало.

Иоанн исчезает в кабинете и через несколько минут возвращается с большим глянцевым рулоном, который я сразу узнаю, протягивает его отцу Феодосию. Ну, конечно, такой подарок мог предназначаться только начальнику миссии, как я могла пожелать... Отец Феодосий краснеет от удовольствия и благодарит, а Владыка берет у Иоанна открытки, и, взглянув на каждую, тоже одну за другой передают их архимандриту.

Келейник уходит, и я начинаю прощаться, но Владыка жестом останавливает меня.

— Подождите, для вас мы тоже кое-что приготовили...

Он идет в кабинет, возвращается с кассетой и протягивает ее мне:

— Понимаете, что там написано?

А я смотрю и глазам не верю — под крышкой прозрачной коробочки миниатюра к «Словам»

святого Григория Богослова, а над ней красными греческими буквами: «Песнопения пасхальной литургии в Синайском монастыре». Еще во время давней поездки в Фаран, на обратном пути под зеленым светом луны, обведенной сияющим кольцом, отец Михаил включил магнитофон, но вспомнил слова одного из русских путешественников прошлого века о «дикой для нашего слуха» греческой музыке. Я огорчилась за паломника, больше чем за греков, и рассказала, какое впечатление эта музыка произвела на меня. И вот Владыка помнил...

— Вам повезло — это последняя кассета...

— Главное мое везение — это ваша доброта... — ответила я от всего сердца. — Так повезло с экспедицией в пустыню, с Фараном и Раифой, с пещерой Иоанна Лествичника и скитами... со всем остальным, что было мне даровано в вашем монастыре.

Вернулся келейник и положил на стол перед нами еще один рулон, явно более плотный, альбом монастыря, какой я рассматривала перед исповедью и все последние дни, и толстую пачку открыток. Владыка подвинул рулон ко мне:

*Архиепископ Дамьянос
и митрополит Иларион (Алфеев)*

Прощание

— Это Пантократор...

Переместил в мою сторону книгу:

— Это альбом... Он, кажется, вам понравился...

И так же, как передавал открытки архимандриту, стал рассматривать и по одной передавать их мне, пока не кончилась вся пачка.

— Простите, — кротко обратился он к начальнику миссии, — Валерии мы должны подарить больше. Вы у нас бывали, и я надеюсь, еще посетите, а она приехала так издалека...

Архимандрит краснел и смеялся, согласно кивая головой. Я благодарила, не находя слов и не стесняясь своей откровенной радости.

Владыка тоже был доволен и не скрывал этого.

— Могу я просить вас поминать хоть изредка меня и моего сына?

— Это разумеется, мы вас запишем в монастырский синодик... А теперь — с Богом... — Он поднялся и благословил меня, тихо улыбаясь. — Да хранит вас Господь в России...

Через час просторный автобус на двадцать мест пересекал Синайскую пустыню, — я оказалась двадцатой.

От внутренней наполненности я не могла говорить, только не отрываясь смотрела, как плыли мимо в обратном направлении слоистые пирамиды, покинутые города, багровые горные хребты...

И в последний раз глубокой синевой одарило Красное море.

У МАМВРІЙСКОГО ДУБА

Долгий путь в Хеврон

Аней моих на Святой земле оставалось немного, но их неподвластный нам поток зримо не приближал меня к священному для христиан, иудеев и мусульман Хеврону, одному из самых древних городов мира с гробницей Авраама и последней зеленой ветвью Мамврийского дуба, протянутой к нашим апокалиптическим временам от начала Священной истории. Напрасно, затемно выезжая из Гюрненского монастыря, трижды стояла я на шоссе у стен старого Иерусалима, — один за другим проходили синие арабские автобусы, но не было среди них хевронского; потом кто-нибудь произносил: «волнения», «интифада», и становилось явным, что ждать в этот день нечего, и неизвестно, когда можно чего-нибудь ждать.

На четвертое утро, уже отчаявшись, я вдруг поймала пустое маршрутное такси. В Хевроне стреляли, по невнятным слухам, убили еврейскую семью, но ни английских, ни тем более арабских или еврейских газет я не читала, а жаркие дни с привычной сутолокой иерусалимских улиц вытесняли всякую тревогу.

Долгий путь в Хеврон

Поплыли мимо выжженные холмы с пластами известняка, каменными кубиками домов и ломаными линиями оград из того же камня — монотонный сухой пейзаж. Всматриваясь в даль между холмами, надеялась я хоть мельком увидеть три нисходящие уступами цистерны, некогда окруженные садами, — остатки прудов Соломона, и в памяти, как заклинание, повторялись строки из Песни Песней:

*О, ты прекрасна возлюбленная моя, ты прекрасна!
...Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник:*

рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана...

Как гимн божественной любви раскрывает эту книгу тайн один из ранних святых отцов, как прообраз соединения души с Небесным Женихом, ее бесконечного устремления к познанию Бога, сладчайшее страдание, мистический брак. Это к нашей спящей душе вызывает голос Любящего:

*Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
Вот зима уже прошла, дождь миновал, перестал;
цветы показали на земле; время пения настало...*

Окаменевшая земля вокруг прорастает стихами Священного Писания, и если бы можно было исходить ее всю, воскрешая образы, отраженные один в другом, бездонные, как колодцы живых вод...

Но иссякла вера, разрушены водопроводы, соединявшие сады с резервуарами под Иерусали-

Дуб Авраама в Хевроне

мским храмом, пруды заросли кустарником и чертополохом, высохли шафран, и нард, и мирра. Люди перестали пить из потоков благословения, и вместо живой воды льется на землю кровь.

Вдали показались дома Хеврона. И вдруг случилось нечто, требовавшее оправдания, объяснения, но исполненное без единого слова: шофер резко развернул машину, хотя на шоссе не было никаких признаков поворота, и, задев меня локтем, распахнул дверь с моей стороны. Жест был грубо однозначен, — мне оставалось только расплатиться и выйти. Машина въехала на ленту зелени, разделявшую встречные полосы шоссе, пересекла ее и покатила в сторону Иерусалима.

Улица, на которой я вскоре оказалась, была мертва: запертые ставни, опущенные жалюзи, металлические завесы на витринах, замки на дверях... Ветер шевелил бумажный мусор на тротуаре, и это было единственное движение, бесшумное, как в тяжелом сне. Потом из перспективы слепых домов пробежала большая собака, будто спасаясь от погони. А в разрыве каменной ограды появилась голова старого араба, и даже когда меня заслонил угол дома, я еще чувствовала затылком пронзительный взгляд, направленный, как черное отверстие двустволки. Я обернулась: никого не было, только защитного цвета джип медленно ехал за мной вдоль тротуара, другой, такой же открытый с боков, надвигался навстречу, на его подножке стоял солдат с автоматом. Трое рослых парней в военной форме выпрыгнули из машины и преградили мне путь.

— Откуда вы? — спросил один по-английски.

— Из России... — ответила я, не ожидая от них ничего плохого. — Доброе утро.

— Куда идете?

— В русскую церковь.

— Где это? На какой улице?

Улицы я не знала. Обычно из монастыря паломников отправляли группами на машине; а мне советовали добраться до города и спросить русский храм или «абуну Джорджа». Но это были еврейские солдаты, равно далекие от христианства и мусульманства. И даже когда я заговорила о гробнице Авраама, они смотрели с недоумением.

— Теперь это невозможно... Как вы сюда попали?

Хеврон

— Приехала на машине.

— Садитесь в машину и поезжайте назад.

— Машина уже уехала назад.

— Вы что, ничего не понимаете? — Солдат хлопал ладонью по автомату, висевшему у него на груди. — В городе военное положение, на улицах стреляют... Идти вперед опасно.

— Тогда и назад опасно? И я не дойду тридцать шесть километров до Иерусалима... Куда же мне деваться?

Он пожал плечами.

— Можно мне пойти в русскую церковь? Это километрах в двух от центра... надо у кого-нибудь спросить.

— У кого? — солдат бросил взгляд в сквозную перспективу улицы.

— Может быть, вы могли бы меня подвезти? — осенила меня робкая русская надежда, как если бы это был не военный патруль, а попутный га-зик в нашей провинции.

Ничего воинственного солдаты не проявляли, но и дружелюбия не было заметно. Один из них выдернул антенну радиотелефона и стал быстро говорить с кем-то, очевидно, с начальством и обо мне. Потом присел на край тротуара и закурил, другие разместились в машине. Какое-то решение было принято, и я посматривала по сторонам, не зная, откуда ждать своей судьбы. Наверное, кто-нибудь приедет и отвезет меня в церковь, — без какого-либо разумного основания подумала я: предположить, что попасть туда не придется, я не была способна.

Легковая машина осторожно двигалась мимо патруля в сторону Иерусалима. Солдат поднял

руку, обменялся с арабами в машине несколькими словами. Потом махнул мне рукой и, распахнув дверь, предложил сесть на заднее сидение.

— Мы едем в Иерусалим? — не сразу поверила я в очевидное.

— Вы едете в Иерусалим, — ответил сидевший за рулем, не оборачиваясь, — а мы в другом направлении... подальше от патрулей.

Озадачив меня и не дождавшись ответной реакции, — я еще не понимала, на что можно надеяться, и машинально нащупала ручку дверцы — не пришлось бы выбрасываться на ходу, — он на мгновение обернулся с полуулыбкой:

— Вас высадим на шоссе, где машины ходят. А если доберетесь благополучно до Иерусалима, там и пойдите в церковь...

— Там я часто бываю...

— Пойдите поблагодарить Бога... Сегодня на улице убили троих. Пуля не выбирает... Или вы хотели упокоиться рядом с Авраамом?

Наверное, тень страха запоздала и уже не успела коснуться меня. Можно было мысленно посмеяться над своим безрассудством. Можно было, действительно, благодарить Бога за избавление от опасности, которую я не заметила, поглощенная своим устремлением. Но с еще большим чувством я просила Его устроить так, чтобы я опять попала в Хеврон: я не надеялась, что когда-нибудь снова удастся добраться сюда из России.

Через несколько дней, уже приехав попрощаться в Гефсиманский монастырь, я встретила в храме иеромонаха Иоанна, вместе с которым месяц назад мы восходили на пик Моисея.

Долгий путь в Хеврон

— Поднимались на Синай еще раз? — спросил он с интересом.

— Да... На этот раз днем.

— Одна?

Я кивнула.

Мне и хотелось повторить восхождение при свете дня. По воскресеньям туристов не водят, и я была одна на всем обозримом пространстве. Хорошо было не спеша подниматься по высеченным в камне ступеням, узнавать места наших ночных стоянок, находить прорисованные на тверди багровых скал черные веточки «неопалимой купины». Хорошо было стоять, глядя вниз на раскрывающуюся долину, на облачко зелени в расщелине — заброшенный за хребет Хорива скит. После трех часов подъема снова распахнулась с вершины Синая беспредельность каменистой пустыни — изломанная, вздыбленная, безжизненная и безмолвная горная даль. Что было мне в этой безмерности? И почему я видела ее будто впервые? Или душа способна к глубокому созерцанию только наедине с миром, — тогда она проходит сквозь внешний слой впечатлений, забывает себя, погружаясь в его бездонность, в ней отражаясь, и *бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих?*

Что там дальше в псалме?

...Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною.

— Но и когда мы вместе поднимались, было хорошо... — сказала я в утешение отцу Иоанну, не совершившему этот путь в одиночку. — Потому что это было впервые.

— А что теперь? Скоро уезжаете?

Я рассказала, как не хотелось уезжать, не попав в Хеврон, и как вооруженные силы выдворили меня за его пределы.

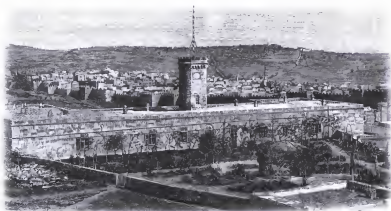
— Я буду служить там на престольный праздник... — как бы вне связи с моей историей сообщил отец Иоанн, — левый придел посвящен святителю Николаю. Наши монахини тоже собираются ехать.

— Можно мне с вами?

— Если в субботу часам к двенадцати вы будете здесь.

— Я буду...

В нечаянной радости я и не вспомнила, что суббота — день ветхозаветного покоя, и мне предстояло пройти километров десять пешком, потом пересечь новый город и обогнуть крепостную стену старого. Время от времени я пыталась остановить то машину скорой помощи, то полицейскую машину, но заметного успеха не имела.

Дом русского консула в Иерусалиме. Конек XIX в.

И все-таки даже на полчаса раньше завершила я этот переход — из Горненского монастыря Московской патриархии в монастырь Русской Зарубежной Церкви — по опустевшему и безлюдному Иерусалиму, напомнившему Хеврон на военном положении. Интересно, чем занимались там в этот день израильские солдаты?

Субботний покой не распространяется на арабских водителей и пассажиров. Мы вошли в уже заполненный автобус, и молодой араб охотно поменялся с отцом Иоанном, уступая место рядом со мной.

Отец Иоанн сидел у окна, несмотря на жару — в рясе, в которой всегда выходил в город, и надвинутой до бровей вязаной черной шапочке, похожей на скуфью. Как он оказался в Иерусалиме? За каждым русским на чужой земле проявлялась изломанная линия судеб, и за них в душе моей накопилась и все нарастала давняя боль. Размещенные по разные стороны провала, разделившего нашу церковь, мы были словно без вины виноваты друг перед другом, и сейчас — потому что однажды мы уже прошли вместе до вершины Синая, — это создавало незримую связь. Обычно это отчуждало; или — одно неосторожное слово, и связующая нить рвалась.

География скитаний предков и самого отца Иоанна охватила три континента. Дед его был капитаном флота в Белой Армии и ушел из Крыма вместе с генералом Врангелем. Отец родился еще в Севастополе, мать — в Югославии; там они встретились двадцать лет спустя и вместе отправились в Австралию.

— Я родился в Сиднее. До двадцати шести лет работал инженером на строительстве в Южной

Африке, прожил год в Намибии. Но уже читал Добротолубие... и, хотя были и соблазны, жил почти по-монашески.

— Почему? Вы росли в православной семье?

— У меня есть немецкая кровь, но семья — традиционно православная. И весь уклад жизни сохранился русским — ходили в церковь в Сиднее, говели, на Пасху красили яйца и пекли куличи. Вы знаете, многие русские чувствуют себя чужестранцами даже через два поколения. Я ниоткуда не эмигрировал, но от начала осознания себя это было задачей — обретение корней... Моя мать ездила на Святую землю, даже в Хеврон. Там служил тогда отец Игнатий: в тридцать лет он стал священником в России, но ушел вместе с немцами. Правда, что всех, кто был в зоне оккупации, потом ссылали? — этого мой разум не вмещает...

Мой не вмещал бы тоже, если бы десятилетиями не заставляли нас вмещать абсурды и ужасы нашего бытия, уже не содрогаясь.

Отец Иоанн говорил быстро, нервно, будто с усилием прорывая плотину давнего молчания.

— В Мюнхене он стал иеромонахом Русской Зарубежной церкви. А в Хеврон приехал вместе с отцом Георгием, — вы увидите его...

— Абуна Джордж?

— Так его зовут арабы... Георгий был и в немецком плену, и, говорит, в партизанах... теперь ему под восемьдесят лет. А отец Игнатий умер в девяносто. Вот моя мать его еще застала и очень расположилась к нему душой; исповедовалась, ему обо мне говорила, мне — о нем, советовала повиждать, пока старец жив. Так я попал в первый раз

в Хеврон... Тогда еще проходили в Европе, потом в Америке съезды Русского христианского движения... Мы с другом и сестрой Мусей отправились из Сиднея в Сан-Франциско на съезд. Я впервые услышал иеромонаха Серафима Роуза: он говорил о России и конце мира. На нас это произвело такое впечатление, что мы поехали в скит в Платине, где он жил... Купили старую машину, прибыли в дни памяти преподобного Германа Аляскинского... Провели там высоко в горах, в лесу три недели и вспоминали их, как дар Божий. Вы знаете Серафима Роуза?

— По книгам... и фотографиям с сиянием в глазах. Есть слова у митрополита Антония Блума, что человек не поверит в Бога, пока не увидит на чьем-нибудь лице сияние вечности. Мне казалось, что иеромонах Серафим из тех, на чьих лицах можно увидеть это сияние...

— Да, впечатление было огромное... Он знал основные древние языки — еврейский, китайский, хинди — и восточные религии, но как высшее откровение принял православие; русским владел, как родным, хотя был американец. Но поражал сам его образ — аскетизм, кротость, смирение... открытость для общения и глубокая сосредоточенность, непрестанная Иисусова молитва, даже при разговоре... А уединялся он для молитвы и работы над своими книгами в келleyке из досок на горе — в скиту «Дивеево», без отопления, без электричества, без воды... издавали они книги вручную, на самой примитивной технике. Он говорил, что уже позже, чем нам кажется, и спешил приводить к Истине. Десятки людей приезжали, чтобы увидеть, а уезжали уве-

Иерусалим.
Литография XIX в.

ровавшими и даже крещеными. Я уже поскитался по Америке; и был разительный контраст между пресыщенностью, свободой для пороков и страстей — и отвержением всего этого, полной обращенностью к духу в ските... два полюса жизни. Умер он в сорок семь лет — через год после того, как мы виделись... Умер от слишком строгих постов, от тяжелой болезни желудка... оттого, что никогда не лечился по бедности монастыря, и привезли в больницу, когда было поздно...

Подъезжали к Хеврону, — на этот раз я не заметила дороги.

— А в моей жизни к тому времени как будто произошла кристаллизация насыщенного раствора, довольно быстрая... Совершился главный выбор... хотя надо было найти точку приложения выбора, — но это случилось как-то уже само по себе. После Платины мы с другом и Мусей еще поездили, посетили женский монастырь в Ка-

Долгий путь в Хеврон

наде, скит у Эдмонта, встречались с богословами. Сестра и друг вернулись в Сидней, а я провел еще две недели в Джорданвилле. Потом приехал туда снова, поступил в семинарию и ее окончил. В Джорданвилле и принял постриг...

Русский странноприимный дом

Минутой за три доехали в такси от автостанции до недостроенной стены, ограждающей русскую землю в арабской части Израиля, на пространстве древней Иудеи, прежде — земли Ханаанской.

Далеко по холмам и долинам раскинута панорама древнего города. Он лежит на высоте более тысячи метров над уровнем Средиземного моря, и в прозрачные дни с горы, на которой стоит храм, можно видеть синее мерцание воды у горизонта.

Храм огромен и похож на крепость с каменной кладкой, способной выдержать удары осадных орудий. Полукруглый выступ апсиды, прямоугольная башня-звонница... зубцы по верхнему краю стен, высоко вознесенный на мощном барабане купол с крестом.

— Как-то ночью арабы водрузили на башне свой флаг... — усмехается отец Иоанн. — Утром явились израильские полицейские — требовать, чтобы флаг немедленно убрали. Георгий говорит: «Мне восемьдесят лет, я не могу лезть на стену. Кто его поднял, пусть и снимает...» А кто его под-

Русский странноприимный дом

Русский дом у дуба Матвейевского. XIX в.

нял? Полицейские привели местных жителей, кто подвернулся, поставили к стенке, через час флага не было. Так и живем — между двумя стенами, под перекрестным огнем.

Идем вниз по склону мимо часовенки с синим куполом, мимо тонких дубков, поднимаемся по ступеням к дому. Отец Иоанн звонит и, не сразу, но отворяется обитая металлом дверь. Монах лет тридцати, темноглазый и темноволосый, приветствует нас, и вслед за ним мы входим в просторную комнату с высоким потолком и раскрытыми на балкон застекленными створками дверей и окон.

— Это афонский инок Николай... — представляет отец Иоанн. — Завтра он именинник.

Другой человек, постарше, со шрамом, переходящим со лба на щеку, невысокий и плотный, в пестром шерстяном свитере, протягивает руку:

— Евгений...

— Вы из России? — предполагаю я.

— Давно... — бодро улыбается он. — Мы все здесь давно из России.

Отец Иоанн спрашивает, где Георгий, но почему-то ему не отвечают.

Все вместе мы выходим на балкон. Дом стоит на склоне горы, он двухэтажный и по толще каменных стен, высоте и протяженности тоже напоминает крепость. Внизу — огромное пространство пустой земли, частично вспаханной, и у края ее полоса пожухших виноградников.

Так эту землю купил в 1868 году знаменитый архимандрит Антонин Капустин, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме... Тогда невозможно было приобрести участок в этих местах, издавна заселенных мусульманами, но и смириться с тем, что православным не было доступа к Мамврийскому дубу архимандрит Антонин не мог. Много лет вел тайные переговоры, собирал пожертвования русских богомольцев, — ни правительство, ни церковь не поддерживали его желания приобретать землю в Палестине. Наконец за три тысячи франков купил участок с дубом на имя своего верного сподвижника, православного араба, драгомана русского консульства Якова Халеби — в Хевроне он выдал себя за купца из Сирии. А потом миссия скупала соседние мелкие участки, и к концу прошлого века ей принадлежало здесь семьдесят гектаров.

— Сколько эта земля стоит теперь?

— Не могу и представить... — отвечает отец Иоанн. — Миллионы...

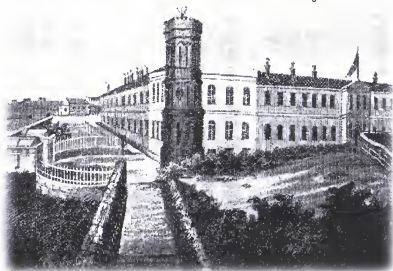
— Слава Богу, что не было на нее прав у советской власти... — усмехается Евгений. — А то Хру-

щев продал бы ее за апельсины, как русское подворье в Иерусалиме... И участок в центре Назарета подарили израильским коммунистам: подкармливали, чтобы они лучше плодились на Святой земле...

— Арабы узнали, что их Ибрагим продал землю в Хевроне православным, устроили бунт, — возвращается отец Иоанн к месту действия. — Ибрагима убили. Даже подожгли дуб — одна ветвь сгорела. Грозили сжечь дом. И пока он строился — шесть лет, пока обносили участок стеной высотой в четыре метра, много пришлось претерпеть. Ночью арабы растаскивали стены по камню, разворовывали все, что под руку попадалось — доски, цемент... впрочем, как и теперь. А дом этот открыли для паломников в 1874 году — ему теперь сто двадцать лет. Был здесь роскошный виноградник, фруктовые деревья, огород...

Новое русское подворье в Иерусалиме времен А. Капустина

Евгений оставил нас, а отец Иоанн продолжал с мягкой улыбкой:

— Когда я приехал сюда впервые, отец Игнатий встречал паломников с авраамовым гостеприимством. Сам ездил на базар, закупал продукты ящиками. Чего-то всегда не хватало, что-то портилось... Георгий при нем пономарил, звонил в колокол, убирал храм, готовил, как умел. Электричества не было, водопровода не было, воду, чтобы стирать и мыть посуду, грели на керосинке. В доме убирать не успевали: отец Игнатий всех сразу отправлял в церковь. А служили каждый день по полному монастырскому чину. Когда заканчивали, ни у кого сил не оставалось... К праздникам заранее приезжали сестры из Гефсимании, из Елеонского монастыря, готовили, убирали храм и дом. В нижнем этаже — огромные комнаты, на пол настилали солому и располагались на ночлег...

Он долго молчал, улыбка неприметно погасла, сменившись привычным выражением отъединенности, погруженности в себя. Я слушала его с благодарной наполненностью, и это было похоже на то, как ты поднимаешься в гору, а вокруг раскрывается светлая даль.

— А потом?..

— Отец Игнатий умер в восемьдесят шестом году, — вот уж я не думал раньше, что сам его сменяю... После рукоположения служил здесь три года... — Он говорил теперь как будто через силу, без прежней безоглядности, словно взвешивая слова на ладони и отбирая их. — Тут началось особое время, всего не расскажешь... В Хевроне сейчас триста тысяч жителей — все мусульмане. Если идешь по улице, и в тебя бросают камень — это в порядке вещей...

— В вас бросали камни? — у меня прервалось дыхание.

— Это обычное дело... — тихо отозвался он. — Потом стреляли... Несешь мешок с хлебом на неделю, вдруг мимо виска пролетит пуля... То ли стреляли мимо, то ли плохо прицелились...

— Но как вы служили? Они ведь всегда могли войти в храм?

— Храм всегда заперт...

— Вы служите в запертом храме? А как же прихожане?

— Какие прихожане... в городе нет ни одной православной семьи. И паломников почти нет — прежних русских остается все меньше, а «новые русские» занимаются тут другими делами...

Теперь по-иному я видела жесткий профиль моего собеседника, резкую складку у рта, его затрудненность в общении, которую я принимала за нелюдимость. Сопоставила какие-то даты — ему оказалось тридцать восемь лет, а выглядел он гораздо старше.

Но близок, должно быть, Господь к побиваемым за Него камнями...

Мы стояли, облокотившись на перила и глядя, как тусклый шар солнца погружался в знойное море. Красный закат подчеркивал контуры зданий, минареты, макушки холмов, проступал сквозь мглу и дымы, и внизу, у края нашей земли — сквозь ветви священного дуба.

Впервые упоминают об этой земле уже двенадцатая и тринадцатая главы книги Бытия.

И сказал Господь Аврааму: поиди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе;

*Русская церковь в Иерусалиме
времен Антонина Капустина*

и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя...

...И благословятся в тебе все племена земные.

И пошел Авраам, как сказал ему Господь.

А было Аврааму семьдесят пять лет, но он не сказал: «Поздно, Господи... куда мне идти на закате лет?»

И взял Авраам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую...

И пережив голод в Египте, разделившись с Лотом в окрестностях Иордана, по новому зову Божию двинул Авраам шатер, и пошел, и поселился у дубравы Мамвре, что в Хевроне; и создал там жертвенник Господу.

К этому началу Священной истории тысячелетиями обращены взоры избранного народа, святых отцов, богословов, апостолов: ...верю Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет.

Русский странноприимный дом

Спускаемся по склону, отец Иоанн отпирает навесной замок, открывает калитку, и мы входим за ограду.

Вот он — последний потомок дубравы Мамвре, древнейший на земле Палестины, а может быть, и на всем Востоке, патриарх дубов, воспетый в богослужебных текстах, в стихах и прозе, запечатленный на тысячах рисунков, гравюр, в иконах...

Вековые священные рощи, дававшие благословенную тень, были у многих восточных народов: в Мекке еще в прошлом веке увешивали трофеями старую смоковницу, на развалинах Вавилона почитали дерево на месте висячих садов, в Дамаске — платан, в Сирии — исполинские кедры. Наверное, в почитании их хранится память о Древе жизни, насажденном посреди рая, к которому утратило доступ падшее человечество. И, действительно, израильские арабы считают, что рай был в хевронских долинах, и здесь погребены Адам и Ева. Даже блаженный Иероним упоминает об этом, а толкователи Талмуда помещают гробницу Адама в той же пещере Махпела, где погребен Авраам.

Мамврийская дубрава простиралась далеко на северо-запад — с древнейших времен в ней была станция караванной дороги в Египет, и император Адриан продавал здесь египетским купцам пленных евреев по мере пшеницы за человека. Иосиф Флавий упоминает о Мамврийском дубе в шести стадиях от Хеврона.

В первые века дубрава была местом языческих празднеств. И историк Евсевий приводит послание императора Константина к епископу Макарию: «Мы знаем, что место у Мамврийского дуба,

где обитал Авраам, омрачено идолопоклонством, и для того я повелел... без отлагательства предать идолов огню и испровергнуть их алтари. А дабы впредь оградить это место от поругания, мы определили и повелели украсить его великим храмом. Всем известно, что там впервые Бог Вседержитель явился Аврааму и беседовал с ним; там возникло начало священного закона и соблюдение его...»

И еще в прошлом веке арабы показывали под сенью деревьев христианские развалины, — историки отождествляли их с руинами храма Константина.

А наш паломник XII века игумен Даниил с восторгом пишет: «Есть же дуб той святой у пути близ на правой руке, тамо идучи, стоит на горе красно вельми... И ту стоял шатер Авраамов близ

Дуб Матврейский

дуба того же, к востоку лиц. И есть же дуб той святой не вельми высок, но раскидист, и часты ветви имущ, и плоду много на нем есть; ветви же его близ земли приклонились. В толще же есть дву сажень, моею рукою измерих его, а вверх до ветви полуторы сажени есть. Дивно же и чудно, колико лет есть тому дубу святому и на висоцей горе не вредися, ни гнилости на нем нет, но стоит от Бога утвержден, яко теперь посажен...»

С тех пор дуб сильно разросся, и паломники прошлого века измеряли его восемью саженьями в обхвате, а по окружности листвы — ста двадцатью шагами.

Мы стоим под могучей, но уже единственной зеленой ветвью. И первое чувство прикосновения к священному растворяется тихой болью. Огромный наклонившийся ствол срезан поверху, топорщится сухими, корявыми, обожженными и обломившимися разветвлениями. Большие дупла залиты цементом, еще живая ветвь подпирается двумя рельсами, а понизу каменная кладка зажала старый ствол.

Под этими некогда раскидистыми ветвями наши «поклонники» по прибытии устраивали скромные трапезы. На старых картинках можно видеть и треугольный навес по сторонам ствола, под ним — икону Троицы. Богомолыцы собирали желуди и кусочки коры, срезали на память веточки, палки для посохов, а от исполина как будто ничего не убывало. И вот на восемьдесят лет оскудел поток паломников, и дерево стало сохнуть. Одинокая ветвь давно не дает прохлады в часы полуденного зноя, а странники предвещают, что когда она засохнет, кончится история

мира. Так и будет — если принять этот древний дуб, как зримый символ веры...

Мы обходим ствол по кругу, и я могу коснуться рукой и губами его старой отслаивающейся коры. Земля вокруг вскопана, усыпана ржавыми листьями. Хевронский дуб — не теревинф — палестинская разновидность каменного дуба. Листы его мелкие, узкие, обведены по краю колючими зубчиками, а жесткая глянцевая ткань листа испещрена черными точками. Стоит декабрь, но листья не опадают всю зиму, только зелень тускнеет и ярче подсвечивается желтизной. У края участка я собираю желуди, тоже непохожие на наши — в больших мохнатых и колючих шапочках, — но они от молодых потомков дуба, толпящихся у ограды.

Ограда из металлических прутьев, заостренных, как пики, продлена вверх сеткой из колючей проволоки, и еще печальней выглядит одинокий патриарх за решеткой...

И явился ему Господь у дубравы Мамвре, когда он сидел при входе в шатер свой во время зноя дневного.

Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер свой и поклонился до земли,

и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего;

и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом,

а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите в путь свой; так как вы идете мимо раба вашего.

Рабом Божиим называет себя Авраам, но арабы, в VII веке захватив город, переименовуют Хеврон —

в Эль-Халиль, град друга Божия. И этому призванному и верному Господь скажет:

...Утаю ли Я от Авраама, раба Моего, что хочу делать!

От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли,

ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним, творя правду и суд...

Почти столетнему Аврааму, поверившему Богу и принявшему волю Его, Господь обещает сына от состарившейся прекрасной Сарры, неисчислимое, как звезды, потомство и вечное духовное наследие в тех, кто пойдет по путям Господним.

...Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама.

И ему открывает Бог самое непостижимое Свое имя. Три мужа стоят перед Авраамом, но он обращается к ним словом «Владыка», — здесь, у Мамврийского дуба впервые явлена тайна Бога как Троицы Единосущной и Безначальной.

И дивные слова молитв из вечерни на Троицу, когда в церкви пахнет увядающей листвой берез и цветами, а народ преклоняет колени на охапки зеленой травы, прошли в моей памяти, и в ней растворились, как в воздухе свет закатный: «Благословен еси, Господи Владыко Вседержителю, просветивый день светом солнечным и ночь уяснивый зарями огненными, долготу дневную пройти нас сподобивый и приблизитися начаткам ночи. Остени нас святыми Твоими Ангелами... огради нас истиною Твоею...»

Перед литургией Троицы в мои тридцать пять лет надо мной повторили таинство Крещения. Всю жизнь я считала себя крещеной, и родилась в деревне, росла у верующей бабушки, и день именин совпадает со днем рождения, но вдруг однажды я ужаснулась, подумав, что никто не говорил мне о моем крещении, и уже некого спросить.

Тогда священник сказал, что есть такой чин, по которому совершается таинство заново с этой условной формулой: «если не крещена была». С той Троицы запечатлелись в сердце запах подсохшей травы в храме, эти молитвы коленопреклонения на вечерне, летучий жар от горящих при солнце свечей, разлитый благословенный свет. Его сияние, мерцание я узнавала потом в Троице Андрея Рублева — в образах трех Ангелов, сидящих под Мамврийским дубом в великом безмолвии и торжествующей красоте озаренного мира...

Отец Иоанн сразу пошел в храм — готовиться ко всенощной и литургии, убирать алтарь после долгого запустения. К ужину появился отец Георгий, единственный хранитель священной обители, маленький, со светлыми взлохмаченными волосами и покрасневшими глазами — в сильном

А. Рублев. Троица

подпитии. Говорят, запил он после смерти отца Игнатия, когда остался один на этом пустынном острове в окружении мусульман. После революции прекратился поток паломников из России, с начала интифады — и из других стран. Бедный монах плакал и просил, чтобы прислали священника, но после отца Иоанна никто не мог вынести образа жизни, который десятки лет претерпевал старевший вместе с дубом, надломившийся русский странник.

— Бывший власовец... — тихо сказал отец Иоанн, пока тот кружил по трапезной, входил и выходил. — Какая судьба... Сначала родина бросила его в окружении, потом Церковь оставила здесь одного...

— Он — священник?

— Нет, просто монах... — чин кающегося. Лет сорок уже монах, но сана не принимает. Говорит, свои бы грехи отмолить, куда уж чужие на себя взваливать.

Георгий говорил пустое за столом, и обижался, когда ему предлагали рыбную котлету и когда ее не предлагали, и вилка дрожала в руке, а в виноватой улыбке было сознание его непоправимой беды. Вскоре его отправили спать и с облегчением вернулись к чаю.

Закрыли сплошные металлические ставни, и сразу наступила ночь, разреженно освещенная лампочкой без абажура, и глухая тишина. Разрушая ее, спрашивали меня о Синае, потом о России.

Чувство неловкости часто возникает, когда эмигранты говорят о нашей жизни: вопросы скользят по поверхности, случайны, иногда нелепы, и ты понимаешь, что собеседник утратил

связь с какой-то невыразимой сущностью нашего бытия, — у него уже другая, своя боль. Но инок Николай еще все помнил. Когда я встречала его взгляд, кроткий, внимательный и печальный, мне казалось, что с детства был он очень ранимым, а в юности искал осмысления страданий избранного народа, утратившего суть своего избранничества. Отец его был русский, рано умер;

*Столб Авессалом. Место исцеления слепорожденного
в Иосафатовой долине. Литография 1842 г.*

мать — еврейка, увезла его в одиннадцать лет из страшной коммунальной квартиры в Америку — в семьдесят четвертом году. После школы он стал келейником у епископа, в двадцать четыре года уехал на Афон, и был пострижен в рясофор в русском Ильинском скиту. Но через шесть лет греки совершили разбойное нападение на своих православных братьев во Христе и захватили скит.

— Когда в 1992 году греки перешли на новый календарь, мы, как и многие другие монастыри на Афоне, перестали поминать за литургией Константинопольского патриарха. Нам угрожали, но мы не испугались, служили по старому стилю, как и Русская Церковь. Конечно, это внешний повод... Ильинский скит — старинный, с бесценными иконами и церковной утварью... да это только называется «скит», а по достоинству — монастырь... Греки давно хотели прибрать его к рукам, как двадцать лет назад богатый русский Андреевский скит... И тут вдруг без каких бы то ни было прав, без суда потребовали, чтобы мы выехали в течение двух месяцев. Ну, календарные споры — спорами, но не основание для грабежа... Никто не предполагал, что они затеяли. Прошел год. Однажды прибыли на Святую гору два греческих митрополита как бы на совещание — на нем даже вопроса о нас не поднимали. И вдруг, бесшумно и безгласно, как тати в ночи, — чтобы мы не стали обороняться, они появились в скиту с отрядом полиции и представителем губернатора Афона.

— А вы стали бы обороняться?

— Во всяком случае, заперли бы ворота: пришлося бы им брать нас штурмом. Нас было всего

четверо. Архимандрит Серафим в бессильном гневе назвал этих экзархов иудами и даже коммунистами: они загнали монахов в кельи, дали час на сборы личных вещей... с полицией вывели, силой затолкали в машины, потом на пароход — и выпроводили с Афона.

— Но неужели нет никакой управы?

— В том-то и беда... У Русской Зарубежной Церкви — ни власти, ни государственной поддержки... Мы подали апелляцию в греческий же суд... его уже почти год откладывают и могут откладывать еще пять лет. А скит уже предан на разграбление другим монастырям. Говорят, в первые же дни взломали сейф с драгоценными митрами, начали растаскивать старинное шитое золотом облачение...

— А если бы скит принадлежал Московскому патриархату, греки не решились бы на такое?

— Да уж конечно...

Нет мира ни вовне, ни внутри стана верующих в единого Христа, уже не только христианская, но и православная Церковь дробится на все более мелкие осколки. Вот еще через один монастырь, еще через одну судьбу прошел разлом русской Церкви, теперь уже ничем не оправданный. Сами того не желая, мы упирались в эту тему, как всегда и случалось...

— Как вы думаете, отец Николай, не вечно же будет длиться этот наш раскол? Ведь у нас нет догматических расхождений...

— Догматических нет...

— А что есть... кроме застарелой вражды и архиерейских амбиций?

Деликатней было бы обходить эту тему дальней стороной, чтобы не рассориться, не оби-

даться и не обидеть, не испортить праздник. Но тогда в совместном праздновании осталась бы неправда, нельзя было и приезжать, если не иметь надежды, что мы сможем славить Бога единым сердцем.

— Политика — не основание для раскола. Да уже и коммунистический Гулаг распался... — продолжала я.

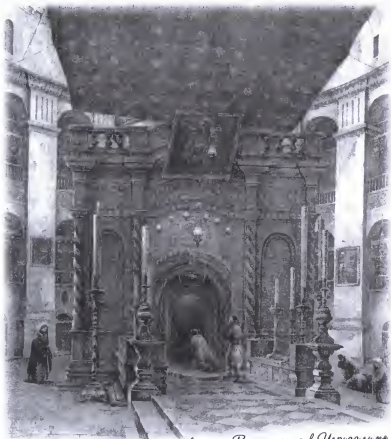
— Это еще увидим... Хотелось бы, чтобы распался. Зато церковная верхушка осталась прежней... Наши архиереи говорят: мы не хотим причащаться из одной Чаши с КГБ... — Он поднял глаза, и в его голосе появились металлические нотки.

— Вы будто не понимаете, что к Чаше приходят не комитеты и партии, а люди — всегда грешные. Христос разбойника кающегося ввел в рай...

— Кающегося! вот речь и идет о покаянии...

— Да не перед вашим же митрополитом должны каяться наши архиереи... Разве он вправе вершить Страшный Суд? Исповедь — Таинство, она совершается в глубине души перед Богом... А у вас устраивают публичное позорище, принимая «через покаяние» наших священников... Я встретила такого в Сан-Франциско, он рукоположился и уехал в Америку, — ваши архиереи перед его покаянием даже не сказали, что запрещают евхаристическое общение с нами... что он отрекается от русского народа... — Я волновалась, решаясь однажды все выговорить. — Вы читали послание вашего митрополита к нашей церкви? Что он там пишет... ведь семинаристы в недоумение приходят: что все наше духовенство безблагодатно, только отдельным «добросовестным»

священникам он оставляет право на благодать... Как это понимать? Дети в воскресных школах теперь знают, что таинство совершает не священник, достойный или недостойный, а Сам Иисус Христос через священника... потому оно и таинство, а не человеческое действо, не обряд. Святитель Иоанн Златоуст пишет: кто бы ни совершал евхаристию, Петр или Иоанн, здесь священно-

Вход в часовню Гроба Господня в храме Воскресения в Иерусалиме

действует Сам Господь, который вчера и днесь и во веки Тот же... Разве у вас это забыли? Или я чего-нибудь не могу понять?

— Не знаю... Я этого послания не читал... — отмежевался отец Николай. — А вот когда советская власть признала Израиль, и начали раздел церковного имущества, из Русской Духовной миссии выбросили старенького священника... Как вы думаете, он это забудет?

— Да-да, не простит до конца жизни... — это и есть христианство? Один здешний священник — он через несколько лагерей прошел и чудом выжил, я к нему с благоговением подошла, — мне сказал: «В России никого не осталось — все разложились...»

— Ну, это не многие могут так сказать... — смягчился отец Николай. — Просто боль еще не изжита — сколько людей все потеряли и погибли в чужих землях...

— А мой дед — дьякон — умер от голода и тифа в Поволжье в двадцатые годы... в холодной пристройке при закрытой церкви. Жену его с детьми выгнали на улицу... А когда она умерла, отец — мой будущий отец — стал беспризорником... И потом всю жизнь его унижали за классово-чуждое происхождение. Он растерял все, что связывало его с церковью. И я не получила веры в наследство. И если у эмигрантов отняли родину, у тех, кто остался — и родину, и Бога, и жизнь... А теперь «белые» архиереи обличают «красную церковь»... Она, действительно, красная — от крови наших мучеников.

— Это наши мученики... — мягко сказал отец Николай.

— А наши — палачи? — возмутилась я до нервной дрожи. — Ваши архиереи, прожившие всю жизнь в Америке, теперь примеривают терновый венец? А у нас тоже говорят: где они были, когда на Соловках и в Сибири погибали миллионы православных, священников и монахов?

— Они уходили из России, спасая Церковь!..

— Вот-вот, то же самое говорят те, кто шли на компромиссы с советской властью... Не люди спасают Церковь, а Церковь — людей... — не могла уже остановиться я. — У нескольких поколений вытоптали в душах все священное... и сейчас смешивать с грязью нашу все претерпевшую Церковь — это, по-вашему, Божие дело? Вы видели хоть одного из наших старцев? Они ведь и лагеря прошли, и войну, и тысячи погибающих душ вынесли и продолжают нести на своих плечах из нашего ада... Неужели ваши архиереи вправе им выносить приговор?

— Старцев, к сожалению, не успел увидеть... мне было десять лет.

— А я видела и потому верю... И вы поезжайте и посмотрите... Вы совсем не знаете нашу подлинную, не показную жизнь.

Из этого разговора не было исхода, — линия раскола продолжалась в наших судьбах.

— Но вот махровый антисемитизм среди православных в России опять расцветает... — со сдавленной болью бросил отец Николай. — Это постыдно — отождествиться с теми, кто сжигал евреев в газовых печах... это позор Церкви. Или это те же граждане в штатском, которые всю страну залили кровью, теперь встают под церковные хоругви? Опять не они виноваты, а незри-

Гора Голгофа

мые масоны и безродные космополиты? Шовинизм — это привилегия хамов. Свастика и церковные хоругви над одной толпой — позор и ужас...

— На это тоже не многие способны... или это делается, чтобы скомпрометировать церковь...

— А кто убил отца Александра Меня? — включается Евгений, до сих пор молча слушавший, переводя взгляд с одного из нас на другого. — Это, конечно, до сих пор не выяснили? Как они не могли выяснить, куда исчезали миллионы людей и почему они в лагерях умирали...

— Ясно только, что Господь удостоил его мученической кончины...

— Ваша Церковь теперь тоже новых мучеников поминает? — подчеркнул Евгений «теперь».

— Теперь — явно, раньше поминала тайно... А у вас это не праздная ревность? — обратилась я лично к нему. — Или вы ее тоже мученичеством заслужили?

Потом полоса отчуждения разрослась, и мы перестали смотреть в глаза друг другу, слова падали в пустоту. В тягостной напряженности попробовали заговорить о другом, но ничего не вышло, фальшью повеяло и тоской. Господи, что это меня опять занесло? От недостатка смирения, от веры, что можно что-нибудь изменить? Стоило так долго сюда добираться, чтобы испортить себе и другим праздник...

— И все-таки у меня с трудом поворачивается язык, когда я говорю «ваша» и «наша»... Я так не чувствую и не хочу к этому привыкать, некстати выговорила я посреди уже ненужного разговора. — Как будто дуб Мамврийский раскололи... раскололи, подожгли, а теперь подпиливают с двух сторон и обламывают ветви.

— Вас мы не воспринимаем, как человека из другого лагеря, — с еле приметной улыбкой поднялся отец Николай.

— Спасибо, утешили... — не смогла в ответ улыбнуться я.

— А теперь «время сотворити Господеви...» Одевайтесь теплее, в храме холодно.

— Вы не хотели бы рукоположиться и остаться здесь? — осенила меня счастливая мысль.

— Не знаю, — покачал он головой, — не знаю... Пока я чувствую себя здесь изгнанником... Здесь тоже?..

Изгнанники, скитальцы и поэты, —

Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...

У птиц — гнездо, у зверя — темный лог,
А посох — нам, и нищенства заветы...

Да и кто до конца уравновесился в нашем раз-
битом вдребезги и все еще раскалывающемся
мире? И где наш общий странноприимный дом?

Всенощная и литургия в Хевронском храме

Темная темень лежит окрест, жутковато пробираться в ней по редким кругам света от фонарей на плитах дорожки, поднимающейся к черной громаде храма.

Дверь чуть приотворена, но, навалившись плечом, я едва в силах сдвинуть ее окованную тяжесть, чтобы войти, хотя для арабов это не представляло бы затруднений.

Всенощная начнется в одиннадцать, еще есть время посмотреть храм изнутри. Светится только левый придел, и красные огоньки лампад перед иконостасом не совсем поглощены сумраком. Но в полутьме огромное пространство под незримыми сводами кажется необъятным. Было ли оно когда-нибудь заполнено? Должно быть, нет — оно призвано вмещать тысячи, а караваны в лучшие времена соединяли только десятки богомольцев.

Собирались человек двадцать с посохами и холщовыми дорожными мешками, после обеда выходили из Иерусалима через Яффские ворота и шли по шоссе в Вифлеем. Потому и дорогу до

Всенощная и литургия в Хевронском храме

Хеврона измеряли двумя днями ходьбы, реже — тридцатью шестью верстами; еще реже — шестью часами езды в экипаже, за который надо было платить от 7 рублей 50 копеек до 11 рублей. Можно было доехать и верхом — на лошади за полтора-два рубля и даже на ослике за рубль-полтора в день. Но обычно шли, отдыхая в греческом монастыре пророка Илии.

Часто, на полчаса уклонившись на запад от прямого пути, заходили в зеленую Бет-Джалу, заселенную православными арабами, с двухэтажными домами русской школы — для двухсот православных девочек — и женской учительской семинарии, с амбулаторией и хозяйственными постройками, с прекрасным видом с террас на палестинские долины. Первый участок приобрел здесь тот же собиратель русских земель архи-

Иордан

мандрит Антонин Капустин, школа созидалась благочестивыми паломницами при содействии императрицы Марии Александровны, позже — Палестинского общества.

Ночевали в гостинице Вифлеемской обители, поклонялись звезде на месте Рождества и яслям, и в Вертепе звучали рождественские тропари и паломнические песнопения. Молились у заутрени в базилике Рождества, причащались на литургии, в пещерке. Потом, получив благословение наместника патриарха — Вифлеемского митрополита — и напившись чаю с запасенными на дальнюю дорогу черными сухарями, выступали в путь. Шли к остаткам Соломоновых прудов, к источнику апостола Филиппа, у которого он крестил вельможу эфиопской царицы, по горной тропе к селению Бет-Захар с развалинами древнего монастыря и участком, тоже принадлежавшим Духовной миссии, с большим виноградником и садами.

Кто потом предал и продал все эти земли? — уже некому ответить. Путеводители по святым местам Востока, издаваемые Православным Палестинским обществом в начале века и сохранившие эти подробности, завершают самый дальний к югу переход «поклонников» в приюте архимандрита Антонина. Здесь ждал их кипящий самовар, ложе и кров «за вознаграждение по произволению каждого». Если в караване было духовное лицо, на рассвете с благословения начальника миссии служили утрению и литургию у священного дуба. Если же духовного лица в караване не случалось, помолившись и пропев тропарь Святой Троицы, паломники отдыхали в винограднике, поднимались на гору, называв-

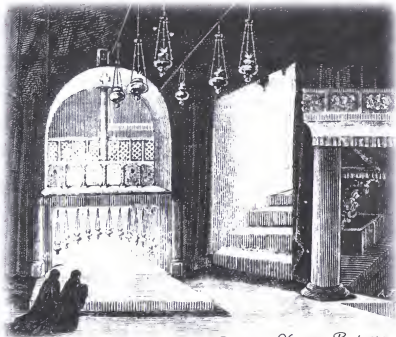

шуюся у арабов горой Теревинфа, чтобы запечатлеть в памяти окрестности Хеврона. Некоторые направлялись в город — хоть издали взглянуть на древнее здание, скрывающее могилы святых праотцев: веками вход в него был запрещен православным под угрозой смерти. Отдохнув, паломники пешком возвращались в Иерусалим или оставались строить храм на темени горы.

Строительство начали в 1906 году уже при другом начальнике Духовной миссии, архимандрите Леониде, — прерванное Первой мировой войной, оно закончилось лишь в 1925 году. И в последние лет пятнадцать на постройке охотно работали жители Хеврона, возводили стены и купола, отделявали храм изнутри и даже вырезали, где нужно, знаки креста. Храм во имя Праотцев с двумя приделами — Пресвятой Троицы и особо чтимого на Руси святителя Николая — освятил иерусалимский патриарх Дамиан. С тех пор начальник Русской миссии совершал здесь торжественное богослужение на Троицу. На третий день праздника служили у дуба, и паломникам ставили на стол кувшинами прозрачное янтарное вино из своего виноградника. Несколько монахов постоянно жили на участке, охраняя его, совершая богослужение, принимая странников.

Потом сокрушила, сожгла Россию, как тысячелетний дуб, катастрофа семнадцатого года, обломив и ветви, протянутые к Святой земле.

Долго с тех пор в гулком пустом хевронском храме звучали лишь песнопения чудом занесенных сюда из рассеяния отдельных наших соотечественников и их потомков, смешанные с французской, английской, немецкой речью. Да с груп-

Место Рождения Христа. Вифлеем

пами по тридцать-сорок русских паломников из Франции, Швейцарии, Бельгии, Англии приезжал в 50-х годах епископ Мефодий, настоятель русского прихода в Аньере под Парижем, подвластного Константинопольской патриархии: вместе с сестрами православного монастыря в Бюсси они собирали по Европе до миллиона франков в год пожертвований для обездоленных монастырей Святой земли.

Тускло мерцают розоватый мрамор алтарной преграды и позолота иконостаса. Из тьмы выступают родные лики святых в образах прошлого века на стенах и аналоях. Благословите нас, свя-

титель Николай, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, как хорошо встретиться с вами за тысячи верст от своей земли...

Черная тень бесшумно приблизилась из дали центральной части храма, и я невольно отступила к стене. Но это отец Николай. Он поднимается на высокий левый клирос, зажигает настольную лампу, и в конусе света раскрывает богослужебные книги. Дадут ли мне почитать хоть одну кафизму?.. Совсем по-разному воспринимаешь службу, если читаешь сам и если стоишь в стороне и слушаешь не всегда внятные с чужого голоса слова: то мешают дефекты дикции, то аффектированная или равнодушная интонация, плохая акустика, то ошибки чтеца и парение собственных несвязанных мыслей. А себя не слышишь со стороны, и те же слова заново рождаются в сердце, а от избытка сердца глаголют уста...

Евгений жестом приглашает меня за сквозной — из медных столбиков с медным ободком перил — барьер клироса. Больше нет ни души. Георгия поднять не смогли. И монахини ни из Гефсиманского, ни из Елеонского монастыря так и не приехали, а ночью, конечно, уж не приедут.

Отец Николай облачил меня в свою длинную меховую безрукавку, обшитую сверху сукном, сам завернулся в рясу.

— Если нужно почитать, благословите... — тихо говорю я ему.

Он быстро взглянув, неопределенно кивает. Я не жалею о нашем разговоре, хотя и не знаю, что правильной перед Богом — вместе преодолевать это семидесятилетнее тяжкое наследие, или ждать, пока оно само иссякнет со сменой людей, соста-

рившихся и закосневших во вражде? И вправе ли я причаститься этой ночью за литургией?

Но пока тишина затемненного пространства насыщается ожиданием Великой вечерни... Вот отверзаются царские врата, и отец Иоанн совершает каждение алтаря.

— Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков... — возносится под своды первый священнический возглас.

С клироса монах отвечает протяжным:

— А-а-а-минь...

И, — нечаянная радость, — знаменным распевом начинает негромко:

— Благослови, душе моя, Господа. Благословен еси, Господи... Одейся светом, яко ризою... полагаяй облаки на восхождение Свое.

Голос наполняет высокое пространство чистотой и искренностью одинокой молитвы. А в это время священник в тайных молитвах повторяет те же слова, какие произносит вслух на вечерне Троицы, преклонив колени в царских вратах, со свечой и полевыми цветами в руке:

— Боже Великий и Вышний, Едине имеяй бессмертие, во свете живой неприступнем, всю

Церковь Благовещенная

тварь премудростию создавый, деливый между светом и между тьмою и солнце положивый во область дне, луну же и звезды во область ноци, сподобивый нас, грешных, и в настоящий день предварити Лице Твое во исповедании и вечернее Тебе славословие принести. Сам, Человеколюбче Господи, исправи молитву нашу, яко кадило пред Тобою...

И после ектений, после входа с кадилом, на мерном нарастании славословия, разливается, как тихая вечерняя заря по краю неба:

— Свете Тихий святых славы Бессмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, — Бога...

Много ли во всей мировой поэзии слов, которые можно поставить рядом с этим дошедшим от ранних веков песнопением, с этой священной глубиной молитвы, примиренности, благодарения и любви...

После литии, когда иеромонах обошел с кадилом по кругу столик с освященными белыми хлебцами, пшеницей, вином и елеем, отец Николай извлек тяжелую книгу с красными буквицами и пожелтевшими страницами в каплях воска, раскрыл ее на шестопсалмии и кивнул мне.

Боже, Боже мой, к Тебе утреплю... Тебя жаждет душа моя, но Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной...

Сколько нас было, за семьдесят лет жизни этого храма, русских людей, взывавших здесь к Тебе с опустошенной земли, жаждущих, как

дождя, Твоей благодати... Откуда пришли те, кто стоял здесь раньше, и где упокоен их прах? И разве не стал, пусть на короткое время, сам этот храм, как и любой храм, — с его престолом и сводами, с присутствующими в нем Иисусом Христом, праотцами, со святителем Николаем и русскими святыми, с теми людьми, которые молятся рядом, — обетованным нам на земле отчим домом? Нет у него земных границ, и круги времени расходятся от одной светящейся сердцевины и соединяются в глубоком сердце человека. Это сердце уже знает, что во все времена мир живет одною и той же реальностью — приближением к Богу, предстоянием Ему, общением с Ним, и умирает — удалением от Него... А все остальное только подробности, бесконечная игра красок, образов, звуков, чувств, состояний, отсветов и отражений — смена листвы на Древе жизни, вечно зацветающий и увядающий покров вселенной над ее священной глубиной...

И в этом обретенном отечестве *кто отлучит нас от любви Божией?.. Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина...*

Потом по такой же старинной большой книге с заставками, праздничными буквицами и виньетками я читала кафизмы при огарке свечи, выплавляющем из тьмы только начало страницы или ее конец, два-три стиха. Монах и Евгений сидели, прикрыв глаза, отец Иоанн бесшумно присутствовал в алтаре, но слова псалмов не пропадали в пустоте, поток молитвы захватил нас и нес к великому «общему делу» — тайнодействию литургии.

Пещера с источником
Пресвятой
Девы
Марии

Всенощная и литургия в Хевронском храме

Последним псалмам второй кафизмы: *Господь посетит мя и ничтоже мя лишит и Господня земля и исполнение ея* — предстояло скоро повториться в начале молитв перед причащением. И высоко звучало на полиесее «Алли-лу-у-и-йя...» — песнь предстояния и хвалы.

Закончилась утренняя, отец Иоанн вышел к аналою с крестом и Евангелием. Пока я читала вслух молитвы перед Причастием, долго исповедовался отец Николай, потом Евгений склонил голову под епитрахиль. И произносятся слова «...и сподоби мя не-

осужденно причаститься Божественных, и преславных, и пречистых, и животворящих Твоих Тайн не в тяжесть, ни в муку, ни в приложение грехов, но во очищение, и освящение, и обручение будущей жизни и царствия...», я с высоким напряжением, со всей силой веры ждала, что все случится как бы помимо нашей воли, само собой, что вопрос, — превосходящий мои права в церкви и права служащего священника, — разрешится по благословению празднуемого великого святого. Неужели монахи из Зарубежной церкви не причастятся в Дивееве у преподобного Серафима, а наши — у праха Авраама? Нет такой власти, которая вечно может длить это насилие над нашей духовной природой...

Совершив знамение креста над головой Евгения, отец Иоанн вопросительно взглянул в мою сторону. Мой голос прервался на конце молитвы... Отец Николай взял молитвенник из моих рук... и я тихо пошла к аналою. Священник со вздохом облегчения накрыл мою голову епитрахилью... И в этом нашем невольном встречном движении была такая же безусловная подлинность, как в знаменных распевах и словах литургических молитв.

Когда совершилась Вечная Жертва и все, что должно было исполниться в эту ночь, и еще затемно, на раннем свечении востока мы вчетвером возвращались в русский странноприимный дом, краем памяти прошли слова Спасителя:

Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство.

Вернулись прямо к праздничному столу: отец Николай успел накрыть его до ухода в церковь,

только вместо кувшинов с хевронским вином стол украшали пять баночек немецкого пива. Пятый стул пустовал — монаху Георгию еще предстояло горькое пробуждение. Поставили на середину стола миску с салатом, разогрели рыбные котлеты, приготовленные гефсиманскими матушками и доставленные нами в большой кастрюле. Совершили общую молитву и вместе пропели тропарь святителю...

Отца Иоанна до пострига звали Николаем, его тоже сочли именинником. И хорошо было нам, все исполнившим вместе, сидеть теперь в блаженной усталости и разговаривать о том, о сем...

Евгений рассказывал каким давним бедствием был сторож-бедуин:

— Получает двести пятьдесят долларов в месяц и еще дань берет с наших паломников за то, что ограду у дуба открывает. Коз своих пасет в нашем винограднике... А от него самого и надо все сторожить.

— Разве нельзя его прогнать?

— Как же, прогонишь его... а он дуб подожжет, арабов опять против нас восстановит. Сейчас он как бы посредник... Георгий как-то идет к складу, а навстречу сторож, несет в охапке лопаты и шланг. Увидел Георгия издали, попятился... потом бросил все на землю: «Вот,— говорит,— у воров отнял...» А если отнял, то почему не в кладовку, а из нее тащит?

Я замечаю ржавые подтеки по набухшему беленому потолку, и мне рассказывают, что этой зимой навалило много снега, отцу Георгию не по силам было сбрасывать его с крыши, снег подтаивал, потолок отсырел и протек. Дом огромный,

Царские гробницы в Иудее

запущенный, наверно, все сто двадцать лет без ремонта. Земля вспахана на малую часть, ограда разрушена...

— Не знаешь, чего ждать... — смеется Евгений. — Один сосед не поленился сделать пролом в нашей стене рядом со своим домом и стал сваливать на церковную землю мусор. Ну, я тоже не поленился, взял лопату и перекидал все его добро обратно через дыру.

— А дыра осталась?

— Дыра осталась...

— Так он снова к вам перекидает...

— А я в полицию пойду... — не очень уверенно грозит Евгений.

Давно ли он здесь? Кто он такой, чем занимается? Не собирается ли здесь поселиться? Всего не спросишь, хочется просто посидеть в покое, попить чаю с арабскими сладостями из теста, изюма и меда, истекающими соком. Горячий чай хорошо пошел, впрочем, как и холодное пиво.

— Расскажи, как на тебя нападали, — посмеиваясь, обращается Евгений к отцу Николаю.

— Ну, это что... обыкновенно. Вошли вечером двое... Сначала что-то спрашивают, озираются. Потом один на меня кинулся, другой — в комнаты, что-нибудь успеть украсть. У меня под рукой ведро железное оказалось... — тоже засмеялся отец Николай, — я стал им обороняться и как будто звать на помощь. Чего они испугались, до сих пор не понимаю... В доме никого не было, да и вокруг — кричи не кричи, ни до чего не докричишься...

Как говорится, «все это было бы смешно...» И тут в дверном проеме появился отец Георгий, маленький, в помятом подряснике, с дрожащим от обиды лицом. Евгений стал оправдываться, что не смог его поднять, — может, и не хотел, чтобы не нарушить благолепия службы его нетрезвым непроспавшимся видом? — а тот только молчал и смотрел, и такое непоправимое горе было в выражении его опухших глаз, что всем стало не по себе. Следующая служба в храме будет, наверное, на Троицу, доживет ли он до нее? Его звали за стол, но он так ничего и не произнес в ответ, только смотрел, а потом отвернулся и ушел.

— Испытание... — произнес отец Иоанн все объясняющее в церковном обиходе слово. — Ты правда его будил?

— Будил! Даже два раза будил... Он сказал: «Сейчас иду»...

— И пять уснул... Перед литургией надо было еще попытаться. Ну, что теперь поделаешь...

Отец Николай положил в большую тарелку салат и котлеты, поставил на поднос пиво.

— Чай тоже ему отнеси... — подсказал Евгений. — Горячий еще чай?

— Ладно, панихиду по отцу Игнатию будем служить, Георгий помолится... — виновато проговорил отец Николай. — Видели часовню на пригорке? Это Георгий деньги собрал, кажется, тысяч двадцать долларов, построил в память отца Игнатия... Там он и похоронен. А рядом — пустая могила под такой же каменной плитой — Георгий для себя приготовил...

— Наверно, и не было у него никого на земле... пока сюда не прибился. — Евгений прочувствовал свою вину, впал в минутную грусть.

«Дубовый листок оторвался от ветки родимой...» — в тон отозвалось во мне.

Должно быть, любовь, которую все мы чувствовали в это время к отцу Георгию, прошла сквозь толщу стен, — через полчаса он вернулся. Со слабой улыбкой махнул рукой:

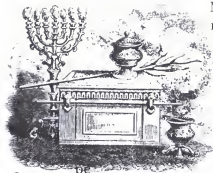
— Простите меня, грешного... Чего уж... сам виноват...

Его усадили за стол, и отлегло у всех от души, так хорошо стало, славно...

Служили панихиду в часовне с синим куполком, при раскрытой двери. Отец Георгий в старенькой рясе стоял у своей могильной плиты, взмахивал кадилом, крестился дрожащей рукой. По лицу его лились слезы, он не замечал и не вытирал их.

— Сам Един еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека, земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде поидем... — пел отец Иоанн, — надгробное рыдание творяще песнь «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа...»

Жертовник

Молодые дубки стояли вокруг часовни, потомки патриарха, празднично желтея на чистом небесном фоне, как большие свечи, и тоже участвуя в претворении надгробного рыдания — в вечное аллилуиа, возносимое к Богу твоением...

Еще раз, при свете дня, я обошла храм — самую южную в Израиле твердыню православия, посмотрела на вознесенный крест — единственный над сухой землей до Средиземного моря на западе и Мертвого моря на востоке.

Через этот холм и пошли на восток от Мамврийской дубравы два Ангела, чтобы испепелить города, предавшиеся нечестию и порокам.

И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма;

сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, узнаю.

Но Авраам еще стоял пред лицом Господа и спрашивал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? И умолял пощадить города ради десяти праведников, если они найдутся... Но и десяти не нашлось... ранним утром вернулся Авраам на гору и увидел, что только дым поднимается с земли, как дым из печи... Исполнилась мера беззаконий развращенного народа, и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и испроверг города сих, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли.

Затем и повторяется в одной строке *пропал Господь... от Господа с неба*, чтобы утвердить, что ложными будут поздние объяснения ревнителей естественного происхождения событий сверхъестественных: Содом не просто провалился под землю после вулканического извержения и залит мертвыми водами моря, — но Словом уже совершен над ним Страшный Суд. А сера и огонь, молнии, потопы, *голоды, моры и землетрясения по местам* — только зримые предвестия Суда и средства к его исполнению.

Сколько осталось праведников — в России? в мире? — теперь, когда сердце человека *надмилось и ожесточилось до дерзости... уподобилось звериному, и он не желает знать, что над царством человеческим владычествует Всевышний Бог*. Разве не исчислил Бог это царство, и меру его, и каждый из нас не взвешен на весах? Кто вправе надеяться, что он не найден *очень легким?*..

Но пока *нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день Суда*, хотя уже позже, чем нам кажется, это и означает, что молитвы тех, кто ходатайствуют за мир в вере и предстоянии Богу, — от Авраама и святых всех времен, до Спасителя и Его Пречистой Матери — сильнее грехов, вопиющих к Нему пролитой и всегда проливаемой кровью Авеля...

И в этих молитвах — наше высшее упование, как бы ни был страшен мир в своем надмении богоотвержения и унижении распада.

Из-за слома ограды появился Евгений: отго-
вев, он уже сбегал за сигаретами и теперь курил,
не стесняясь. Сказал, что в городе утром была
стрельба.

Пещера Махпела

— Но мы пойдем в пещеру Махпела?

— Не знаю, как отцы... А на нашей земле вы видели древние пещеры?

Я не видела, и мы вместе вышли за ограду. Два прямоугольных отверстия зияли в склоне холма совсем рядом с проломом.

— Зайдите... — кивнул Евгений в их сторону. — Я пока покурю.

Согнувшись, прошла я под толщей свода над входом, постояла, привыкая к полутьме. Центральная просторная часть пещеры была завалена кучами камня. А в каждой из трех стен, — кроме той, где в проеме сиял дневной свет, — было выкопано по глубокой нише, заканчивающейся поперечным ложем. На ложе ставили каменный саркофаг с телом умершего, часто прикрывая саркофагом нишу с драгоценностями и золотом, погребаемым вместе с покойником, если он был царского или знатного рода. По этой причине все древнейшие гробницы были впоследствии разрыты и разорены во время нашествий как мусульман, так и римлян. По свидетельству Иосифа

Флавия, даже Ирод умножил список своих нечестивых деяний тем, что расхитил царские гробницы, хотя для умиловления Бога и соорудил потом у входа в них мраморный монумент.

Входное отверстие погребальных пещер закладывали камнем почти такой же величины, как оно само. Выкапывались они на краю владений как фамильные склепы, в саду. Очевидно, и этот северный склон горы с некрополем когда-то был естественной границей большого виноградника. В прошлом веке здесь сохранялись остатки древних высеченных в скале давлений, твердые стенки которых не нуждались в цементе. Размеры же их заставляли предполагать, что владелец земли мог быть влиятельным князем, а усыпальницы — местом погребения членов его семьи.

Посидели еще все вместе в зале с открытыми на балкон окнами.

Инок Николай, с которым нам предстояло сейчас навсегда попрощаться, разложил на столе альбомы и фотографии Афона, с тихой улыбкой, доверчиво и примиренно рассказывал о том, что Афон — хорошее место для монаха, и ему часто снится Ильинский скит...

И я долго смотрела на несокрушимые, проросшие из скал твердыни монастырских корпусов, купола скитов на фоне клубящейся в долинах зелени, похожей на священные рощи, на стены храмов, выкрашенные в темно-красный цвет крови мучеников, на кипарисы, башни, мосты, ограды, изрезанный бухтами берег моря, омывающего синевой монашескую республику, неотмирное царство, в которое мне не суждено попасть никогда, а инок Николай надеется вернуться.

Гробница Авраама

Умерла Сарра в Кириаф-Арбе, который в долине, что ныне Хеврон, в земле Ханаанской. И пришел Авраам рыдать по Сарре и оплакивать ее...

Авраам поклонился пред народом земли той и говорил Ефрону вслух всего народа земли той и сказал: если послушаешь, я даю тебе за поле серебро; возьми у меня, и я похороню там умершую мою.

Ефрон отвечал Аврааму и сказал ему:

господин мой! послушай меня: земля стоит четыреста сиклей серебра; для меня и для тебя что это? похороны умершую твою.

Авраам выслушал Ефрона; и отвесил Авраам Ефрону серебра, сколько он объявил вслух сынов Хетовых, четыреста сиклей серебра, какое ходит у купцов.

И стало поле Ефроново, которое при Махпеле, против Мамвре, поле и пещера, которая на нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг,

владением Авраамовым пред очами сынов Хета, всех входящих во врата города его.

После сего Авраам похоронил Сарру, жену свою, в пещере поля в Махпеле, против Мамвре, что ныне Хеврон, в земле Ханаанской.

Т. Дорé. Авраам хоронит Сарру

Над восточным краем площади, над зеленью газона с отцветшими кустами роз высится гигантское прямоугольное укрепление — самый священный и совершенный памятник древней Палестины — хевронский харам¹. Я узнаю его по фотографиям, но его размеры и подлинный вид превышают все, что можно вообразить. Это первое впечатление — мощи и строгой красоты здания — нарастает по мере того, как мы к нему медленно приближаемся.

Высокая крепостная стена времен крестоносцев под прямым углом примыкает к хараму, но достигает только входа в него над тремя пролетами лестницы. Сама же золотистая плоскость стены харама протяженностью в шестьдесят метров и высотой около двадцати, — на тысячелетия более древняя, чем стена крестоносцев, — поднимается над ней как недавно заверченный монумент над руинами.

Гладкая у основания, стена выложена из тесаных глыб длиной до пяти-семи метров каждая, размещенных одна на другой без цемента и свободным рисунком. Но верхняя часть стены — над опоясывающим уступом — из столь же тщательно обтесанных глыб, чуть меньших размеров, — расчленена шестнадцатью пилястрами, подчеркнутыми линиями теней. Более поздний минарет над входом, крепостные полукруглые зубцы по верхнему краю стены и этот четкий светотеневой ритм ее членения — все лаконично и просто, но из чего же складывается впечатление такой торжественной и строгой мощи?

¹ Харам — от арабского «запретный» — священное для христиан, иудеев и мусульман здание над пещерой Махпела, место погребения Праотцев.

По широкой каменной лестнице мы с отцом Иоанном и Евгением поднимаемся ко входу. В течение семи веков арабского владычества мы вправе были бы подняться только до седьмой ступени: завоевав Святую землю, мусульмане запретили вход в Махпелу как иудеям, так и христианам под угрозой смерти. И к середине прошлого века единственным христианином, вошедшим в святилище, стал принц Уэльский.

Переступаем порог — словно выходим за измерения времени. Галерея из тяжелых колонн, соединенных арочными сводами, обрамляет внутренний мощный двор.

Пройдя между колоннами, останавливаемся перед узорной двустворчатой кованой дверью часовни. Посередине ее возвышается устланное зелеными шитыми золотом коврами надгробие Авраама.

...И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью, и приложился к народу своему.

И погребли его Исаак и Измаил, сыновья его, в пещере Махпеле, на поле Ефрона, сына Цохара, Хеттеянина, которое против Мамвре, на поле в пещере, которые Авраам приобрел от сынов Хетовых. Там погребены Авраам и Сарра, жена его.

Напротив, за такой же узорной дверью — часовня и надгробие Сарры, одетое красными коврами с золотым шитьем.

Но пещера с саркофагами — глубоко под мраморными плитами пола.

До недавнего времени никто не знал внутреннего устройства подземелья, и желание проникнуть в него считалось святотатством. Но после

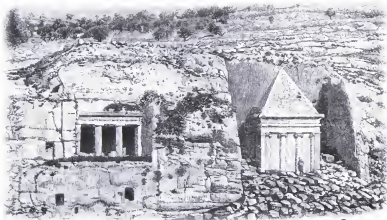

Шестидневной войны 1967 года в узкий сухой колодец, по которому ежедневно опускают зажженные лампы и который обычно закрыт металлическим плетением, с разрешения светских и религиозных властей опустили очень тоненькую девушку. Она обнаружила подземную камеру и узкий шестнадцатиметровый коридор. Пройдя по нему, поднялась по пятнадцати ступеням, ведущим к несуществующему теперь выходу, перекрытому камнем, закрепленным железными клиньями. Девушка вернулась, и ее благополучно подняли. Это открытие пролило малый свет на подземелья, но еще не обнаружило самой погребальной пещеры.

И только несколько лет назад под тем же колодцем нашли двойную пещеру, типичную погребальную нишу времен Патриархов. Она полностью засыпана землей, но кусочки костей и частиц земли, поднятых на поверхность, датируются временем иудейских царей — около 2900 лет назад. Конечно, поднятые кости — не частицы останков Патриархов, которые покоятся в глубине в нетронутых саркофагах, но свидетельство того, что и за тысячелетие до Рождества Христова пещера все еще служила для захоронений: евреи считали величайшим благом быть погребенными в непосредственной близости от праотцев и ссыпали в колодец сухие кости умерших.

По преданиям Талмуда, пещера Махпела современна сотворению мира, находится на месте райского сада, и в ней до праотцев погребены Адам и Ева; только Авраам и несколько посвященных знали о значимости этого места, откуда души имеют выход в рай, потому Авраам и не принял

Гробницы Иакова и Захарии

поле в дар, а приобрел его навеки для себя и потомков.

О времени строительства монумента высказано много предположений.

Иосиф Флавий считал его существовавшим уже при Аврааме: «Хеброн не только старше остальных городов в этом краю, но древнее даже чем Мемфис в Египте, ибо число его лет определяют в две тысячи триста, — писал он в I веке, — Рассказывают, что он служил местом пребывания Авраама, родоначальника иудеев после его исхода из Месопотамии; оттуда также, как гласит предание, дети Авраама переселились в Египет. Их гробницы, прекрасно сделанные из великолепнейшего мрамора, по настоящий день показывают еще в том городе».

Наш замечательный знаток иудейских древностей профессор Киевской Духовной академии Аким Олесницкий, цитируя 51-ю главу пророка Исайи по Септуагинте: «*Посмотрите на укрепление,*

Гробница Авраама

которое вы истесали и на тесаные камни гробницы, которую вы воздвигли; посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру...», считает эти слова приуроченными к построению харама. И сравнивая его кладку со Стеной плача и остатками древней стены Иерусалима, найденными на русском участке недалеко от Гроба Господня, — относит построение памятника к царствованию благочестивого Езекии.

Любопытно с точки зрения разницы в переводах Библии, что приведенные строки из Исаяи в синодальном издании имеют совсем другой смысл: *«Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены...»*

Но увлеченность Олесницкого, живые подробности его исследований интересны сами по себе. У него можно узнать, что в древнем иудейском богослужении ежедневную утреннюю жертву приносили на ранней заре, когда священник, наблюдавший с вершины Иерусалимского храма восход солнца, возглашал: «Заалело до Хеврона!» Что материалом для постройки Хевронского харама служил самый твердый камень, доставляемый из глубоких каменоломен, — миззи; и каждый камень обточен гладким долотом по краю, срезавшим ровно два сантиметра в глубину, а некоторые камни украшены горизонтально идущими столбиками. Двери и лестницы — более поздней постройки, и можно предположить, что по изначальному замыслу, в харам не должен был входить никто, кроме священнослужителей. Древняя базилика внутри харама, вместившая теперь часовни Исаака и Ревекки, ранней христианской постройки, как и базилика в Вифлееме; в VII веке

арабы перестроили ее в мечеть, в XI — крестоносцы восстановили церковь, в XIII — арабы, захватившие Святую землю, снова переделали ее под мечеть. Крестоносцы же устроили на четырех углах башни, две из которых уцелели и теперь служат минаретами. Описание заканчивается настоящим гимном хараму:

«При всей своей простоте, хевронский памятник отличается такою гармонией и легкостью в соединении частей целого, такой строгостью и выдержанностью плана, такой изящностью работы и тщательностью в отделке каждого составного камня, какие мы привыкли встречать только в классической архитектуре. Едва ли мы ошибемся, если хевронский памятник назовем самым совершенным памятником древней Палестины, представителем архитектурных созданий древних евреев. Хотя мы не знаем, какой вид в целом представлял иерусалимский храм Соломона, но, по фундаментальности и наружной красоте, он не мог превосходить хевронского памятника!»

Кажется, что уж могло быть выше такого сравнения? Но Олесницкий и на этом не останавливается:

«Но последний несомненно превосходил иерусалимский храм необыкновенно искусным и строгим выбором материала. Тогда как в остатках иерусалимского храма есть камни из сорта маляки, в стенах хевронского харама нельзя указать ни одного камня, сколько-нибудь уступившего действию времени и повредившегося. Только цвет камней из белого, каким он был еще во времена Иосифа Флавия, перешел в тот золотистый цвет, который сам по себе считается уже одним

из признаков глубокой древности палестинских памятников».

Хорошо читать книги авторов, любящих то, о чем они рассказывают — будь то исторические личности, памятники или события Священной истории, — невиданное нами — становится види-

Гробница в долине Иосафатовой

мым, расширяются границы бытия, вмещаая этот опыт чужой любви, потому что любой дар мы можем принять и вместить только сердцем.

У арабских историков есть сказания о строительстве хевронского харама царем Соломоном.

Современные израильские описания относят этот величайший в мире древнееврейский монумент к эре Второго храма — около 2000 лет назад, — и приписывают строительство Ироду, от времени правления которого остались великолепные крепости и дворцы; при этом полагают, что Ирод, потомок идумеев, хотел укрепить звенья, связующие его с Патриархами.

Мы обошли три пары надгробий, размещенных по своим часовням — одно против другого, под роскошными коврами с золотым шитьем, за узорными ограждениями: Авраама и Сарры; Исаака и Ревекки; Иакова и Лии. И от приближения к ним эти образы ожили и прошли чередой, каждый со своей неповторимой судьбой и бездонной священной тайной.

Вот, спасая плененного Лота, Авраам с небольшим отрядом выступил против войска пяти царей и одержал победу, в которой видна была всепобеждающая Десница, и *Мелхиседек, царь Салмский, вынес хлеб, и вино, — он был священник Бога Всевышнего, — и благословил его, и сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли;*

и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои.

Чья мысль не замирала перед этим таинственным явлением властителя Иерусалима Мелхисе-

дека, соединившим царственное достоинство с достоинством первого названного в Писании священника, — посредника между Богом, подающим дар благодати, и человеком, приносящим жертву благодарения... *Ибо Мелхиседек... во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда*, — говорит апостол Павел. И называет Самого Иисуса Христа — *Первосвященником навек по чину Мелхиседека*.

Чье сердце не сокрушалось, когда Бог искушал Авраама и сказал: *возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение?..*

Ты вспоминаешь посланные тебе скорби, — может быть, не сравнимые с этой, но кто может сравнить их и взвесить, — часы своей смертной муки, когда рассудку казалось, что Бог не вправе ставить человеку такие условия, что они превосходят меру Его милосердия и наших сил. И плачет душа, когда Исаак с крестной ношей идет в гору и спрашивает: Отец мой!., где же агнец для всесожжения? Сколько доверия и кротости в этом обращении к отцу... Что вынесло тогда сердце старого Авраама, пришельца и странника в чужой земле, призванного к отречению не только от родства и дома отца своего, но и от столь долгожданного сына обетования, поздней радости? И какой глубины была эта вера, которую Бог *вменил ему... в праведность*, пролив ради нее потоки благословения на души, неисчисли-
мые, как песок морской...

Евангелист Лука

И страшно и благословенно знать, что в этих прообразах Бог открывает превечную тайну — жертвоприношения Своего Единородного Сына, — и она отражается, преломляется в тайне каждой судьбы... что странствия Авраама — предвестие духовного пути в вере народа Божия — через приятие обетования всей полнотой сердца, исход, отречение, очищение, терпение, искушения, крестные страдания на пути к небесному отечеству и откровения его...

Гробница Авраама

Или вот прекрасная Ревекка с кувшином на плече сходит к источнику и произносит те слова, по которым раб Авраама должен узнать невесту Исаака в чужой земле, и он смотрит на нее с изумлением в молчании, как встречает человек чудо явного Божиего участия в нашей земной жизни.

Сон Иакова на пути в Харран: *лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней* — это дом Божий, предвещие вечной встречи в таинствах церкви восходящей веры человека и нисходящей божественной любви...

А на земле — встреча с Рахилью у колодца, когда Иаков поцеловал ее и заплакал. *И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.* И рождение прекрасного сына любви — Иосифа, проданного братьями в рабство, безутешная скорбь Иакова над его разноцветной одеждой: *с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю*, — и вознесение и великая судьба Иосифа в Египте...

Перед смертью собрал Иаков сыновей своих и благословил их.

И заповедал он им и сказал им: я прилагаюсь к народу моему; похороните меня с отцами моими в пещере, которая на поле Ефрона Хеттеянина,

в пещере, которая на поле Махпела, что перед Мамврей, в земле Ханаанской, которую купил Авраам с полем у Ефрона Хеттеянина в собственность для погребения;

там похоронили Авраама и Сарру, жену его; там похоронили Исаака и Ревекку, жену его; и там похоронил я Лию...

Вот и Лия, родившая ему шестерых сыновей, упокоилась рядом с любимым мужем... В поздние века к внешней стене недалеко от часовни Иакова была пристроена даже гробница Иосифа, хотя принято считать, что он погребен в Самарии, — но так хотелось бы собрать все эти священные воспоминания в одной ограде...

Древняя базилика над памятниками Исааку и Ревекке перестроена в величественную, богато орнаментированную мечеть. А пространства между часовнями Авраама и Сарры и — через внутренний открытый двор — Исаака и Лии заняты синагогами. После Шестидневной войны евреи вернулись в город Патриархов; их права на пещеру Махпела не полностью восстановлены, они не могут посещать ее в пятницу и мусульманские праздники, зато в свои большие праздники собираются в Хевроне десятками тысяч.

Только у сынов Авраама — христиан, на которых *через Христа Иисуса распространилось его благословение*, нет места в этих стенах.

Но в своих погребальных плачах и упованиях Церковь просит, чтобы все души верных, и победивших на поле земной брани со злом, в котором мир лежит, и в ней сокрушенных, — ибо не собственной правотой спасается человек, а верой, вменяемой в праведность, — Господь упокоил в недрах Авраама, в раю сладости, во царствии живых...

Жаркий декабрьский день сиял над древним Хевроном.

Книга Чисел повествует о том, как Господь повелел Моисею послать людей, чтобы они осмот-

рели землю Ханаанскую, которую Он дал сынам Израилевым, и соглядатаи *дошли до Хеврона, построенного семью годами прежде Цоана, города Египетского.* На этом сопоставлении знатоки библейской истории основали предположение, что название города произошло от имени фараона Хе-неброн, и египтяне участвовали в его строительстве как архитекторы и инженеры. До исхода и евреи строили города в Египте, но как рабы.

Из долины Есхол между цепями зеленых террасированных холмов, цветущих абрикосовыми, яблоневыми, гранатовыми и масличными деревьями, моисеевы соглядатаи вернулись с обильными плодами и виноградной гроздью такой величины, что ее несли на шесте двое.

И рассказывали ему и говорили: мы ходили в землю, в которую ты посылаи нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее.

Когда Иисус Навин разделил землю между коленами сынов Израилевых, Хеврон достался в удел Халеву, за сорок пять лет до того ходившему сюда соглядатаем.

А после смерти Саула в войне с филистимлянами *пришли все старейшины Израилевы к царю в Хеврон, и заключил с ними Давид завет в Хевроне пред лицом Господним; и они помазали Давида в царя над Израилем...* И многие тысячи воинов из всех колен Израилевых пришли в Хеврон, чтобы передать ему царство Саулово, и праздновали они здесь три дня, ели и пили, потому что братья их все приготовили для них... *привозили все съестное на ослах, и верблюдах, и мулах, и волах: муку, смоквы, и изюм, и вино, и елей, и крупного и мелкого скота множество, так как радость была для Израиля.*

Здесь родились у Давида шестеро сыновей; здесь плакал он над гробом военачальника Авенира и в его гробнице похоронил голову сына Саула. В тридцать лет воцарился Давид и более семи лет царствовал в Хевроне, городе большом, богатом и укрепленном. Отсюда пошел с войском на Иерусалим, взял крепость Сион, и в Иерусалиме правил всем Израилем еще тридцать три года.

Мы шли по узким улицам с домами, сохранившимися от времен крестовых походов, сквозь суетолюку базара. Отец Иоанн был в подряснике и неизменной шапочке-скуфье, но никто не обращал на нас внимания, и не верилось, что здесь стреляли еще утром.

Лепились к склону холма лавочки или уходили в его глубину. Катились, гремя по мостовой, тележки. Старик в чалме и халате вез корзины на

*Заток Давида и купальня Вирсавии
в Иерусалиме*

ослике, мерно цокали по камням копытца. Торговцы сладостями завлекали к своим прилавкам, гудели над ними осы. Терпко пахло пряностями, связки горького зеленого и красного перца, белого чеснока и лилового лука свисали с притолок, и молотый перец рассыпал под мешками красную и черную пыльцу.

Остановились перед столом с разными сортами изюма, и молодой продавец стал весело набирать его в ладони с возгласами похвалы. Изюм был с косточками и без косточек, синий, с дымчатым налетом, темно-коричневый, и нежно-коричневатый, и полупрозрачный золотой — ото всех видов знаменитого хевронского винограда. Сколько прежних путешественников было опечалено тем, что мусульманский сухой закон не позволяет делать из этого винограда прекрасные вина, но и до сих пор он этого не позволяет — ко благу мусульман.

С пакетиком золотистого изюма, приняв эту малость от плодов бывшего райского сада, мы ходили по тесным и пестрым рядам, мимо оранжевых, желтых, зеленых, красных фруктовых и овощных горок...

Посмотрели на свет изделия из синего стекла, которыми славился когда-то город, — светильники, стаканы, вазочки, рюмки, тарелки... Покопались в груде медного хлама — браслетов, подвесок, подсвечников, пуговиц, игрушек и сувениров, и я едва устояла, чтобы не купить за пятнадцать шекелей медного маленького ослика с бирюзовыми миндалинками глаз, тянувшего за собой медную повозку. И вот, подумать только, мне и теперь немножко жалко, что я его не ку-

пила — стоял бы теперь у меня на столе ослик с большими медными ушами, с синим хевронским взором...

В такси на Иерусалим мы ехали вместе с арабами. Никто из них не понимал по-русски, но говорить уже не хотелось: так много вместили в себя эти длинные сутки без сна, даже не верилось, что прошли всего сутки — с середины субботы до середины воскресенья, девятнадцатое декабря, день памяти святителя Николая, — его нечаянный дар.

У поворота крепостной стены старого города я выходила, отец Иоанн ехал на вечернюю службу в Гефсиманию. В машине мы и простились — тоже навсегда.

Дивно и странно, что Господь определил нам пережить вместе эти два дня с перерывом в месяц, двое великих бессонных суток — восхождение на осиянный Его явлением Пик Моисея в Синайской пустыне и посещение места Его встречи с Авраамом у Мамврийского дуба, — словно для того, чтобы мы вместе припали к могучим живым корням нашей единой веры и унесли в себе такую яркую память об этих вневременных священных событиях и такую острую боль от нашего давнего временного раскола.

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА
САВВЫ
ОСВЯЩЕННОГО

*...Я теперь посылаю тебя открыть глаза им,
чтобы они обратились от тьмы к свету и от
власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили
прощение грехов и жребий с освященными.*

Деян 26:17-18

Источник в долине Плача

Увидеть Великую лавру Саввы Освященного, самую прославленную и древнюю в пустыне Святого Града, — это казалось несбыточным еще вчера и даже всего час назад.

И вот мы стоим на верху горы, на краю ущелья: под нами земля разорвана Кедронским потоком. Отвесные обрывы падают на страшную глубину, и узкий поток едва поблескивает в бездне.

Это Огненная река, Царская долина, долина Иосафатова... Юдоль Плача, в которой за стенами Иерусалима погребали мертвых и по которой в день Страшного Суда от Святого града потечет к Мертвому морю расплавленная лава Божьего гнева:

Я соберу все народы и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд...

Прежние паломники описывали Плачевную юдоль как самое мрачное, дикое, ужасающее место на земле, словно уже затаившее предчувствие апокалиптической катастрофы.

Прозрачен прокаленный сияющий воздух, и в нем отчетливы, как на гравюре, слоистые охри-

стые склоны, каждый их выступ, пласт и срез, трещина и пучок пересохших трав. По тускло-желтым обрывам зияют провалы пещер, то разбросанных поодаль, то вытянутых в разреженную цепь на одном горизонте — жилища прежних отшельников.

Изломы мощных крепостных стен того же цвета сожженной солнцем пустыни и обнаженных скал ниспадают с горы, от башни Юстианиана — к угловой башне, от нее под прямым углом до дна ущелья. Оттуда по сломам обрыва снова ступенчато поднимаются, замыкаясь у сторожевой башни на темени горы.

Сверху хорошо видны два синих купола за оградой — большой над храмом и маленький над часовней, местом погребения преподобного Саввы. Площадка внутреннего двора с монастырскими постройками, выровненная на камени-

Развалины Иерихона

стом склоне, и стены главного храма опираются на пять каменных контрфорсов, гигантскими уступами восходящих со дна провала. Монастырь, высеченный в скале и достроенный из того же камня, кажется проросшим из скалы. Он неприступен, как древняя крепость или тюремный замок, но так необычно размещен в причудливом рельефе, что не похож ни на одну крепость на земле, ни на один замок.

Высоко на обрыве по ту сторону потока обозначена крестом первая пещера, где поселился Савва. Тогда ему было около сорока лет, и более тридцати из них он уже провел в общем монашеском житии или в строгом уединении. И вот на ночной молитве явился ему Ангел в излучающей свет одежде и благословил уйти в пещеру над Кедроном. Утром Савва пошел вдоль потока и обрел свое будущее жилище. Никаких признаков жизни вокруг — тусклая охра пустыни под выцветшей голубизной небес, расплавленное безмолвие...

Но сейчас в пейзаже нет ничего мрачного: в нем, раскрытом в даль, в глубину и высоту, осиянном горячим солнцем, погруженном в покой, есть величие, аскетическая освобожденность от излишеств и подробностей, суровая, торжественная красота.

И крест над синим куполом вознесен в золотом сечении пространства, осмысливая его и освящая.

Долго стучим, прежде чем за окованной дверцей в крепостной стене раздастся голос, по-гречески повторяющий краткий вопрос. Дверца приотворяется, монах выжидательно смотрит из

за порога, и мы, оробев, объясняем, что приехали из России.

— Где ваша группа? — обводит он взглядом прилегающие склоны.

Нас трое — паломницы, встретившиеся в Горненском монастыре и отправившиеся в не слишком дальний, но небезопасный путь: вся группа здесь, и это как будто удивляет монаха.

— Подождите... — кивает он.

По уставу преподобного Саввы женщин в монастырь не пускают, мы это знаем и терпеливо ждем.

Снова отпирается дверь и, наклоня голову, выходит тот же монах с подносом: на нем три запотевших стакана с водой и горсть цветных карамелей. Пить хочется медленно, продлевая удовольствие.

Появляются еще двое монахов: выносят маленький столик, бережно ставят на него застекленный реликварий — серебряный ковчег с тремя черепами воскового цвета, открывают крышку. Мы поочередно кладем земные поклоны и целуем священные останки, а монах называет имена святых, которым они принадлежат: Ксенофонт и его сыновья Аркадий и Иоанн, трое из сонма святых савваитов.

Наверное, монахи убеждаются в искренности нашего благоговения: и лица их потихоньку светлеют. Один извлекает из кармана рясы три крохотных флакончика — освященный елей от иконы преподобного Саввы — и кладет каждой из нас на ладонь.

Я со страхом понимаю, что сейчас все кончится, дверца затворится уже насовсем, и неожи-

данно для себя решаюсь спросить: можно ли нам подняться к пещере святого Саввы?

— Женщинам это трудно...

— Ничего, мы постараемся... Будьте добры, попросите за нас игумена. Мы приехали из такой дали...

— Я — игумен... — сдерживает улыбку тот, кто вынес реликварий и одарил нас елеем. — Но тогда вам нужен провожатый...

— Просто благословите, мы пойдем одни...

— Можно сорваться с обрыва... — он с сомнением смотрит на нас, но, умиловшись, решает: — Хорошо, спускайтесь, у нижней башни вас встретит монах.

Нечаянная радость заполняла меня с тех минут, когда я увидела священную обитель, так глубоко сокрытую в каменистой пустыне, восходящие по обрыву стены и башни. Эта радость не нуждалась в оправдании, но если бы я могла понять ее причину, может быть, это раскрыло бы какую-то тайну жизни...

Давно-давно, тому двенадцать лет, в грузинском монастыре я услышала звук имени, и оно стало символом несбыточной духовной высоты.

Лавра св. Саввы

Источник в долине Плача

И все, связанное с ним, было недостижимо, как сама Палестина, как засыпанные песками руины монастырей или тысячелетия назад закрывшиеся страницы Священной истории, которые не повернуть обратно. Символ, знак, ярлычок на несуществующем... бабочка из мрака небытия; собственно даже не имя: определение к нему, прозвище — Освященный...

Почему этот отзвучавший звук и отсветивший свет вдруг достиг меня почти через полторы тысячи лет? И я отправилась на него через арабские селения, через пустыню, уговорив случайных попутчиц, которые так же мало способны были бы защитить меня от какой-нибудь пустынной напасти, как и я их, и мы шли, не зная наверняка, найдем ли мы даже только эти неприступные стены?

Проводник вышел из нижней потаенной калитки, и ждал на тропе, держа на весу в опущенной руке палку-посох, — рослый, крепкого сложения грек лет тридцати двух с густыми угольно-черными волосами и большими глазами, осененными столь же густыми ресницами. Яркая чернота волос и глаз еще подчеркивалась матовой смуглостью кожи и выгоревшей чернотой подрясника, но и смягчалась — доброжелательной и слегка смущенной улыбкой.

— Христос... — назвалса он, акцентируя первый слог.

И мы назвали себя: со мной были Ирина, аспирантка из Москвы, и Лариса, раньше занимавшаяся химией, — она уехала из России и вот уже несколько лет длит свое странствие по Святой Земле.

Лавра Саввы Освященного и его гробница

— Лариса... — повторил монах, приподнимая брови, — это название города, откуда я родом...

Не спеша мы спустились за ним вдоль уступов стены по крутой тропинке, осыпая из-под ног камни.

— Это город в восточной Греции, недалеко от Олимпа? — припомнила я.

— Вы были в Греции? — полуобернулся он.

— Был мой сын, а я только смотрела альбомы и карты.

— А он что там делал?

— Тоже совершал паломничество. Был в Афинах, в Метеоре... в монастыре Иоанна Богослова на Патмосе. На Родосе, Крите... Месяц провел на Афоне...

— В русском Пантелеимоновом монастыре?

— Не только, — обошел все афонские монастыри...

— Зачем? Выбирал для себя место?

— Может быть... Хотя тогда я не знала об этом.

— А сколько ему лет?

— Теперь двадцать восемь, тогда было двадцать шесть. И уже восемь лет он — иеромонах...

Спутницы мои тоже понемногу рассказали о себе: говорили по-английски, на этом уровне все им владели.

Христос как будто остался доволен первым знакомством, обнаружившим между нами хотя и косвенную, но общность: все мы — православные и этим живы, все — странники на земле.

Вскоре мы оказались на берегу Кедрона, мутно разлившегося по мелкому извилистому ложу. Монах упрочился посреди воды на двух камнях,

протянул нам палку, и держась за ее конец, мы тоже перешли поток немокрыми стопами.

С другого берега, со дна Царской долины, я обернулась. Скалистые обрывы по обе стороны ущелья в нависших каменных пластах и зубчатых грядках, в осыпях и провалах, смыкались вокруг и заслоняли небо. Над нами циклопическими уступами восходил в высокую синеву монастырь — непоколебимый оплот для воззвавшей из бездны души. Более грандиозной твердыни православия мне не случалось видеть — ни зрение, ни душа еще не способны были вместить ее небывалое суровое величие.

Две знакомые фигуры, согбенные на крутом подъеме, двигались вслед за монахом по обрыву, цепляясь за выступы скал или сухие стебли полыни, и снизу казалось, что они лезут вверх по стене. Мне стоило некоторых усилий догнать их;

Лавра Саввы Деспотовича

бросило в жар, и опаляющим показался декабрьский день. И это — в самый прохладный зимний месяц... Мне бы и не выжить здесь летом, когда каменные стены келлий накаляются, как печь огненная, и, чтобы не расплавиться, монахи обливают их водой...

Окованная дверца, во всю ее высоту нарисованный краской крест, — мы видели его с другой стороны обрыва...

Христос распахивает дверь и громко стучит по ней палкой, чтобы, может быть, разбудить и изгнать сокрыто гнездящегося в нежилой пещере змея. Но никого внутри нет, и монах разрешает нам войти, а сам усаживается на камень за порогом.

Пещера выровнена наподобие маленькой комнатки без окна в светло-сером сухом крошащемся камне. Рука непроизвольно тянется к стене — прикоснуться, удостовериться, ощутить кожей.

Отверстие в углу потолка ведет в верхнюю часть пещеры, деревянная лестенка приставлена к стене. Можно нам заглянуть наверх, — спрашиваем мы, — не заходя в священное жилище, только увидеть?

— Можно, — весело говорит монах, — только увидеть можно...

Поднимаюсь по шаткой лесенке и, остановившись на третьей сверху ступени смотрю внутрь. Я вижу келейку того же размера, что и нижняя, голубой проем окошка, теперь зарешеченный. Пещера — на восточном обрыве, на середине его высоты, и значит, днем здесь глубокая тень. А к вечеру солнце пересекает небесное пространство над ущельем и рано скрывается за противоположным склоном.

Лавра Саввы Овзыщенного

Узкий выступ каменного ложа и небольшая ниша в стене для иконы и лампы... А больше нет ничего, и было ли что-нибудь еще? Были, должно быть, глиняный кувшин для воды, глиняная миска... плетеные циновки на ложе и на полу для коленопреклоненных молитв, рогожа, чтобы укрыться. В толще горы не бывает ни слишком сильной жары, ни слишком большого холода, но чем согреться ночью, в долгие зимние ливни, в промозглую сырость? Нет следов очага, — отшельники не разводили огня и питались только овощами, сухими финиками, смоквами, размоченными бобами.

В неправдоподобно далекие времена — полторы тысячи лет назад высечены эти стены человеком, избравшим их для себя из целого мира местом добровольного заточения и высшей свободы. Сколько воды с тех пор утекло в потоке Кедрон, сколько

Источник в долине Пелла

унесено потоком времени судеб, могущественных империй... А здесь, внутри этих стен, так явно присутствие того, кто менее всего был озабочен увековечением на земле своей памяти. И крепостные стены по ту сторону ущелья возносят воплощенный в каменные глыбы звук имени...

В первое время за водой он спускался с обрыва по веревке и проходил по пятнадцать стадий — почти две мили в одну сторону — к Семиуственному озеру: вода, которую несет Кедрон через Иерусалим и места для погребения в его верховьях, непригодна для питья. Но однажды лунной ночью отшельник молился, чтобы Господь открыл здесь источник, и увидел, как дикий онагр на другом берегу бьет копытом в землю и припадает к ней губами. Савва подошел ближе, камни в лунном свете влажно блеснули. Он пробил их заступом — лунка стала медленно наполняться сочащейся из скалы водой.

В этой пещере он провел пять лет в полном одиночестве и безмолвии. Пять лет с рассвета до заката и в глухом молчании ночей он возделывал, расчищал, озарял молитвой одно поле — своей души. И из глубины ее говорил с Единственным — Непостижимым, Неизреченным.

А когда Господь определил, что срок настал, — в нашем исчислении это пришлось на 484 год, — к преподобному стали стекаться отшельники и подвижники из других монастырей, ближних и дальних, чтобы предать себя его духовному руководству.

Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе.

Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением...

Весна в пустыне Святого града

*На земле народа моего будут
расти терны и волчцы... доколе
не излиется на нас Дух свыше,
и пустыня не делается садом.*

Ис 32:13–15

Ванная весна с ее благословенными ливнями неузнаваемо преображала в прежние века сухие пустыни Палестины. Красными маками покрывались каменистые склоны холмов. Разливы душистых лилий тянулись вдоль ручьев и рек; белые с золотом озера нарциссов, как в чашах, стояли на дне долин. Благоуханием наполняли промытый воздух цветущие померанцевые, миндальные и масличные деревья, бальзамический кустарник и кипарисы. И всякая пустынная травка пробивалась из растрескавшейся земли — вереск, иссоп, полынь и дикая мята. А в зеленых Саронской и Иерихонской долинах расцветали гиацинты, тюльпаны, розы...

В ранние века так цвела в Палестине и весна духа, когда монастыри разрослись, как оазисы в мертвой пустыне.

Они явили миру самый совершенный образ его бытия и исполнение лучшего Божиего за-

Весна в пустыне Святого града

мысла о человеке. С тех пор каждая цивилизация, каждое новое поколение, каждый из нас заново осмысливают свое предназначение, хотя суть его раскрыта на заре нашей эры — на все времена. Какими ветрами развеялась память об этом?

И способны ли мы вернуться к изначальной ясности знания о себе?

Вот один из плеяды великих святых, положивших в Египте *иного жития вечного начало*, воскресивший мертвых Макарий Великий беседует с братией о совершенстве. Душа есть создание умное, — говорит он, — исполненное красоты, великое и чудное, подобие и образ Божий. Эту прекрасную обитель Бог сотворил для Себя, как землю создал для человека. Без Святого Духа душа умирает и подвергается распаду, как тело без души. Но в сердце смешаны свет и тьма, покров страстей и пороков затмевает бессмертный образ Божий. Эта завеса снимается скорбями и унижениями, посылаемыми Богом для углубления души и освобождения ее от ложных ценностей, великим подвигом очищения, обращенностью всех сил и любви к Господу и отречением ради божественной любви от земных пристрастий. Душа просветляется, входит в сияние нетварного света, приобщается к жизни Святого Духа, еще на земле вкушая блаженство Вечности. И приобщение к этому блаженству порождает неутолимую жажду, влекущую в светоносную беспредельность.

Это и есть христианство — не охлажденное, низведенное к обрядам и нравственным прописям, а тот животворящий *огонь*, который Господь *пришел... низвести на землю*, — возжигать его в пустыне мира и призвано монашество. В золотые

века духа очертания Небесного Иерусалима проступают на земле, и становятся зримыми образы его обитателей — святых, наделенных божественными дарами. А устремление каждой облагодат-

*Преподобные Евфимий Великий, Антоний Великий
и Савва Овчирный*

ствовавшей души является центром, круги от которого расходятся по судьбам народов и изменяют их судьбы.

В самом начале IV века Иларион, выросший среди палестинских язычников и получивший образование в Александрии, был просвещен там светом христианства и посетил монастыри в египетской пустыне.

— Добро пожаловать, восходящая заря... — кротко приветствовал Антоний Великий пятнадцатилетнего гостя.

— Мир тебе, столп света, просветивший вселенную, — тихо ответил он.

Иларион провел два месяца в близком общении со святым Антонием, получил его благословение на отшельничество и ушел в Палестину, унося на плечах грубый шерстяной плащ Антония, на поясе его монашеский ремень, а в потрясенной душе — образ истинного величия.

Он раздал имущество умерших родителей и удалился на берег Средиземного моря в нескольких часах ходьбы от газской пристани.

Напрасно родственники пугали его разбойниками.

— У того, кто ничего не имеет, нечего отнять...

Напрасно устрашали его смертью в пустыне.

— Тому, кто всегда готов умереть, нечего бояться, — отвечал он.

Тот, кто ничем не связан на земле и ничего не боится, обретает царственную свободу.

Он сплел шалаш из тростника и пальмовых листьев, через несколько лет выстроил келлейку из кирпича ниже собственного роста и в длину

своего тела, и в ней прожил пятьдесят лет. Спал на голой земле, вкушал раз в день после захода солнца несколько смокв и сок трав или размоченную в холодной воде чечевицу, или сухой хлеб с солью, часто и по три дня оставался без пищи, не нарушал уединения посещением селений. Но в юности он переписал своей рукой Евангелие и знал Священное Писание наизусть, а его молитва была непрестанной.

Палата ов. Саввы

После двадцати лет сурового подвига он получил дар прозорливости, дар побеждать болезни, страсти и нападения бесов. И из неоскудевающей сокровищницы Божией благодати он милосердно оделял страждущих: больные исцелялись, слепые прозревали, одержимые обретали покой во Христе.

Молва о нем разошлась далеко, и вокруг его келлии выросли из камня и тростника приюты сотен отшельников, — так в сороковых годах IV века возникла лавра преподобного Илариона.

Духовно созревшие аскеты расходились по Палестине и Сирии, создавали свои обители. И раз в год, в пору сбора винограда, преподобный Иларион обходил их, сопровождаемый сотнями подвижников. Со временем жители окрестных се-

лений стали приветствовать эти великие шествия христиан, давать им приют и снабжать пищей. А приходя в обитель, Иларион с глубоким участием обозревал ее внутреннюю и внешнюю жизнь, посещал каждого инока и беседовал о его духовном состоянии.

В первых лаврах соединял аскетов не устав, а это руководство аввы. Как святой Антоний в Египте, преподобный Иларион в течение тридцати лет духовно укреплял разбросанные в Палестине общины, и как Антонию, время усвоило ему определение — Великий.

К его обители стекались епископы, пресвитеры и монахи, толпы христиан за наставлениями и исцелениями. А сам он плакал и тосковал о прежнем уединении и безмолвии и наконец к нему вернулся — вопреки усилиям нескольких тысяч христиан, собравшихся, чтобы его удержать.

Ему было 65 лет, когда одна из паломниц посетила его на пути к Антонию Египетскому.

— Хотел бы и сам я идти к нему, — сокрушенно сказал старец. — Но вот уже два дня, как мир лишился этого великого мужа.

Через несколько дней дошла весть о кончине Антония. Потом авва Иларион странствовал шестнадцать лет. Он начал с места подвигов своего духовного наставника — горы святого Антония с насажденным им виноградником и выкопанным водоемом, с малой келлией в скале; посетил монастыри в Египетской пустыне и сам надеялся остаться в ней наедине с Богом. Но так ярок был благодатный свет, исходящий от святого, что сияние славы сопровождало его и по раскаленным нильским пескам и по бурному морю. О нем возве-

щали усмирённые им стихии, дожди, пролившиеся на сожжённую землю по его молитвам. За ним, вопреки его воле, следовали ученики, разыскивая его в Египте, в Сицилии и на Кипре.

На Кипре этот мученик славы наконец скрылся от неё на лесистой горе, где и провёл последние пять лет. Развел небольшой садик с фруктовыми деревьями, носил из источника под горой чистую воду, наслаждаясь великим покоем в этом малом уделе, блаженством богообщения на земле.

Незадолго до конца жизни облечённый в священный сан, опять окружённый любимыми учениками, до последних дней чудотворящий и исцеляющий, в восемьдесят лет он и умер в этом саду, завещав палестинским последователям все свои сокровища — его рукой переписанное Евангелие, монашеский куколь и хитон.

Действовавшая в нём божественная сила чудотворила и после погребения, — ибо умирает лишь тело, но бессмертен облагодатствованный дух. И христиане Кипра собирались на всенощные бдения, озаряя свечами верхушку его горы, и жители Палестины устраивали торжественные празднества в его лавре, умножая над грешным миром принесённый великим святым небесный свет.

Лавру Великого Илариона разрушили и сожгли в гонения императора Юлиана Отступника.

Но можно проследить по библейским картам, как центры монашеского жития непрерывно возрождались, перемещаясь к западу Палестины — в Иудейскую пустыню, называемую также пустыней Святого града. Она обнимала все лавры и мо-

настыри от Иерихона и Сорокадневной горы на севере — до Хеврона и Аравийской пустыни на юге; от Иерусалима и Вифлеема на востоке — до Иордана и Мертвого моря на западе. В этих каменистых, безлесных и безводных отрогах Иудейских гор, изрезанных сухими оврагами, пещеры служили убежищами для отшельников.

Дивный промысел Бога, держащего в деснице все нити судеб Своих избранных, являет здесь сначала жизнь Харитона Исповедника. Обреченный на смерть за Христа при римском императоре Аврелиане, он претерпел оковы, бичевания и страшные пытки огнем; но пережил импера-

тора, убитого подданными, и вышел из тюрьмы.

Харитон уединяется в пустыне, а смерть как будто следует за ним по пятам — он попадает в плен к разбойникам. Они оставляют его на ночь в своей пещере, связанного и опять обреченного.

И вот змея отравляет смертоносным жалом вино в кувшине, из которого утром разбойники утоляют жажду. Харитон не только снова переживает своих гонителей, но и наследует награбленные ими сокровища. Часть их он раздает христианам, бежавшим в пус-

Пещера св. Харитона

тыню от гонений, а на другую устраивает знаменитую Фаранскую лавру.

Архимандрит Леонид, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме, в конце прошлого века счастливо обрел в шести милях от Святого града поселение лавры: множество естественных и высеченных по отвесным обрывам в верховье Фаранского потока пещер, почти недостижимых, с остатками древнего водопровода и мельницы. С помощью проводников он поднялся по каменным осыпям, по ступеням в скале к природному выступу, похожему на балкон под семью окнами правильной формы, и обнаружил четыре смежные пещеры. Самая просторная — двенадцать шагов в длину и десять в ширину, высотой чуть больше человеческого роста — служила церковью. Три окна выходили на поток, ниши в восточной стене были предназначены для горнего места и жертвенника, рядом угадывалось помещение ризницы. Спуск у северной стены вел в усыпальницу с боковыми нишами и остатками костей: среди них обрели последнее упокоевание и мощи преподобного Харитона. Последовательно уходил он — как святой Иларион от славы — из разраставшихся под его началом Фаранской, Иерихонской и Суккийской лавр, но завещал похоронить его в той самой пещере, где он основал первую церковь, а прежде был чудесно спасен от разбойников.

В Фаранскую лавру в начале V века бежал от управления армянскими монастырями двадцатидевятилетний пресвитер Евфимий, сочтя себя не достаточно зрелым для наставничества. Испро-

шенный у Бога после долгой бездетной жизни родителей и посвященный Господу, воспитанный епископом, он вырос в церкви, с отрочества приняв на себя роль чтеца и по мере возрастания в разуме все более возгораясь любовью к Священному Писанию и образам высоких подвижников. В лавре он получил келлию для строгих отшельников и прожил пять лет, большую часть года занимаясь плетением корзин и молитвой. Но после Богоявления ушел со сподвижником Феоктистом в пустыню Руву на берегу Мертвого моря и Святую Четыредесятницу до праздника Ваий посвящал только строгому посту и молитвенному общению с Богом. Впитав же опыт лаврской жизни, они и совсем переселились в горную пустыню.

Как-то пастухи селения Лазария пригнали стадо к потоку, над которым появились у своей пещеры отшельники. Пастухи испугались и обратились в бегство, но со временем жители Лазария стали посещать иноков, удивляясь нищете и подвигу их жизни, а по мере сил и служа им.

Быстро разошлась слава о Евфимии по Палестине, и в кротости и смирении прозорливого сердца, в простоте нрава, с любовью принимал он приходящих на духовное окормление, но возложил на Феоктиста заботы об устройении братии. Если лавра Илариона еще не имела ни единых правил жития, ни церкви, и ради литургии инокам приходилось посещать города, а о пище каждый заботился сам, то новое поселение аскетов создавалось как киновия — форма более глубокого единения, с твердым уставом и послушанием, с совместной евхаристической жизнью

Монастырь св. Иоанна Хозевиита

и заботой о пропитании. Так определялся на века наиболее распространенный образ монашеского бытия.

Святой Евфимий тоже глубоко страдал от своей славы и в поисках безмолвия оставался на верху горы в пещере, обращенной в церковь. Когда же и здесь жаждущие подвигов его окружили, ночью явился ему Некто и сказал как власть имеющий: «Прими этих братьев, потому что Бог послал их, и впредь не отвергай никого». Над Нижней киновией блаженного Феоктиста выросла лавра Евфимия Великого, устроенная по образцу Фаранской.

Ранние церковные писатели сохранили бесценные подробности и свидетельства очевидцев о жертвенности этого неотмирного бытия и его осиянной высоте. А Кириллу Скифопольскому, в детстве благословленному самим Саввой Освященным, мы можем быть благодарны за биографии святых Саввы и Евфимия.

Весна в пустыне Святого града

Кирилл рассказывает, что некий сарацин, посланный римлянами командовать союзными войсками в Аравии, пришел к блаженному Евфимию со всем своим отрядом и привез парализованного сына Теревона — по откровению юноше во сне. Евфимий исцелил его знаменiem креста. Тогда и сам исцеленный, и его отец, и множество воинов-арабов приняли христианство.

Через несколько лет этот юноша, оставшийся в киновии, стоял у жертвенника во время возношения Святых Даров, и ему дано было увидеть, как во время пения Трисвятого огонь снизошел с высоты, распростерся по жертвеннику и сокрыл Евфимия.

А другие отшельники передавали Кириллу слова самого святого, что во время Божественной евхаристии ему часто сослужили Ангелы. По его молитве изливались на пустынников щедрые дары Духа, умножался хлеб и елей в оскудевших монастырских кладовых, а ливни наполняли водоемы во время засухи.

Огромно было влияние Евфимия Великого не только среди палестинских монахов, которых при нем стало много тысяч, но и во всей Византийской империи. Твердостью исповедания веры он избавлял монахов от влияния еретиков; в отдельный монастырь собрал крещенных арабов; патриархи и епископы почтительно искали общения с ним; а обращенная им из монофизитства императрица Евдокия строила церкви, монастыри и странноприимные дома по всей Палестине.

Когда же святому Евфимию было восемьдесят два года, в его лавру — уже после десяти лет в монастыре — пришел восемнадцатилетний Савва.

Лавра Саввы Оsvашенного

Как могло случиться, что один из тех, которые скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, хотя весь мир не был их достоин, и кому по их великой жажде Господь открывал источники воды, текущей в жизнь вечную, начал свой крестный путь уже в восемь лет?

Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод... — говорит Господь, и неисповедимы суды Его. Но бывает, что раннее страдание, как бич Божий, изгоняет избранника из обыденности. Вскоре после рождения Саввы мать и отец, назначенный начальником военного отряда в Александрию, переехали из Кесарии Каппадокийской, а сына поручили родственникам вместе с именем. Два его дяди и их жены ссорились из-за имения, и от их «злонравия», о котором упоминает даже Палестинский патерик, мальчик нашел приют в близлежащем монастыре Флавианы. Его обучали чтению по псалтири: *Не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой! ибо отец мой и мать моя оставили меня...* Но я верую, что увижу благость Господа на земле живых.

Строгое общежитие формировало отрока по своим законам, прививая смирение, послушание и ревность к трудам. Когда устыдившиеся родственники стали побуждать его принять наследственные владения, сердце его уже земле не принадлежало. *И блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтобы он жил во дворах Твоих.*

Через десять лет в монастыре Савва принял постриг, уединенная душа созрела для безмолвия. Он отправился на поклонение святыням Иерусалима, а весной ушел к Евфимию Великому, о котором слышал с детства.

Он увидел невысокую фигуру святого в выгоревшем плаще в субботу, когда тот после недельного уединения спускался из своей пещеры на верху горы в лаврскую церковь. Его аскетическое лицо с мягкими чертами и окладистой, до пояса, седой бородой хранило отсвет божественного безмолвия, тихое сияние благодати. Савва поклонился до земли, принял благословение старца и встретился взглядом с его просветленными, излучающими любовь глазами. И заплакало сердце юноши от блаженной печали. Со слезами просил он принять его в лавру, и святой Евфимий не отверг его, но направил в киновию Феоктиста. Савва, давно желавший исхода из общего жития в уединение, с радостью подчинился иному решению своей судьбы, зная, что Господь Сам благословляет его легкой десницей святого.

И еще десять лет нес он послушания в киновии. Наделенный великими душевными силами, Савва был и рослым, сильным, носил воду, дрова, следил за лошадьми. Но приходил первым в церковь и уходил из нее последним, превзойдя многих старших благочестием и постом. Только раз, по благословению Феоктиста сопровождая одного из братии, он посетил Александрию и встретился с родителями. Напрасно они уговаривали его остаться в военном отряде отца, — он отвечал, что уже вступил в воинство Царя и Бога и пребудет в этом служении до конца дней.

А вернувшись, он получил долгожданное благословение святого Евфимия — безмолвствовать в пещере на утесе, к югу от монастыря.

В течение пяти лет в воскресенье к вечеру он уходил из киновии с пальмовыми ветвями и до

*Ущелье Вади Кельт с пещерата отшельников
ранних веков христианства возле монастыря
Георгия Хозевита*

Весна в пустыне Святого града

утра субботы оставался в пещере, не принимая никакой пищи. В субботу возвращался, неся пятьдесят готовых корзин, молился на всенощной и литургии и вкушал пищу за трапезой.

Святой Евфимий, уходя на Великий пост в пустыню Руву, стал брать с собой Савву, провидя, что со временем он станет архимандритом всех

палестинских монахов, и разделяя с ним сокровенный духовный опыт.

Кирилл Скифопольский приводит рассказ самого Саввы о том, как в первый раз он, тогда молодой, и еще один инок отправились с Великим Евфимием во внутреннюю пустыню. Как долго шли по безводным местам, едва утоляя голод кореньями. Как непривыкший к пустынной жизни Савва, измученный жаждой, уже не мог двигаться дальше. Старец обернулся, увидел, что тот совсем изнемог... отошел на вержение камня, пал на лице свое и стал молиться. После молитвы поднялся, взял небольшую мотыгу, которой они добывали коренья, и слегка копнул пересохшую, растрескавшуюся от зноя землю. Появилась вода, Савва пил ее и славил Бога, дивного во святых своих...

Еще несколько лет потом были даны ему, чтобы познакомиться с устройением других славных монастырей окрест Святого града — Герасима Иорданского, Сорокадневной горы, Иоанна Хозевита, Иоанна Крестителя, — прежде чем привел его Ангел в ущелье Кедрона.

Но в те весенние, светоносные дни от Богоявления до праздника Ваий, когда он подвизался с Великим Евфимием в пустыне, на тридцатилетнего подвижника снизошла божественная сила — он был освящен свыше задолго до того, как вокруг его одинокой пещеры над Юдолью Плача *возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет, как нарцисс, а его самого станут называть Освященным.*

Богоносцы

*Освещайтесь и будьте святы,
ибо Я, Господь Бог ваш, свят.*

Лев 11:44

В пещере мы набираем светлые камешки, иногда покрытые прозрачными крупинками, как солью. Эти драгоценные камешки скоро останутся единственным свидетельством моего пребывания у святого Саввы. И я счастливо и напряженно смотрю вокруг, стараясь запечатлеть зрением, унести в сердце фантастическую панораму.

Глубокий Кедронский разлом тянется от видимого края земли до другого края. Над противоположным обрывом, безжизненным, диким и обожженным, подняты крепостные стены, башни и купола Великой лавры, опирающейся на уступы скал и циклопические контрфорсы. На фотографиях они кажутся монолитными, но отсюда видны трещины между глыбами, похожие на темные штрихи на охристой монохромной гравюре. Сколько веков строили монахи эту крепость, вручную вытесывая каждый камень, на руках его поднимая?

Но первая монастырская церковь была дарована им. Однажды ночью Савва читал псалмы Давида вне пещеры. И вдруг огненный столп со-

единил землю и небо, озарив пространство на западной стороне. Всю ночь отшельник был восторжен в молитвенное созерцание и священный ужас.

Так увидел Иаков на пути в Харран лестницу от земли до неба, и Ангелов, восходящих и нисходящих по ней:

Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! ... Как страшно сие место! это не что иное, как дом Божий, это врата небесные.

А на рассвете Савва перешел поток и обрел на месте горящего столпа просторную пещеру, которой не было раньше, — богозданную церковь со входом на южной стороне, сводом для алтарной части на востоке и обширным помещением для ризницы на севере.

С сорока пяти лет Савва стал принимать всех приходящих к нему.

*Монастырь св. Георгия Хозовита в Иудейской пустыне.
Основан в VI в. Действующий православный греческий
тужской монастырь*

«Благодатию Божиею его общество возросло до семидесяти человек, — пишет Кирилл Скифопольский, — и все они были боговдохновенны, все христоносцы».

Мы и забыли такие слова, их сокровенный нездешний смысл.

Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем...

Мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей...

Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.

Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...

...Не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью.

На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа.

Итак, создал нас Бог для того, чтобы смертное в нашей природе поглощено было бессмертным, животное — божественным, плотское — духовным, внешнее — внутренним, временное — вечной жизнью и вечной славой. И если тело умирает для греха, если я соприкоснулся Христу — ... уже не я живу, но живет во мне Христос.

Призвание это столь высоко, жертвенно, аристократично, настолько превосходит наши естественные силы, что оно никогда не могло быть уделом большинства, и напрасны риторические опасения, что, если все станут монахами, род человеческий прекратится.

В божественном замысле о земной и небесной духовной иерархии есть подвижное равновесие, высокая гармония, есть место для всякой твари. А времена упадка, царства тьмы и вызваны смещением в них общего центра тяжести вниз, к предпочтению временного, внешнего, плотского, когда человек, как Исав, за насыщение земными благами продает первородство.

Если же и закрыто благовествование наше, то открыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого.

— Если идти вдоль потока влево, по течению, через час выйдешь к Мертвому морю... — говорит Христос, глядя в ту сторону, где ущелье расходится надвое и пропадает за поворотами, словно упираясь в стену. — Вниз по течению — к смерти, против течения — к Святому граду...

Высоко в скале чернеют несколько пещер на одном уровне, и множество других разбросано по обрыву, иногда их передние стены выложены камнем. Трудно представить, что все пещеры когда-то были заселены. И только Богу ведомы пути и судьбы тысяч отшельников. Для нас же толща веков сохранила лишь редкие имена, хорошо, если несколько штрихов к образу, несколько собственных фраз; в исключительных случаях, и это чудо — условный словесный портрет — икону — житие.

— Вон там пещера Ксенофонта... — указывает монах посохом вдаль, — а через поток — пещеры его сыновей Аркадия и Иоанна. Они пришли вме-

Монастырь св. Георгия Хозевита

сте и прожили здесь всю жизнь, но только издали могли видеть друг друга...

Уже все припасы доставлялись в лавру, чтобы не выходить в мир; завели рабочий скот. Все приношения Савва употреблял на строительство лавры. Себе же выстроил на скале башню, в которую из церкви вел подземный ход, и скрывался там для молитвы. Но только приходящий пресвитер совершал в лавре литургию: ни один из боговдохновенных отцов по смирению не дерзал принять священный сан.

Часть монахов, не вмещавших духовной высоты наставника и не способных осознать это как свою вину или беду, взбунтовались против него. Сговорившись, отправились они в Иерусалим к архиепископу Саллюстию и стали просить, чтобы он поставил им игумена.

— Откуда вы пришли? — спросил архиепископ.

— Из пустыни... — отвечали отцы.

— Из какой пустыни?

— Некоторые называют ее пустыней аввы Саввы, — нехотя уточнили они.

— Вы ли приняли Савву к себе, или он вас?

— Он принял нас...

— Если он населил пустыню, не лучше ли ему и управлять вами?

— Он не имеет священного сана, потому не может и быть игуменом, — возразили они.

Архиепископ ответил лжесавваитам по своему разумению. Он благословил их присутствовать на архиерейском служении, призвал и Савву, как будто по другому поводу, и во время божественной литургии неожиданно для всех совершил его хиротонию:

— Господь избрал вам игумена свыше, я же только утвердил избрание.

Вместе с новым игуменом и отцами архиепископ пришел в лавру и освятил созданную Богом церковь, престол и жертвенник.

Это произошло на пятьдесят третьем году жизни Саввы. Еще через три года Саллюстий поставит его архимандритом всех отшельников и келлиотов. Около сорока лет предстоит ему с тех пор нести крест священноначалия над пустыnnиками Палестины и более пятнадцати веков — прозвище, светящееся, как шитая золотом хоругвь.

Пещерная церковь стала тесна, начали строить рядом большой каменный храм Пресвятой Богородицы, — число монашествующих умножилось до ста пятидесяти. И дивные были среди них избранныки Божии.

Иоанн Молчальник пришел из Армении, скрыв ото всех, что уже десять лет был епископом. В Иерусалиме целыми ночами молил он Господа указать ему место для безмолвия, и внезапно увидел звезду, похожую на светящийся крест, и услышал голос: «Если хочешь спастись, следуй за этим светом». Он тотчас покинул дом, и звезда привела его в обитель над Юдолью Плача.

Игумен направил его, как новонаначального, на послушание: много лет епископ в спокойствии духа трудился на постройках, тесал камни и носил воду, варил обед для работников и принимал странников, стал экономом. Потом игумен благословил его на безмолвие, и Иоанн выходил из уединения на литургию, не умея скрыть только дара слез — внешнего излияния сокровенной божественной любви. И лишь когда Савва просил

архиепископа рукоположить Иоанна во пресвитеры, его тайна была возвещена игумену по откровению на молитве.

— Ты сокрыл от меня дар Божий, — без упрека сказал Савва, — но Господь возвестил мне о нем.

— Прости меня, отче... — смиренно поклонился Иоанн. — Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал мою тайну... А теперь скорблю, потому что не смогу оставаться в этом месте.

— Можешь остаться, — светло утешил его Савва, — и тайна твоя останется между нами и Богом.

Иоанн безмолвствовал в лавре и в пустыне до ста четырех лет — и был крепок телом, весел душой, исполнен божественной благодати. Лев сторожил его пещеру, а из положенного на голый камень семени смоквы без воды выросло три плодоносящих дерева.

Иоанн рассказывал Кириллу Скифопольскому, что святой Савва старался исполнить все, что воспринял в образе Евфимия Великого. Отпразд-

новав в январе память святого Антония и через три дня — святого Евфимия, преподобный Савва также уходил на весь Великий пост в пустыню. И жизнеописатель приводит невероятные для обыденного рассудка подробности этого иного бытия.

Однажды в Заиордании, в стране Гадаринской, преподобный поселился в пещере, которую раньше занимал царь зверей. Когда Савва спал, лев вернулся и, ухватив его зубами за край плаща, потащил из своего логовища. Проснувшись, Савва принялся за обычное ночное псалмопение. Зверь удалился на время, пока старец не закончил молитвы и не лег. Тогда и лев вернулся и, снова вцепившись зубами в одежду святого, повлек его вон. Савва же примирительно обратился к нему: «Пещера большая, если хочешь, оставайся со мной. А не хочешь, поищи другое место. Хотя Творец у нас один, но только человек почтен Его образом, и уступить должен ты». Лев так и сделал.

Наш трезво мыслящий современник, пожалуй, скажет, что после того, как преподобный провел полвека почти без пищи, лев просто не нашел в нем ничего съедобного...

Но в этой притче — возвращенный рай, исполнение царственного призвания Адама, дающего имена животным. Пророк Даниил оставался невредимым во рву львином. И у Герасима Иорданского лев пас осла, и отшельник Стефан на Синае кормил с руки леопарда. Святым Серафиму Саровскому и Сергию Радонежскому служили медведи. И Кирилл приводит беседу со львом в детской простоте и вере.

*Тора Искушения. Православный греческий монастырь,
построенный на месте 40-дневного поста Господа
и последующего искушения*

А почему мы считаем своим преимуществом увидеть здесь только окрашенную монашеским юмором притчу?

Источник святого Саввы теперь огражден стенами. Вода незримо сочится из скалы в каменный водоем, наполняя его до краев. Монах разбивает темную гладь ковшом, и наливает воду нам в кружки. А кажется, что надо пить ее из золотых чаш, — так она драгоценна, когда утоляет сильную жажду, глоток за глотком льется в пересохшую гортань, омывает ее прохладой и блаженством, заливая жар. Только в пустыне ощущаешь, что евангельская чаша холодной воды может стать для странника чашей жизни. Еще по кружке выпиваем мы, умываем разгоряченные лица, и пьем снова.

— Агиасма... — говорит Христос довольно. — Святая вода...

Он зажигает лампаду перед иконой Спасителя на стене. А в уголке на столике с подсвечником я замечаю два рисунка из старой книжки, наклеенные на картон — виды лавры.

Посреди монастырского двора — каменная часовня, увенчанная синей полусферой купола, посаженного на низком барабане почти по периметру стен. Зарешеченное окошко; кустики травы по верхним углам, под барабаном. А у входа, обведенного двумя полуколоннами, навеки замер странник в земном поклоне.

— В главном храме — мощи преподобного Саввы, — говорит Христос. — Во время крестовых походов их тайно вывезли католики, но тридцать лет назад вернули. От неугасимой лампы перед мощами вам дали елей...

*Вид Иерусалима с Дамасской дороги
от пещеры пророка Иеремии. 1842 г.*

Я рассказываю, что наш известный паломник А. Муравьев, автор «Истории Иерусалима», упоминал полтора века назад в «Письмах с Востока», как в Венеции целовал нетленные останки Саввы; как потом, когда Муравьев был здесь в лавре, братия позавидовала, что он оказался так близко к их великому ктитору. «О если бы близость сия была и духовная!» — сокрушался паломник. Эта фраза часто проходит в моей памяти, когда неисповедимая милость Божия ведет меня по святым местам.

Рисунок как будто иллюстрирует известную истину, что все монастыри разрастались вокруг великого святого. Часовню окружает внутренний двор, террасами в несколько ярусов размещенный по склону и замкнутый высокими стенами: нагромождение хозяйственных построек, лесенок и келлий, зажатые между ними палисаднички. И надо всем этим царят синий широкий купол и портал главной церкви Пресвятой Богородицы. Навес для тени над порталом; коло-

Богоносцы

колья с большими, до десяти пудов, колоколами, каким-то теперь никому уже не ведомым путем доставленными нашими паломниками из России.

Рядом с часовней — вход в подземную усыпальницу, обычно закрытый тяжелой плитой, с останками савваитов всех времен. Умершего кладут на каменное ложе — иногда на несколько лет, до смерти следующего монаха. Потом кости омывают, совершают над ними панихиду, и прилагают их к другим костям, покоящимся в братской безымянности, — только черепа лежат в ряд на каменных полках. В усыпальнице есть небольшой придел в память четырнадцати тысяч монахов, убиенных в нашествие персидского царя Хозроя в VII веке.

Так часто погребают монахов на востоке, везде, где скалистый грунт не позволяет выкапывать могилы для каждого умершего, — и на Синае, и в монастыре Георгия Хозевита я видела такие нагромождения сухих костей и скорбные ряды безвестных черепов.

Но ни усыпальницы, ни древней иконы Саввы Освященного, ни украшенного внутреннего пространства главной церкви, ни иконостаса, некогда привезенного из Вифлеемского храма, с древними царскими вратами, на которых вместо евангелистов изображены святые Харитон, Евфимий, Савва и Иоанн Молчальник, нам никогда не увидеть. Должно быть, рисунки и лежат здесь на утешение паломникам: все-таки остается некоторое представление о лавре.

На другой выцветшей картинке — терраса над самым обрывом, а на ее краю высится роскошная пальма, посаженная преподобным. Перед ней с

удивлением останавливались многие паломники даже прошлого века: от корня, освященного прикосновением Саввы, на протяжении пятнадцати веков прорастали все новые стволы, хотя ни одно дерево кроме не выросло на скале. Ствол ее охватывали железными обручами, а их приковывали к скале для устойчивости пальмы в грозы и бури.

Пониже прилеплены к горе деревянные келлейки, как ласточкины гнезда, висящие в воздухе между темной бездной долины Страшного Суда и голубой бездонностью неба.

Раньше прилетали и черные птички, похожие на ласточек, монахи кормили их с ладоней. Внизу под террасами, у потока, собирались лисы, сидели, задрав головы, в ожидании брошенных сверху кусков. А на гулкий звон колоколов воем отзывались вдали шакалы.

*Монастырь св. Георгия Хозевита.
Ущелье Вади Келет в 5 км от Иерихона*

— А теперь прилетают птицы?

— Прилетают, но ручных не так много... — отвечает Христос. — Оскудела с веками Иудейская пустыня... или монашеская благодать.

Деревянные келлейки появились в более поздние века, в древности келлии высекали в скалах даже внутри двора — низкие гроты, едва освещенные из входного отверстия, душные во время зноя. При жизни каждый из покоящихся теперь в усыпальнице имел отдельную келлию, где он хоронил себя от мира в покаянии и чаянии освящения.

Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает.

Страницы освященного жития

Тод благодатным игуменством процветала и разрасталась лавра.

Богослужение совершали по субботам в пещерной чудесно сотворенной церкви, по воскресениям и праздникам — в новом храме Пресвятой Богородицы, и всенощные бдения длились с вечера до утра. Отдельно читали молитвы на своем языке многочисленные отцы, пришедшие из Армении, но на литургию все собирались вместе.

Выстроили свою пекарню и больницу, странноприимный дом, выкопали внутри ограды и в долине цистерны для воды. Савва купил дома для лаврской гостиницы в Иерусалиме и Иерихоне.

Умер в Александрии его отец; мать София, распродав большое имение, отдала золото на нужды лавры. В глубокой старости приняла она постриг, прожила некоторое время в пещере за стенами монастыря, которую показывают и теперь, и скончалась в киновии Великого Феодосия.

А со временем Савва Освященный основал, строил и населил еще несколько лавр и киновий

Монастырь св. Иоанна Крестителя на Иордане

в Иудейской пустыне — Кастеллийскую, Пещерную, Семиустную недалеко от озера, куда вначале ходил за водой, Схолариеву, Новую лавру...

Иногда основанию монастыря нечаянно содействовали прискорбные события. Однажды, когда святой Савва долго безмолвствовал в пустыне, те же бунтовавшие против него монахи пришли к новому патриарху Илии:

— Просим тебя, поставь нам другого игумена, ибо нашего авву съели в пустыне львы.

— Я не верю вам... — отвечал патриарх. — Бог этого не допустит. Возвращайтесь с миром и лучше молитесь о своем авве.

К празднику обновления Иерусалимского храма Савва пришел во Святой град. Но узнав о новом коварстве своих гонителей, опечалился и не хотел уже возвращаться в лавру, а просил отпустить его в возлюбленную пустыню. Но патриарх этого не позволил и, написав письмо лукавым савваитам, повелел им покинуть лавру.

Письмо было прочитано в церкви. Бунтовщики пришли в ярость, толпой побежали к башне Саввы, и сокрушили ее топорами, баграми, заступами до основания. Покинув лавру, они ходили по пустыне, но никто не хотел принять их в свой монастырь. Наконец они нашли воду и разрушенные кельи у Фекойского потока, поселились там и бедствовали без церкви, без взаимного согласия и духовного наставника, в нищете.

Узнав об их несчастной участи, Савва навьючил ослов припасами и пошел к своим беглым ученикам. Привел строителей, за несколько месяцев воздвиг церковь, освятил ее и украсил, поставил достойного игумена. Так появилась Новая лавра. А Савва, претворив зло в добро, всех простив и благословив, возвратился к верной пастве.

И не пересказать чудесных событий, составлявших лаврские будни.

Вдруг ночью слышал Савва хор ангелов, совершающих отпевание. Будил отцов, с фимиамом и свечами шли они к востоку от долины Плача и находили в дальней пещере только что умершего отшельника.

Жители небольшого аравийского городка Медавы за Иорданом приходили молиться в лавру, приносили хлеб в зернах и овощи. Один из них, больной старец, отправился в церковь Вознесения на Елеоне, на крутой тропе упал с осла и разбился. Он был при смерти, когда позвали Савву. Святой долго молился, помазал старца елеем, и тот встал исцеленным.

Многих больных и одержимых исцелил Савва, много сокрушенных грехом душ обратил к Богу.

И не только на человеке или звере — на всяком творении мог при необходимости Господь явить через благодатного избранника Свои чудотворные силы, превосходящие законы естества.

Ну, что, казалось бы, можно сделать с тыквой или уксусом? А однажды, когда Фома, внук исцеленного из Медавы, во время голода поздно вечером пришел в лаврскую гостиницу в Иерихоне, где находился Савва, тот попросил смотрителя принести еды и вина. Вина не оказалось, и святой благословил уксус, хранившийся в большой тыкве, как в сосуде, и уксус превратился в хорошее вино. И все воскурили фимиам, потому что явным здесь было посещение Божие, как на браке в Канне Галилейской. Три дня умножалось вино, хотя пили его за трапезой все в гостинице. В другой раз лаврский повар сварил для строителей тыквы на обед, а они оказались горькими. Больше никакой пищи не нашлось, повар побежал к игумену: Савва перекрестил горькую еду, и она стала сладкой.

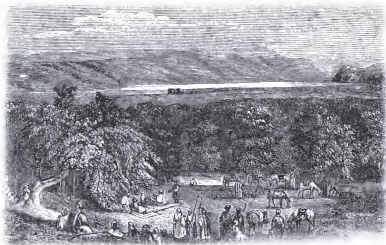
Вот такие истории рассказывали очевидны, Кириллу Скифопольскому, когда после смерти Саввы Освященного он пришел в лавру и стал записывать случаи из его жития. Много было и назидательных историй, вошедших потом в хрестоматии по аскетике и патерики.

Например, шел Савва с учеником из Иерихона к Иордану, и встретились им на пути мирские люди, среди которых была девушка. Когда они прошли мимо, старец спросил ученика:

— Кажется, девица-то кривая на один глаз?

— Нет, авва! — горячо отозвался ученик. — Девица красивая, и оба глаза у нее ясные...

Иорданская долина

— Плохо же ты следишь за своими глазами... — укорил его святой Савва. — Так ли должен инок хранить помыслы и зрение?

Патриарх Илия послал святого Савву с другими игуменами в Константинополь, чтобы утвердить определения Халкидонского собора перед императором Анастасием против еретиков. Пригласив во дворец отцов, император не нашел среди них Савву, — придворные приняли старца за нищего и не впустили: по смирению он одевался в самую плохую одежду. А когда старца с трудом разыскали и привели, император увидел предшествующего ему Ангела.

Пять лет в Палестине были бездождие и голод. Однажды эконо́м Великой лавры пришел к игумену и сказал, что он не может звать к литургии отцов, потому что нет никакой пищи, которую можно им предложить после богослужения. Но

Савва ответил, что нельзя по причинам земным отменять установления небесные. Когда же отслужили литургию, из Иерусалима приехали содержатели гостиниц и на тридцати лошадях привезли печеный хлеб и зерно, оливковое масло, сыр, мед, овощи, наполнили кладовые и устроили отцам большой праздник.

На четвертый год пришли отцы из Пещерной киновии и сказали, что не могут там оставаться, потому что совсем нет воды. Савва благословил их вернуться и исправить водопроводы к третьему дню. На третий день пошел сильный дождь над киновией и наполнил водоемы, хотя ни одной капли не упало в других местах.

На пятый же год пересохли все источники, и бедные в Иерусалиме просили воды, как милостыни. Перед праздником освящения храма Воскресения сам патриарх Иоанн ходил с клириками и народом, копал землю в поисках воды, но не находил. Тогда призвал патриарх, слышавший о чуде в Пещерной киновии, блаженного Савву и просил его помолиться, чтобы Господь помиловал погибающих от голода и жажды:

— Если я согрешил, за что страдает народ?

— Могу ли я отвратить гнев Божий? — отвечал Савва. — Я тоже грешен и слаб. Но будем молиться вместе эти три дня, ибо Господь *посылает дождь на праведных и неправедных.*

На другой день был тяжелый жар. А к ночи подул ветер, засверкали молнии, пошел проливной дождь и наполнились все водоемы, и везде по земле потекли ручьи.

Двадцать с лишним лет святой Савва, назначенный по просьбам монахов архимандритом всех отшельников и келлиотов Палестины, и Феодосий Великий – архимандрит всех киновий, близкие по духу, направляли монастырскую и церковную жизнь. Феодосий Киновиарх умер, когда Савве было девяносто лет. И не осталось другого лица в Палестине, наделенного такой великой духовной властью, таким благодатным влиянием и неоспоримым авторитетом.

Уже правил страной император Юстиниан, и патриарх Иерусалима Петр послал к нему Савву просить об освобождении Палестины от податей. Император выслал свои суда, на которых встречали Савву патриарх Константинопольский и епископы. А когда святой в окружении архие-

*Камень в Назарете, на котором по преданию
Господь разделил трапезу с апостолами*

реев вошел к Юстиниану, Господь, как прежде Анастасию, явил императору сияние благодати над головой монаха. Благочестивый император сам подошел к преподобному, получил его благословение, со слезами поцеловал его в голову. Все, чего смиренно просил святой отец, могущественный властитель Византии исполнил: выстроил в Иерусалиме церковь во имя Богородицы, больницу для странников, а вокруг лавры — крепость для защиты монахов, сверх того дал тысячу золотых монет для лавры и определил воинскую стражу на казенном содержании для охраны его монастырей. А святой предсказал, что за эти дела во славу Божию император завоюет Африку и Рим — вскоре Юстиниан присоединил их к своей империи, вернув ей былое величие.

Когда Юстиниан обсуждал с приближенными подробности палестинских дел, святой Савва отошел в сторонку и стал по памяти вычитывать службу третьего часа.

— Отче, почему ты оставил всех и стоишь в стороне? — спросил лаврский диакон Иеремия, сопровождавший старца.

Старец кротко ответил:

— Они делают свое дело, сын мой, а мы должны делать свое.

С почестями встреченный в Иерусалиме, преподобный Савва посетил монастыри и святые места, долго молился у Гроба Господня и вернулся в лавру. Вскоре он заболел. Патриарх Петр навещал его и не нашел в его келлии ничего, кроме старых фиников и стручков рожкового дерева. Петр благословил перенести святого старца на носилках в Иерусалим и сам ухаживал за ним. Но

Савве было откровение о близкой смерти, и он просил отпустить его обратно.

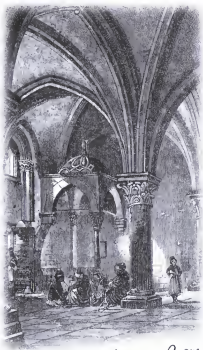
Он завещал хранить его устав и благословил нового игумена лавры, в которой провел пятьдесят девять лет и оставлял пять тысяч монахов.

В последние четыре дня он не принимал никакой пищи и никого не допускал к себе. В субботу приобщился Святым Тайнам и со словами:

— *Господи, в руки Твои предаю дух мой...* — в великом покое закончил долгий срок сурового земного подвига.

Савва Освященный, игумен Великой лавры и архимандрит всех отшельников и келлиотов Святой земли, прожил девяносто четыре года: из них восемьдесят шесть в отшельничестве и монастыре.

Бесчисленные толпы христиан, почетных и безвестных, заполнили лавру и со свечами стояли на холмах вокруг нее, когда Иерусалимский патриарх с сонмом епископов совершал заупокойную литургию и торжественную панихиду. И оглашалась пустыня многоголосым унисонным

Торжица Святой Вечери на Сионе

монашеским пением, претворяющим смертную печаль в гимн благодарения Богу и хвалы:

— *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его... Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа...*

Чудеса и исцеления по молитвам Саввы не прекращались и после его смерти, ибо для Освященных нет непроницаемой завесы между жизнью земной и небесной — у Бога все живы.

Когда через несколько лет открыли гроб, мощи оказались нетленными. И не иссякал источник живой воды в Долине Плача, не иссякал поток монахов и паломников к часовне посреди лавры, где некогда отшельник увидел огненный столп.

Не был ли этот столп и прообразом светонесной жизни, соединяющей землю и небо?

Благословение

 свеженные и утолившие жажду у источника святого Саввы, отдохнувшие в тени, мы поднимаемся вслед за Христом к нижней башне, стоящей чуть поодаль от монастырской стены.

Он сделал для нас все, что мог, мы от души благодарим и записываем на клочке бумаги свои имена — на молитвенную память. — И сына запишите... — подсказывает Христос.

— А я уже записала... — засмеялась я.

И в нечаянном порыве сняла с шеи цепочку с серебряным крестом и протянула его монаху. Крест отлили в Псково-Печерском монастыре по типу древнерусских нательных крестов, он был мне очень дорог, но дорогое для сердца и хотелось сейчас отдать.

— Это мне? — Христос рассмотрел крест, поцеловал его и надел. — Подождите еще немного... десять минут.

Рослая черная фигура быстро удаляется в сторону калитки.

А мы сидим на ограждении глубокого рва, отделяющего башню от стены, и смотрим на лавру, потому что еще не насмотрелись.

Залитая жгучим солнцем панорама холмов, строений и куполов мощно завершается юстиниановой крепостью-башней, в которой монахи могли скрываться от набегов сарацин. Она же служила сторожевой: монах с верхней площадки издали видел пришельцев и кричал вниз, братии, или звонил — в малый колокол. А при встрече архиереев звонили в большие русские колокола. Раньше в башне была библиотека с греческими, армянскими и славянскими книгами, но от нее почти ничего не осталось.

Когда-то на этом месте могли сидеть Савва Освященный или Иоанн Дамаскин — один из великих богоносцев и богословов, принявших постриг в лавре в VIII веке, — и видеть те же купола и колокольню, те же обрывы, охристые холмы, опаленную пустыню. Их житие стало для нас зримым, пусть даже условно зримым... мы коснулись его внешней ограды, и уже это наполняет радостью.

Христос возвращается с тремя открытками с иконы святого Саввы: мы не могли ее видеть, и вот увидели.

— Хорошо? — полувопросительно говорит он. Так хорошо, что все мы смотрим друг на друга с улыбками, и наполняющая радость выплескивается через край:

— *Хорошо нам здесь быть...* — вспоминаются мне вслух слова Петра на Фаворе, и в этом есть своя правда.

— Это благословение святого Саввы... — согласен кивает монах.

Гора Фавор

Мы шли вверх по дороге к башне Юстиниана, когда в воздухе поплыл первый чистый бронзовый звук удара в колокол. Звук еще таял вдали, но его уже настиг другой, такой же глубокий и сильный, и пустынное пространство стало наполняться звоном, как было оно залито светом.

Я взглянула на часы — около одиннадцати, значит, в лавре мы провели всего часа два, а казалось, день прожит до края.

— Почему звонят? К службе стучат в било... Праздника тоже нет...

Замерев на вершине холма, окинув долину прощальным взглядом, мы слушали звон. Он отзывался щемяще родным — памятью о Троице-Сергиевой Лавре, Дивееве, о тех же Печорах Псковских: над нашим земным пространством и временем, которые во зле лежат, как над Долиной Плача, есть единая Великая лавра, и святые всех времен — обитатели ее.

А верующие... Одним позволен вход в алтарь; другие молятся в храме, или, вот как мы теперь,

счастливы тем, что приходят к воротам монастыря и из источников живой воды утоляют неутолимую жажду...

Больше года прошло после моего возвращения со Святой Земли.

Однажды я рассказывала священнику об этом посещении лавры, и он спросил: «А вы не думаете, что не было другого повода для колокольного звона, кроме ваших проводов?» Что если, и правда, это был прощальный царский дар братии — проводить вас, безвестных паломниц из России, звоном русских колоколов?

Я люблю подаренную открытку с древней иконы, в ней есть изысканность, печать мастерства. Савва Освященный стоит на холме над четко прочерченным внизу силуэтом лавры, лежащей слева у его ног; справа тоже условные башенки и ограды — другие его монастыри.

Голова святого с непропорционально большим лбом и тонкими чертами, с серебристыми волосами и бородой, обведена нимбом. Глаза под длинными линиями бровей; бездонный, проникающий душу, сосредоточенный и спокойный взгляд. Высокая фигура облечена в темно-зеленый плащ, расходящийся сверху и открывающий синий аналав — часть схимнического облачения — с вышитым красным голгофским крестом. Под аналавом — золотистый подризник, словно пронзанный изнутри светом. Правая рука с длинными перстами поднята для благословения, в левой — посох и полуоткрытый свиток монашеского устава. Плащ полуovalом обводит фигуру снизу, создавая обрамление, освещенное от фигуры свя-

того, и эти отсветы лежат на холмах, на стенах и башнях.

Никогда при жизни не носил святой Савва, принятый за нищего у императорского дворца, такой одежды, — это прекрасное одеяние его небесной славы.

Икона обрамлена клеймами. В верхних — поясная фигура Христа и с двух сторон — Богоматерь с Младенцем. В боковых клеймах — образы патриархов, святителей, отшельников, столпников, мучеников и святых жен, стоящих по двое, но обращенных к центральной фигуре Саввы, над их нимбами неразличимые на открытке надписи имен.

А по нижнему краю — две группы святых, представляющих бесчисленное и непоименованное множество обитателей пустыни, населенной ее Освященным архимандритом, как святой град. И благословляющий жест Спасителя повторяется в благословении святого Саввы, обращенном к окружающим и предстоящим, к земле и миру.

«Слово *благословение* происходит от благого слова. Если же хотите узнать, откуда происходит благое слово, где его первоисточник и глубочайший корень его силы, то найдете, по указанию божественного тайнозрителя Иоанна, что *в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков* (Ин 1:1–4).

Человек сотворен по образу Божию... и в даре слова он получил нечто по образу творческого Слова Божия... Та самая жизнь или сила, которая есть в Боге Слове, сделалась светом человеков. Внутренний свет человека проявляет себя в слове.

Итак, поскольку Бог Слово сказал, и *стало так* (Быт 1:6), и это было *хорошо* (Быт 1:8), то не удивительно, что и человек, когда он находится в возвышенном состоянии образа Божия... из глубины благодати сердечной изрекает слово, и оно действует, оказывается могущественным, творит благо.

...Слово Божие, являясь ли открыто в устах людей, приближенных к Богу, или действуя сокровенно из сердец их, творит чудесные дела, некоторым образом подражающие творческим действиям Бога.

...Благословлять, в наивысшем значении этого слова, значит простирать действие Божия Слова на Божии творения.

...Святые, как сосуды, очищенные верой и духовными подвигами, исполненные благодатью, отвержаемые любовью и переливающиеся, являются... живыми потоками благословений, неистощимо текущими и орошающими. Благословение Христово непрестанно льется в них и переливается через них... Оно изливает свет и мир в души, исцеления в тела, подавая благу помощь повсюду, невидимую, но обильную и разнообразно плодотворную небесную росу на землю».

Эти слова, прозвучавшие для меня как откровение, принадлежат Филарету, митрополиту Московскому, недавно причисленному Церковью к лику святых.

Под этим благодатным верхним светом я вижу с пронзительной болью в глазах и сердце нашу горькую опустошенную землю.

*Народ Мой был, как погибшие овцы; пастыри их со-
вратили их с пути, разогнали их по горам; скитались
они с горы на холм, забыли ложе свое.*

Все, которые находили их, пожирали их, и притеснители их говорили: «мы не виноваты, потому что они согрешили пред Господом»...

...Израиль – рассеянное стадо; львы разогнали его; прежде обедал его царь Ассирийский, а сей последний, Навуходоносор, царь Вавилонский, и кости его сокрушил...

Господь открыл хранилище Свое и взял из него сосуды гнева Своего...

Как дальний благовест, как чистый колокольный звон, освящающий землю от пустыни Святого града до края нашей земли, я слышу превечное Слово, ловлю отзвуки и отражения Его. Но потом с той же пронзительной болью слышу наш некогда великий, могучий и прекрасный русский язык, теперь – осовеченный, омертвевший, бездуховный, изолгавшийся и оскверненный.

Прежде великая – литература заговорила на языке сквернословия. Это не восстание ее против распада, но обнаружение собственного падения, узаконенного как норма оскверненного падшего существования. От избытка сердца глаголют уста, святое место пусто не бывает, и души, утратившие все святое и тем уподобившиеся носителям темных сил, от своего избытка изливают на землю смертоносные яды разложения.

Слово, лишенное благодати, – это убиенное слово.

Изображение мира, лишенное достоинства иконы, – карикатура на мир.

Икона может изображать и Распятие, смерть Бога, оплакивание Христа – самое трагическое в мире, но она знает о Воскресении.

Иначе приходит на память бердяевское: «Дьявол есть изолгание бытия». И в окружающих нас псевдореальностях — мнимой свободе и свободной мнимой любви, мнимом реформаторстве во имя мнимого будущего блага, мнимом мире во время убийства тысяч безвинных стариков, солдат и младенцев, все явственнее проступают искаженные черты того, кто *есть лжец и человекоубийца от начала*, и подобия его — человека беззакония, переставшего быть иконой Бога.

Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня...

*Время Господу действовать: закон Твой разорили.
А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого...*

...Дивны откровения Твои; потому хранит их душа моя...

...Призри на меня и помилуй меня, как поступаешь с любящими имя Твое.

Утверди стопы мои в слове Твоем и не дай овладеть мною всякому беззаконию...

...Правда Твоя — правда вечная, и закон Твой — истина...

...Вижу отступников и сокрушаюсь, ибо они не хранят слова Твоего...

...Основание слова Твоего истинно, и вечен всякий суд правды Твоей.

Да приблизится вопль мой пред Тя, Господи; по слову Твоему вразуми меня.

Да приидет моление мое пред лице Твое; по слову Твоему избавь меня.

Уста мои произнесут хвалу, когда Ты научишь меня уставам Твоим.

*Язык мой возгласит слово Твое, ибо все заповеди Твои
праведны.*

*Да будет рука Твоя в помощь мне, ибо я повеления
Твои избрал.*

Жажду спасения – Твоего, Господи...

Жажду спасения Твоего...

СВЯЩЕННЫЙ ПАТМОС

Очертания монастырей в пейзаже

*Я, Иоанн... был на острове,
называемом Патмос.*

Откр 1:9

Три часа ночи паром подошел к острову Патмос. В глубокой тьме сокрыты город и где-то далеко в горах — древняя крепость монастыря, куда мне предстоит добраться. Сияющая огнями громада «Далианы» отваливает. Пассажиры, сошедшие вместе со мной в бухте Скала, исчезают с причала, призрачно подсвеченного фонарями. Только на стоянке машин еще движутся тени: два грека в подрысниках садятся в джип. Не едут ли они в монастырь? — спрашиваю я. Один из них отрицательно качает головой, давая понять, что и в монастырь не едет, и по-английски не понимает. Джип трогается, но через несколько метров останавливается рядом с последним уходящим пассажиром. Тот подзывает меня и переводит с греческого на английский:

Очертания монастырей в пейзаже

— Они говорят, что монастырь открывают для туристов только в десять утра.

— Жаль... Я так надеялась успеть к воскресной литургии...

Мои почти незримые собеседники совещаются и предлагают по пути меня подвезти. Больше мне нечего и желать.

— А не лучше ли подвезти вас к гостинице?..

— Спасибо... Лучше к монастырю. Я подожду: вдруг ворота откроют раньше.

Миновали спящую улицу, выхватывая светом фар из тьмы то белизну стен, то яркую роскошь бутенвиллей и сосен. Поднимались по пологим виткам шоссе между черными склонами гор и тенями деревьев. На поворотах открывался глубоко внизу горящий силуэт «Далианы», повторенный в глянцевой черноте воды. С каждым поворотом он казался все меньше.

Остановились на маленькой площади, тесно окруженной домами со слепыми окнами. Грек с моим багажом, не оборачиваясь, пошел вверх по вымощенной улице, по каменным ступеням, я едва успевала за ним. Над нами вырастала в небо крепостная стена.

Вот и монастырские ворота — окованные, наглухо закрытые. Грек звякнул ключами, и в створке ворот раскрылась дверца. Еще десятка два крутых ступеней, замкнутый неосвещенный монастырский двор. Мой спутник, так и не проронив ни слова за всю дорогу, жестом указал на раскрытую дверь церкви и растворился в темноте.

Переход с палубы в храм совершился так быстро, будто я чудом преодолела разделяющее их

Синай. Монастырь апостола Иоанна Богослова

темное пространство и прошла сквозь толщу крепостных стен в иное измерение. Так приходишь после зимней стужи в тепло деревенского дома, наполненного запахом свежее испеченного хлеба и чего-то неуловимо родного. Воздух храма гущен запахами воска и кадильного дыма, полутенями, огоньками лампад и свечей, их отсветами на позолоте. И тень укрывает завернутые в мантии фигуры, неподвижные в стасидиях вдоль стен.

У аналоя, приподняв переплет книги и близко держа огарок свечи, старый монах читает и поет, заканчивая всенощное бдение. Пламя просвечивает насквозь его белую бороду, озаряет красные буквы на восковом листе. Монах поет грубоватым голосом, но с той неподдельностью интонаций, которая свойственна монашескому пению, особенно византийскому, — я слышу его впервые после Синая.

Очертания монастырей в пейзаже

Зажигается огромное низко свисающее из-под купола паникадило, раскрываются царские врата. Священник перед престолом воздевает руки:

— Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа...

Монастырь вознесен на верхушку горы посреди острова и Эгейского моря. И с крыши раскрывается необозримая панорама светящейся синевы. Воды и воздух насыщены сиянием еще незримого солнца. Горизонт замкнут в кольцо, — но так долго обводить его взглядом, что он размыкается в бесконечность. Только холмистые силуэты островов, плывущих над утренней дымкой, разрывают великую монотонность морского простора.

От крепостных стен по окружностям спускаются белые домики Хоры, главного поселения острова. Три мельницы, за древностью утратившие крылья, стоят, как спящие стражи, на краю обрыва. Ниже — зеленые и желтые склоны нисходят до бухты Скала, глубоко врезанной в берег. Неподвижные рисовые зернышки яхт разбросаны по синему зеркалу бухты, по ее берегам раскинут белый город. И дальше — пустынные холмистые берега, изрезанные заливами...

Если долго стоишь на высоте над осиянным простором, Патмос начинает казаться плывущим по беспредельности кораблем, а монастырь — его жилой надстройкой. Откуда и куда он плывет?

«Есть она весь велика, стояща посреде острова, на високой горе, на прекрасномъ месте, отнюдуже всюду окрестъ зрится море и ини раз-

личнии острови, и корабли, издадече пловущии... Бистъ же тамо домовъ яко пятьсотъ, иже суть лепи и крепки зданиемъ, наипаче же внутри украшении многими сосуди, зерцали и иконами... Обретається же тамо монастырь велик и леп, с высокими окрестъ стенами, посреде села стоящъ, аки град, сицево изображение имущъ, якоже zde зрится, на верху гори, на високом месте и прохладном, отъ-

Монах Александр, построивший церковь на Патмосе

онуду же всюду тамо окрест на море зрится. Созданъ же во имя святого Иоанна Богослова, иждивением и помощью благочестиваго царя Алексия Комнина, тщаниемъ же преподобнаго отца Христодула новаго, его же и мощи тамо обретаются», — повествует Василий Григорович-Барский в «Странствованиях по святым местам Востока с 1723 по 1747 годы».

«Сицево изображение» начертано тонким пером неутомимого странника на отдельном листе, со тщанием и любовью, к велиему утешению читателя. «Зде зрится» чудная крепость с высокими башнями, куполами, зубчатыми стенами, поддержанными мощными контрфорсами.

Крутая каменная лестница ведет от крепостных ворот к кубикам домов с плоскими крышами, прилепившихся к подножию крепости. В каждом

Очертания монастырей в пейзаже

кубике нарисовал Василий по двери и крохотному квадрату окна, некоторые дворы обвел особыми малыми крепостными стенами. Поселение — прообраз теперешней Хоры — украшено собственными церквушками. Над их крестами мельчайшими греческими буквами процарапано: «Великая церковь Пресв. Богородицы», «Св. Василий», «Св. Георгий», «Св. Онуфрий». По склонам горы прочерчены пунктиры тропинок.

А из верхнего угла «изображения», из-за кудрявых облачков, смотрит вниз круглый лик солнышка с точками глаз, штрихами бровей и уст, ниспосылает лучи на всю благолепную картину, — и над ним, чтобы не было разночтений, тоже узорный венчик надписи: «Восход солнца».

Подлинный пейзаж отличается от изображения открытостью в бесконечную даль, насыщенностью светом и цветом.

Вместе с диаконом Симеоном я вхожу в пейзаж по высеченным в каменистом склоне ступеням, по узким вымощенным еще в XI веке улочкам. Есть праздничность и сказочность в извилистых улочках, стекающих с горы, в чисто побеленных стенах со свежевыкрашенными в ярко-синий или светло-коричневый цвет обрамлениями дверей, окон, распахнутых деревянных ставень. Пасхально-красная герань на известковой белизне стен, гранатовые деревца и розы в палисадниках... От одной стороны улицы до другой можно достать раскинутыми руками. И медленно поднимающийся ослик озвучивает ее цокотом копыт и задевает штaketник перекинутыми через спину мешками. На втором ослике,

сзади, едет загорелый крестьянин в широкополой соломенной шляпе и клетчатой выгоревшей рубашке, ведет за повод третьего осла, груженого золотой соломой.

— Калимера! — распахивая ресницы и сияя глазами говорит дьякон.

— Калимера... — степенно отвечает крестьянин, и его осел прижимается к стене, уступая нам дорогу.

— Это Васос, — объясняет диакон, провожая процессию взглядом. — Он с утра до ночи работает на огороде... там, под обрывом, у моря. А его дочь каждый день спускается из Хоры ему помогать... очень хорошая дочь.

С кудахтающей курицей на руках выглядывает из закрытого двора седая женщина, вся в черном от платка до чулок и туфель. Увидев Симеона, бросает свою пленницу, выходит приветствовать нас, вытирая о платье руки.

— Калимера, Мария... А это Валерия, она приехала из Москвы...

Мария взмахивает руками, что-то громко восклицает, приглашая нас выпить кофе, поощрительно поглаживает меня по плечу:

— Ортодокса?

— Ортодокса... — отвечаю я.

Вот мы и знакомы, потом я буду приветствовать ее у этих ворот, а она неизменно спрашивать: «Кала истэ?» — то есть, все ли у меня хорошо.

Симеон принял на себя мой багаж и груз забот по моему поселению. Он вышел в рясе, камиллавке и, утомленный начинающейся жарой, присаживается на ступеньку посередине спуска:

Вид на Скалу и Хору. Литография, 1878 г.

— Отсюда виден монастырь Зоодохос Пиги — Живоносный источник. Там три старых монахини живут...

Напротив возвышается другая гора, чуть пониже, на ее верху обведен белой стеной монастырь пророка Илии. Дорога между горами ведет к женскому монастырю Евангелизмос — Благовещения, — куда мы и держим путь.

Диакон показывает еще восемь базилик по склонам, каменных, побеленных, с полуовальными сводами и деревьями в оградах. Называет каждую по имени, и явно доволен тем, что их так много и все видны сразу. С любой точки острова можно видеть несколько церквей, — на Патмосе их больше, чем дней в году. Часто церкви строятся по обету: например, моряки обещают построить ее святителю Николаю, если он сохранит их на море. А многие жители острова в молодости были моряками, пока оставалась надежда поймать за морем счастье.

Я смотрю на монастырек пророка Илии, на эти часовни, на поставленные в круг по скошенному полю скирды. Невдалеке по зеленой поляне бродят лошади, отгоняя хвостами слепней. Привязанный к разросшемуся кактусу ослик обреченно стоит на солнцепеке с открытыми неподвижными глазами, как будто всем своим видом говоря: «Такая у меня грустная участь, — что поделаешь, я уж смирился...»

Стадо коз, коричневых с белым, резво поднимается по ступеням. Пастух останавливается, приветствуя нас, козы блеют и встают на задние ноги, спеша обглодать ветки деревца. На шее у каждой козы болтается колокольчик, иногда раз-

мером с литровую банку, и все они вразнобой издадут веселый медный звон.

Монастырь Благовещения тоже похож на крепость из каменных глыб. Его корпуса в два-три этажа уступами нисходят по скалистому склону, повторяя причудливый рельеф. Верхняя площадка внутреннего двора густо зелена от расставленных на террасах и вдоль стен пальм в кадках, цветущих лимонных деревьев, белых лилий. Сверху по стенам в нижний двор ниспадают вьющиеся стебли с золотисто-коричневыми гроздьями глициний, и оба дворика залиты сладостным ароматом.

Высоко над обрывом поднимается дивная византийская церковка, как будто парит над ним, — белая, с красным племовидным куполом, белым шестигранным барабаном и красными скатами черепичной крыши. Окна и дверь церкви открыты, и двор заполняет пение женского монашеского хора. Еще идет литургия: в монастыре Иоанна Богослова ее начинают в четыре утра, только для братии, здесь — в семь, для жителей острова и всех приезжающих с разных концов света.

Каменные арки с пиками чугунных решеток в проемах ограждают край церковного двора от глубокого разлома земли под ним. Весной по оврагу несутся с гор бурные потоки, образуя каскады водопадов. Сейчас они пересохли, изломы скал, обнаженные или поросшие кустарником, ниспадают к зеленой долине с апельсиновыми рощами и садами. А за ними до видимого края мира простирается синее море.

Часовня Богоявления. Натмос

Выходит после литургии отец Илия, духовник монастыря, и затрудненно, но по-русски, говорит мне, что на месте прежней гостиницы монастырь строит храм, потому что в их церкви народ не умещается; осталась только одна гостевая келлия, и я могу занять ее дня на три. Послушница в темно-синем платье и такой же косынке выходит со мной за ворота, — они закрываются до следующего богослужения, — и провожает до моего пристанища, чистой келлии с зарешеченным окном в виноградник.

Пещера Апокалипсиса

Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего...

Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа.

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний...

Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников

и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом;

глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; ...и голос Его, как шум вод многих.

Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей.

И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний,

и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи от ада и смерти.

Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего.

Этот лик Сына Человеческого, преображенный и просиявший, как солнце, Иоанн Богослов еще юношей увидел на Фаворе.

Тогда ученики Иисуса испугались и пали ниц; и теперь святой Иоанн *пал к ногам Его, как мертвый.*

Но если *пал к ногам*, значит, они стояли на этой земле и это земля святая?

Невольно приходят на память слова Иакова, когда увидел он на пути в Харран лестницу, соединяющую землю и небо, ангелов, восходящих и нисходящих по ней, и Господа на верху ее;

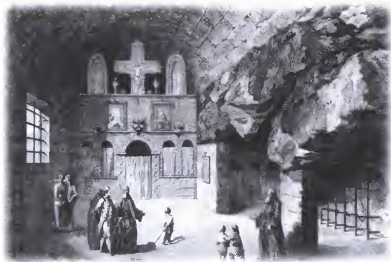
Истинно Господь присутствует на месте сем, а я не знал! ...Как страшно сие место! это ничто иное, как дом Божий, это врата небесные.

И вспоминаются слова самого Бога из Неопалимой Купины:

Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

В «Житии и хождении Иоанна Богослова», славянском апокрифе, говорится от лица ученика апостола — Прохора: «Исшедше же изъ града яко до три поприщъ на месте безмолвне обретохове пещеру и пребыхове дний десять».

А посетивший ее более ста лет назад наш известный литургист и знаток Восточной Церкви Алексей Дмитриевский оставил такое описание:

В пещере Апокалипсиса. Гравюра 1782 г.

«Грот Апокалипсиса находится как раз на половине дороги от пристани к монастырю, в недалеком расстоянии от самой дороги. Снаружи он покрыт постройками, посреди которых возвышается изящный купол главного храма в честь св. Анны... Вход в этот грот из храма св. Анны отделан в виде тяжелого драпри... поддерживаемого посредине низкою массивною колонною. Храм Откровения представляет естественную, из известкового камня темно-серого цвета, совершенно необделанную пещеру, приспособленную, однако же, для богослужебных целей. По стенам пещеры стоят стасидии, впереди небольшой и весьма невзрачный иконостас с тремя наместными иконами, в алтаре в углублениях пещеры устроены престол и жертвенник...

Грот весьма небольших размеров... На самом потолке грота есть три довольно заметные бо-

розды или полосы, которыми разделен он на три части. По местному преданию, образовались эти полосы от того «великого землетрясения» (Ап 6:12), которым сопровождалось созерцание сокровенных тайн Божиих великим тайновидцем. Близ алтарной преграды на правой стороне есть небольшая впадина или выбоина в пещере, происшедшая, как утверждает то же предание, от падения св. апостола, как мертвого... Грот Апокалипсиса сохранился в своем настоящем виде с XI века».

...До двадцатого, могли бы добавить мы. Нет только «тяжелого драпри», пещера освещена из церковных окон, выходящих на склоны и бухту под ними. А на углубление в стене почти над самой землей, обведенное столбиками невысокой медной ограды, более достоверно указывают как на место, где покоилась голова апостола Иоанна во время сна. Показывают и другую, размером с ладонь, выемку в стене, на которую он мог опереться, вставая.

Эти стены, некогда опаленные огнем Откровения, повторены на бесчисленных иконах и фресках. На темном фоне пещеры сидят убеленный сединами старец и его ученик. Святой Иоанн весь обращен в слух: голова чуть склонена к плечу, ухо внимлет высшим сферам, откуда Десница Божия направляет почти незримые лучи; золотые отсветы неба лежат на его челе и одеждах. Прохор, с лицом юношески кротким, но отрешенным, сосредоточенным, записывает его слова; свитки сложены в плетеную корзину.

О чем пророчествуют эти свитки самой таинственной из боговдохновенных книг, с которой познание и время не сняли семи печатей?

В ее грандиозной панораме прошлое, настоящее и будущее сплавлены в символы вечной реальности. Они раскрывают трагическую суть всемирной истории как борьбы зла — против Истины, Красоты и Блага; антихриста — против Церкви Христовой в мире; дьявола и его темных сил — против Бога, ангелов и народа Его. Это священная история бытия и конца мира. И разрешение безысходного земного трагизма за пределами истории — в царстве трансцендентном, царстве Божием, где нет ни страдания, ни смерти, а только жизнь бесконечная...

Пещера, в которой Иоанн Богослов получил Откровение

В эту священную историю вписаны все наши судьбы, и она отражена в каждой судьбе. В ней раскрыт и смысл нашей свободы — как выбора между именем Бога — и начертанием, или именем зверя. Ибо в жертвенной любви Своей Бог дал нам такую свободу, что мы можем ответить Ему полнотой взаимной жертвенности и любви, или всей дарованной Им жизнью и дарованной Им свободой — Его распинать.

Можем и не сделать выбора, остаться между станами, как большинство смертных. Но тогда и Он вправе сказать:

О, если бы ты был холоден или горяч!

Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

Не потому ли и так несчастен человек, что утратил единственное непреходящее богатство и обнажен от благодати?

Вот и я с другого края света пришла к тебе, апостол святой любви, с последней надеждой, что ты примешь меня на своем священном острове, «ныне обнищавшее мое не презришь сердце»...

Скит на берегу залива

Найдя дорогу к трем храмам, под вечер первого долгого дня я ищу и дорогу от храма к морю. Еще начало мая, но каменистый склон порыжел и дымится от жара. Подсыхают и горько пахнут ветки мелкого кустарника, желтеют на голых камнях маки. Ограда из нетесаного камня ломаной линией тянется вдоль оврага от монастыря к садам у моря. Там, в зелени деревьев, белеют два домика поодаль один от другого, но безлюден склон горы и безлюдна полоса берега глубоко внизу.

Через полчаса крутого спуска выхожу на этот пустынный берег, длинной дугой охватывающий залив. Ровная лазурь до горизонта кажется выпуклой, как стекло в оправе из крупных береговых камней. Прозрачная вода застыла без ряби, пены и всплеска, и в ней отчетливы очертания дна и неподвижные стебли морской травы.

За видимым краем залива открывается череда пустынных бухт под скалистыми обрывами, я уплываю как будто за земные пределы... Опаленная кожа погружена в прохладу, тело теряет весо-

Скит на берегу залива

мость, разум — груз памяти. И освобожденная душа плывет по синей бездне моря — под синей бездной небес, между прошлым и будущим, между небытием и вечностью, растворяется в безмолвии.

От берега сады отделены длинной стеной из не тесанного камня. Сквозь проем виден склон горы и на нем осененный деревьями белый дом

*Пиргоо, удаленная кафизма у моря,
в которой автор книги провела несколько месяцев*

в зарослях красной герани. Дом как будто выстроен из больших кубиков. Три из них уложены по склону в неровный ряд, на крайний кубик поставлен еще один, в виде угловой башни, а над средним белеет куполок с крестом. Это «кафизма» — удаленный скит с церковью, жилище отшельника, место уединения и молитвы. Ставни закрыты, скит кажется заброшенным. Меня неодолимо влечет рассмотреть его, и с замиранием сердца я прохожу по тропе сквозь сухую траву.

Сад обведен бамбуковыми зарослями и смоковницами. Над землей едва приподняты круглые края семи колодцев. Пологие ступени, высеченные в скале, ведут между кустами герани, сплошь облепленными роскошными красными шапочками цветов, ступени усыпаны их лепестками. И нигде — никого... Но сквозь окошко часовни видна горящая лампада перед потемневшим образом: значит, кто-то приходит сюда ее зажигать...

Долго сижу я за дощатым столом, полинявшим, растрескавшимся от зимних дождей и летнего зноя, возле часовни, не могу насмотреться на разлив пасхальной герани, бордюр из виноградной лозы вдоль ограды, на морскую даль за ней.

Медно-красное без лучей солнце медленно планирует по безоблачному небу на пик горы у края дальнего острова Икария. Море обрело невиданный опаловый цвет, но по всей его блеклой глади разлиты мерцающие блики. Постепенно эти искрящиеся разливы пламени сливаются в единый поток, он становится уже, уже. Вот он превратился в огненный столп, пересекающий море и соединивший Патмос с погрузившейся в тень Икарией. Вот спустившийся пламенный шар

Патмос

коснулся острия горы, чуть сплюснулся, словно пронзенный им, истекающий лавой. И гора выгравировала на раскаленном диске свой пирамидальный силуэт...

Дневной жар истаивает, воздух насыщается красноватым закатным светом. Все очертания — кроны смоковниц, раскинутые лопасти кактусов — становятся резкими, но теряют объемность и теперь кажутся призрачными. Земля и море погружаются в тихое предчувствии сумерек.

И все впечатления первого на Патмосе дня сливаются в нечаянную мысль: «Господи, дай мне пожить в этом доме у моря. Ты знаешь, как я тоскую об этом...»

Вскоре монах Александр — бывший артист, навсегда переселившийся на Патмос, дал мне хороший совет: попросить, чтобы епископ благословил меня пожить в одной из пустующих кафизм. Диякон написал от моего имени прошение. Епископ

ответил, что такое разрешение может дать только совет старцев, но соберется он через день или через неделю, никто не знал. Я сняла комнату и терпеливо ждала, хотя срок моей визы уже подошел к концу. Разрешение было получено через месяц. Симеону поручили проводить меня в кафизму Пиргос — Башню, указали направление: спуститься к монастырю Благовещения, а там спросить. Мы прошли тем же путем, по которому я впервые вышла на берег. Гречанка Григория оставила работу в саду и привела нас в Пиргос.

Это был тот самый скит из белых кубиков с куполком, окруженный зарослями герани и осененный смоковницами на склоне горы над заливом.

Я вспомнила, что просила об этом не только земную духовную власть, — и поразилась.

Скит на берегу залива

Строки из свитка истории

Почти не осталось сведений о первых веках, когда скалистый, раскаленный, необитаемый остров служил местом ссылки преступников на рудники или каменоломни. Но как и другие острова Эгейского и Ионического морей, лежащие на путях между Италией, Грецией и Турцией, Патмос становился все более привлекательным для каждой из этих стран по мере развития мореплавания. В глубокой бухте Скала, закрытой от обозрения с моря и от штормовых ветров, находили убежище пиратские суда и турецкие галеры, пересекавшие спокойное в пять летних месяцев море между островами.

В конце XI века остров посетил известный пустынный Христодул. Много лет он подвизался в монашеских центрах Малой Азии, на островах Латрос, Строволос и Кос, но вынужден был покидать свои обители из-за турецких набегов. Он странствовал по Святым местам Востока, связан- ным с земной жизнью Христа, так прибыл он и на Патмос. Его поразили прекрасный пустынный остров — всего шестнадцать километров в длину

и не более десяти в ширину, безлюдный, окруженный морем, словно созданный Богом для отшельничества. И Христодул отплыл в Константинополь, чтобы испросить у императора позволение на строительство монастыря.

Одну из стен монастырской сокровищницы украшает длинный, почти от потолка до пола развернутый свиток. Он потерт на сгибах и пожелтел по краям, местами подклеен, но прекрасно сохраняет текст, написанный со всеми изысками греческой каллиграфии. Бегущий сверху вниз строй черных строк заканчивается витиеватой красной подписью императора Алексея Комнина со множеством его титулов и перевязью с его золотой печатью. Эта драгоценная реликвия и есть дарственная на остров, освобождающая монастырь от податей и повинностей «на все времена».

Она датирована 11 апреля 1088 года — с этого дня и начинается собственно монастырская история. Эта история вершится на фоне заката Византии: середина XI века —

*Преподобный
Христодул Патмосский,
основатель монастыря
Иоанна Боголюбца.
1610-1629 г.*

схизма между Востоком и Западом, его конец — нашествия норманов на Грецию и ее острова. Войны на северных границах — с печенегами, на западных — с норманами, на восточных — с турками-сельджуками разрушали гигантскую империю, к правлению Алексея Комнина ее владения совпадали с границами Константинополя.

Игумен оставался и правителем всего Патмоса, если не официальным его губернатором, то первым из димархов, народных старейшин. Правила монастырской жизни он основал на строгом древнем уставе святого Саввы. На острове не разрешалось селиться мирским людям, кроме мужчин, нанятых для строительства. Но население росло вместе с монастырем. Уже через три года игумен был вынужден принимать рабочих, прибывших с семьями. Для них отводились места в удаленной части острова: рабочие не покидали монастырь пять дней, но на субботу и воскресенье уходили к семье. Монахам запрещалось посещать эти дома; только эконо́м вместе с двумя братьями заходил в поселения по благословению игумена, если же делал это без разрешения, подвергался эпитимии — двадцати дням сухоядения и воздержания от вина.

Но умножались селения и расширялись земли, отведенные под огороды и пастбища, богатели островитяне. В бухты все чаще заходили морские пираты и турецкие галеры. Завидев их издали, женщины и дети скрывались в горах, и разбойники грабили опустевшие дома, угоняли скот. Нападали они и на монастырь, монахи тоже спасались в горах, иногда оставляя на произвол судьбы старого игумена. К концу жизни, не обрета и здесь

Остров Патмос. Венецианская гравюра. 1571 г. покоя, он вынужден был покинуть Патмос: испросил у императора еще один остров — Кос, основал там монастырь и вскоре там скончался.

Только через девятнадцать лет после основания обители — около 1117 года — закончилось возведение ее неприступных стен, — монастырь стал надежным убежищем для братии. Вопреки завещанию первого игумена, мирянам разрешили се-

Строки из свитка истории

литься вокруг монастыря, чтобы их семьи могли укрываться за крепостными стенами при набегах.

Прежде почти необитаемый Патмос, лежащий между островами Эгейского моря и Критом, недалеко от берегов Малой Азии с Эфесом, Милетом и Смирной, со временем превращался в базу Византийского флота. На судах доставляли сюда заморские товары, вокруг пристани Скалы разрастались ряды восточного базара. Каменистые земли, орошаемые кровью и потом, начинали обильно плодоносить. У монастыря появились свои суда, они беспощинно торговали в пределах византийских морских просторов и выходили под монастырским флагом.

Но на владение этими просторами посягали Венеция и Генуя, которым часто служили капитаны пиратских судов. К концу XII века Патмос и близлежащие острова захватили сицилийцы-норманы.

В 1204 году крестоносцы завладели Константинополем.

А через два с половиной века этот священный город был взят турецкими войсками и стал столицей Османской империи. Четыре века православный восток находился в турецком пленении. И хотя Патмос оставался владением монастыря, его обитатели несли на себе иго иноверцев.

С точки зрения завоевателей христиане были «неверными», хотя Коран признает Иисуса Христа великим пророком, чтит ветхозаветных праведников, и «высочайший фирман» Магомета позволяет христианам оставаться христианами. Если судить по этому указу, можно удивляться ве-

ротерпимости турок. Партиарху и епископам дана свобода управлять делами, создавать школы и даже судить свою паству по греческим законам. Церковь может открыто совершать богослужения, крещения и отпевания, праздновать Пасху. В обязанность христиан вменяется лишь уплата завоевателям «хараджа» — ежегодной поголовной подати, но священнослужители от податей освобождены, а их личности — неприкосновенны. В ведении игумена Патмосского монастыря остались сбор и уплата дани, забота о благосостоянии и безопасности жителей острова, по его благословию заключали браки и разрешали мирские споры.

На самом же деле, «невозможно описать все страдания, унижения и настоящие гонения, которые пришлось пережить Церкви в эти действительно «темные» века. Все «права»... были совсем не «правами» в нашем смысле этого слова, а милостью султана... В религиозной истории ислама христиане были «райя» — скот, побежденные, неверные, и никаких прав, никакого гражданства им не полагалось иметь... Очень скоро Османская империя вступила в период государственной «деморализации», и в ней воцарились произвол, беспринципность и подкуп. Султаны обирали своих пашей, а те обирали христиан. Жаловаться же было некому, — пишет Дмитриевский. — Положение заметно ухудшилось в XVII и XVIII веках — самых безотрадных в церковной истории... В иных местах дело доходило до поголовной резни христиан. Бунты янычар сопровождались страшными кровопролитиями. Они оскверняли храмы, рубили мощи, профанировали Св. Дары.

Христианские погромы становились все более и более частым явлением... Вся вторая половина XIX века прошла под знаком христианских восстаний и кровавых расправ со стороны турок. Началась эпоха открытой борьбы и резни в еще небывалых размерах».

И освобождение от турок до сих пор празднуется почти как Пасха Господня.

Благословенная роща

— о начала всех дел нужно получить благословение старца, — говорит диакон и ведет меня из библиотеки в келлию на балюстраде монастырского двора. Убеленный сединами архимандрит Павел в белом подряснике сидит за столом и читает письма: они приходят со всей Греции, и он на все отвечает.

Большая келлия с двумя окнами залита светом. На столе икона преподобного Серафима Саровского, иконостас в углу, книжные полки от пола до потолка, кровать под белым покрывалом.

Отец Павел благословляет меня. Медленно ступая, идет в переднюю комнатку и возвращается с плодами сваренного в сахаре зеленого инжира на тарелке и бутылкой воды. Он мог попросить диакона сделать это. Но подает угощение сам — традиция греческого монашеского гостеприимства: прежде всех разговоров хозяин хочет послужить вам, кем бы вы ни были и с чем бы ни пришли.

Они садятся рядом на диван в простенке между окнами, два монаха, один в начале, другой

в конце крестного пути. Что-то Бог откроет мне в судьбах этих Своих избранных? Все кажется, стоит разгадать какую-то тайну и найдешь пути к уподоблению...

Диакон в черном подряснике, смуглый, черно-волосый и чернобородый. Темные глаза еще затенены ресницами и тяжелой оправой очков. Только когда он снимает очки, в тонких чертах и взгляде открывается что-то по-детски незащищенное. И не верится, что ему не восемнадцать лет, а тридцать три года, что он окончил философский факультет в Салониках и уже шесть лет в монастыре.

Ото всей крупной, плотной, сутулящейся под бременем лет фигуры старца веет благожелательностью и покоем. Белые волосы отливают соломенной желтизной. По контрасту с этим обрамлением лица черные глаза кажутся молодыми и живыми. Глядя в это зеркало чужой души, думаешь, что душа не стареет: что ей, бесплотной, тяжесть усталой плоти? что ей отравленные стрелки времени, если она бессмертна?

Мы ведем замедленный разговор о монастырской жизни: дьякон переводит с английского на греческий и наоборот. Старец рассказывает историю из своего детства. Он родился в 1914 году на Патмосе, недалеко от монастыря. У соседей были двое детей, их отец уехал на заработки в Америку, и от него не было вестей. Мать продала все, что имела, чтобы прокормиться. Осталась их единственная икона — большой Нерукотворный образ. Некий иностранец оставил задаток и обещал на другой день взять икону.

— Вечером мать сказала, чтобы дети в последний раз перед ней помолились. Они узнали, что

Четыре всадника Апокалипсиса. Латинское

икону завтра увезут, стали упрекать мать и плакать. И вдруг мальчик заметил, что из глаз Спасителя тоже льются слезы. Сбежались соседи, все видели чудо. Я тоже видел его своими глазами... семьдесят два года назад — мне было десять лет. Образ остался дома, позже он был завещан монастырю и стоит у нас в алтаре. А письма и деньги вскоре пришли от отца. Один из сыновей уехал к нему на Миссисипи. Второй стал священником, как и я...

Вместе с другими мальчишками, выросшими вокруг монастыря, будущий монах Павел прибегал сюда по праздникам и будням. Один из девяти детей в бедной крестьянской семье, он не имел никакой надежды получить образование. Но отец Амфилохий, духовник Богословской школы при пещере Апокалипсиса, у которого он исповедовался и которому прислуживал в алтаре на литургии, помог поступить учиться. Мальчик хорошо закончил начальные классы и три года высшей богословской школы. Шло время итальянской оккупации; власти не разрешали постригать в монастырь новых братьев. Но когда отца Амфилохия избрали игуменом, он тайно совершил четыре пострига, — так его послушник в девятнадцать лет стал монахом Павлом.

— Наша Церковь скоро причислит отца Амфилохия к лику святых. Он был великим молитвенником... Дважды получил я священный дар жизни: от родителей — по плоти, от старца — жизнь во Христе...

Диакон снимает с полки две книжки об отце Амфилохии: одну из них написал отец Павел. Это первые прочитанные Симеоном книги о монашеской жизни. Потом в Салоники приехал отец

Апостол и евангелист Иоанн Богослов. Патмос

Павел, студенты попросили его встретиться с ними. Он читал вслух «Филокалию» и на каждую тему вспоминал рассказы из Патериков: сразу знакомил с теорией и практикой молитвенной жизни. Симеон приезжал в монастырь — отец Павел стал его духовным отцом...

Благословенная роща

А на фотографии в книге молодой человек в рясе и камилавке, продолжающей линию высокого лба, облокотился на планширь парохода. Его взгляд обращен в даль перед кадром, даже легкий наклон фигуры как будто выражает напряженную устремленность.

— Это отец Амфилохий в первом паломничестве...— Симеон протирает очки, волнуясь и теряя ход английских фраз. — В молодости он очень хотел уехать в Иерусалим, охранять Гроб Господень. Епископ послал его на остров Кос, чтобы рукоположить в диаконы, а он испытывал такой священный страх перед хиротонией, что сбежал на Святую Землю...

Другая фотография кажется иллюстрацией к Новому Завету. Молодой Амфилохий, тоже в камилавке и подряснике, с перекинутой через плечо рясой, с посохом наливает из кувшина воду детям у источника святого Христодула. К кувшину протянула большую кружку девочка лет пяти, меньше других детей на две головы. На жаждущей самарянке короткое пальтецо, клетчатая юбочка, ботинки с вязаными носками, — в Греции это одежда для января с его Великим крещенским водосвятием. Бритоголовый мальчик с чашкой на протянутой ладони в ожидании воды глядит в горлышко кувшина. Другой, постарше, лет двенадцати, в подпоясанном подрясничке, не сводит благоговейного взгляда с опущенных глаз монаха, — в этом темноглазом мальчике я узнаю будущего архимандрита Павла.

А его духовник, тогда еще в возрасте Иисуса, разливающий святую воду, похож на Христа у колодца:

...Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

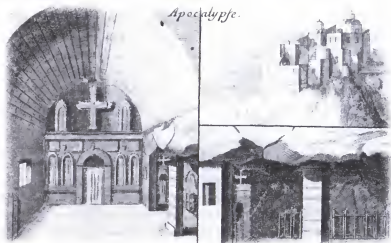
Отец Павел рассказывает, что раньше гора между монастырем и пещерой Апокалипсиса была безлесной, как почти все горы острова.

Некогда, еще в 1088 году, Николай Цанци, придворный нотариус и описатель Цикладских островов, обошел остров и нашел его «совершенно пустынным, необитаемым, покрытым терновником и другими сорными травами, неприступным, по местам безводным и совершенно сухим, потому что на всем острове не было найдено живой воды или текущей, за исключением весьма немногих колодцев...» Плодородной земли очень мало, — писал он, — «и эта земля сдавлена и стеснена множеством беспрерывно тянущихся гор... все же прочее должно обрабатываться лопатой и заступом с потом и кровью и состоит из скал, утесов и гор. Мы не видели на нем даже ничтожного кусочка какого-либо дерева — садового или дикого...»

Почти через семь веков Василий Барский очень похоже опишет патмосскую природу: «Есть бо островъ нагъ, и мало поля имущъ, точию все гори каменнии, сухи и бездревнии, и мало от древа садовнаго и от семень раждает, прочия же вся приносятся отъ инныхъ, окрест обстоящих острововъ...»

И еще век спустя Дмитриевский сравнит Патмос в летнее время с упомянутой в Апокалипсисе *большой горой, низвергнутой в море и пылающей огнем, на которой третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.*

Апокалипсе.

*Монастырь св. Иоанна Богослова и пещера Апокалипсиса.
Травюра 1817 г.*

С мая по сентябрь каменистая растрескавшаяся земля острова раскаляется жгучим солнцем. В это время совсем нет дождей, которые могли бы напоить и оживить пересохшие корни. Нет здесь ни рек, ни озер, вокруг которых на других островах зеленеют оазисы.

И вот отец Амфилохий, исповедуя семинаристов, стал благословлять их посадить в знак покаяния дерево. Его восхищало отражение божественной красоты во всем творении, но больше всего он любил деревья. Сосны здесь не росли, он сам привез саженцы с зеленого острова Кос, и жители Патмоса поначалу называли их «амфилохиями».

Кающиеся семинаристы и поливали свои саженцы в засушливые месяцы, носили ведрами воду, — так он учил их выращивать и все доброе в самих себе. А если кто сокрушал добрую поросль, духовник гневался и налагал эпитимию — посадить три сосны.

Сам он не мог слышать без слез, что где-то погибли леса от пожара. Он любил персидскую поговорку: дерево, которое ты посадил, это восходящая от земли к небесам молитва. И повторял, что вырастить дерево на их камнях — значит умножить надежду и жизнь, стать сотрудником Божиим в преображении мира.

Сейчас роскошный парк из пяти тысяч высоких сосен и кедров разросся на склоне, их давно не надо поливать, они сами удерживают весеннюю и дождевую влагу. И путники, одолевающие крутой подъем в монастырь, спешат укрыться от палящего солнца в зеленой прохладе между колоннами сосновых стволов, чаще всего и не догадываясь, что это разросшиеся деревья послушания.

Отец Павел подсчитывает вслух: вот уже шестьдесят два года он в монастыре. Через десять лет после пострига его рукоположили в священники, он изучал богословие в Афинском университете и двадцать семь лет сам преподавал его в школе Апокалипсиса.

За эти десятилетия его ученики тоже посадили много деревьев и триста семинаристов стали священниками — от благословенных корней на древней земле Эллады разрослась целая священная роща.

Первая встреча с патмосским монахом

одним патмосским монахом я встрети-
лась в Англии несколько лет назад. Мы
пили чай в церковном доме православ-
ного прихода в Оксфорде. Из окна, за газоном и
деревьями, можно было видеть церковь, где
только что кончилось богослужение на грече-
ском языке. Мой собеседник — Петр Бутенев,
выпускник богословского факультета Оксфорд-
ского университета, американец по гражданству
и русский по происхождению, жил в этом цер-
ковном доме все годы учебы. Он рассказывает,
что такого прихода больше нет: на одном пре-
столе совершают литургию священники двух
юрисдикций — Константинопольского и Москов-
ского Патриархатов. Служат одно воскресенье
на греческом, другое — на английском или цер-
ковнославянском. Русский приход возглавляет
священник-американец, а греческий — англича-
нин.

Петр начал говорить, как тот нашел путь из
традиционной англиканской семьи в правосла-
вие, как стал епископом:

— Но лучше, если бы он сам рассказал вам это. Владыка — мой профессор богословия. Я мог бы вас представить... и быть переводчиком.

Я охотно положила на его мнение: Петр был в родстве с аристократическими фамилиями Оболенских и Трубецких, лучшие русские черты сквозили в его интеллигентности, обращенности к духовному, к тому же он прожил пять лет в Англии и хорошо знал Владыку.

В те годы после многих посещений русских монастырей мои паломничества продолжились по православным монастырям Франции, Англии,

Во время богослужения. Патмос

позже Америки и Святой Земли. Везде я встречала людей, обратившихся в православие из других конфессий, и за неповторимостью каждой судьбы мне хотелось увидеть суть этого духовного движения.

Так случилось, что дня через три мы были приглашены к епископу Каллисту Уэру. Владыка никого не принимал больше, чем на час; поскольку нас двое, и перевод отнимет половину времени, он уделял нам два часа, но Петр посоветовал сразу точно поставить вопросы. Я поставила их заранее, еще по пути.

Открыла дверь мать епископа, милая старушка с аккуратной укладкой седых волос. Она провела с нами те минуты, на которые мы пришли раньше. Утопая в кожаном кресле и кутаясь в шаль, она с застенчивой радостью поведала, что недавно сын принял ее в православие. Ей было за восемьдесят пять лет, почти полвека они с сыном молились в церквях разных конфессий, но теперь она была вправе надеяться, что за порогом дней окажется с ним в одной обители.

Стремительно вошел Владыка, провожая студента и встречая нас, — сидящий, высокий, с живым блеском темных глаз, в подряснике с плетеным монашеским поясом. Благословил широким крестом, жестом пригласил в кабинет.

Я вижу Каллиста Уэра за большим письменным столом на фоне шторы, зелени за окном и многоярусных стеллажей с книгами вдоль всех стен и до потолка. Серебряная и золотая вязь тиснений на переплетах сливается в узор — особенно драгоценный потому, что весь этот строй книг на современных и древних языках относится к высокой сфере богословия. И атмосфера, в которую я вошла, ка-

залась насыщенной духовным светом, мерцанием ауры тех, кто избрал на узком монашеском пути свою еще более узкую стезю — ученого монашества.

— Но моя встреча с православием не была книжной... Мне было семнадцать лет, я учился в колледже. Готовился поступать в университет. Однажды в воскресенье после полудня я гулял по Лондону и увидел церковь, которую никогда раньше не замечал. Я вошел и остановился у стены. Сначала было впечатление пустоты — нет привычных для англиканской или католической церкви скамеек, статуй, лепнины, витражей — пространство гладкого пола, большая темная пустота. Потом глаза привыкли к темноте, я заметил лампы, иконы... Заметил людей, всего несколько человек. Начиналась вечерня, и незримый хор пел на незнакомом языке.

Не знаю, сколько времени так прошло, может быть, час... Но следующим моим впечатлением стало, что эта пустая церковь наполнена. Что тихое богослужение, которое здесь совершалось, — часть чего-то всеобъемлющего, и есть незримый чин молящихся с нами. Это было очень интенсивное ощущение молитвы, благодатный небесный дар, которого я не заслужил и к которому не был подготовлен. Я не понимал ни слова по-славянски, но чувствовал всем существом, что здесь мое место, здесь я у себя дома. Я не заметил, как долго там был, — я был как будто в другом мире. Помню впечатление шока, когда вышел на улицу, услышал шум машин, увидел огни реклам, — я забыл, что это существует.

Гораздо позже я прочел в рассказе посланцев князя Владимира о византийском богослужении

Откровение Иоанна Богослова. Пятков. 1596 г.

в Константинополе, что было это «несказанно, и странно, и умом непостижимо», только поняли они, что Бог живет там среди людей. Позже прочел и у Хомякова, что Церковь соединяет Царство небесное и землю, всех живых и умерших, и ангелов... Но ощутить все это мне было дано в то первое посещение православной церкви.

Это была церковь святого Филиппа, бывшая англиканская, тогда единственная православная церковь в Лондоне. До того служили только в часовне при русском посольстве, но ее закрыли в 1923 году. А в 1924 англикане подарили православным эту церковь. Теперь и ее снесли.

После этого первого визита я вернулся в свой колледж и должен был присутствовать на воскресных службах в англиканской церкви. Но русскую посещал каждую субботу. Хор был маленький и очень скромный, так что мои впечатления никак нельзя объяснить византийской торжественностью богослужений. Я по-прежнему не знал ни слова ни по-русски, ни по-славянски, и многое еще было непонятно. Например, почему-то в одну субботу служили два священника с длинными бородами и дьякон, в другую — один священник, тщательно выбритый, без дьякона. Позже я узнал, что бородатые относились к Зарубежной церкви, один из них — будущий митрополит Виталий — впоследствии ее возглавил. А бритый оказался иеромонахом Антонием Блумом, который потом стал митрополитом Московского Патриархата. Они совершали поочередно богослужение на одном престоле, но уже не имели между собой евхаристического общения. Отец Виталий даже демонстративно освящал

престол каждый раз после отца Антония и именовал его «священником сатаны».

Но и все это меня не остановило, хотя пришлось ждать еще шесть лет, чтобы перейти в православие. Вообще это очень трудно — перейти из традиционной для твоей семьи, среды и соотечественников веры, я не знал прецедентов. К тому же долго не было перевода православных богослужебных и святоотеческих книг на английский язык.

Я принадлежал к Высокой Церкви — в англиканстве она наиболее близка к православию. Она признает реальность преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа во время литургии, а не только символическое значение этого действия. У нас много общего в догматических и нравственных основах. Но меня все более смущало различие мнений в англиканской Церкви, в которой наряду с Высокой Церковью равные права имели и самые «либеральные» течения. Пока я был англиканином, я считал истинным то, что я принимал как Истину. Но на Западе были свои отклонения в католицизме, протестантизме...

И для меня оказалось очень важным понять, что православие сохраняло полную преемственность изначальной апостольской Церкви — Священную Традицию. Здесь я верую так, а не иначе, не потому, что так верую я, а потому что такова вера всей Церкви.

Я уже читал «Добротолюбие» и те книги, которые нашел на английском языке. Влекли меня и глубины мистического богословия Восточной церкви, пламенность веры и откровения святых отцов. Судьбы новомучеников, страдания Церк-

ви при коммунистах казались явлением этой жертвенности и силы духа. Все это резко контрастировало с охлажденной европейской религиозностью.

В Оксфордском университете я изучал античную литературу и философию, латинский и греческий языки, и так пришел в греческую церковь. В 1958 году в греческом соборе в Лондоне епископ принял меня в православие. Но я по-прежнему чувствовал глубокую любовь к русской Церкви, и епископ-грек направил меня к русскому духовному отцу.

Это был отец Георгий Шереметьев, урожденный граф, офицер Белой армии. В эмиграции, в конце собственной жизни он стал священником. Служил в лагерях для русских беженцев в Италии, в Лондоне стал духовником монастыря. С ним мы могли общаться на английском языке, он много рассказывал о жизни в русских усадьбах, о русской культуре. Принадлежал он к Зарубежной церкви, что не мешало ему видеть ее узость. И когда я стал думать о священстве, он не благословил принимать его от «зарубежных» иерархов, советовал остаться в греческой Церкви.

Новый греческий епископ Афинагор просил меня стать его секретарем. В 1965 году он направил меня на Патмос, я прожил год в монастыре святого Иоанна Богослова, и в течение этого года был рукоположен в иереи и принял постриг. Я остаюсь патмосским монахом, посещаю монастырь каждый год, у меня есть там своя келлия.

Но мой епископ настаивал, чтобы я вернулся в Оксфорд и основал греческий приход. К тому же я всегда чувствовал призвание к ученому мо-

Откровение. Центральная часть фрески. Палатос

нашество и был рад, когда меня пригласили преподавать на факультете богословия в Оксфордском университете. Сфера моей любви и неиссякаемого интереса — это патристика, восточные отцы. Каждый год я читаю цикл лекций по одному из великих греческих отцов — Григорию Паламе, Максиму Исповеднику, Симеону Новому Богослову. По учениям каждого из них можно раскрыть догматическое и мистическое богословие, неповторимость религиозного опыта и его универсальность. Но каждый год я читаю и общие циклы лекций — о Троице, об Иисусе Христе.

У нас на богословском факультете я — единственный православный, но меня избрали его деканом. Мне совершенно очевидно, что Православная Церковь — истинная Церковь Христа, у нее вся полнота веры. Но в других конфессиях есть направленность к Истине, в нашей стране и в мире их никак нельзя игнорировать, от них нельзя изолироваться. Друзья-англикане огорчены моим уходом, но теперь принимают это как должное. Я не порвал с ними и не изменил дружбе, как не порвал с миром. Я не пропагандирую им православие, но стараюсь свидетельствовать о нем.

Помните, Павел Флоренский говорит о мучениках и святых, что они — свидетели Царства, которое есть сердцевина святости и оправдание жертвенности? Мы можем не стать ни мучениками, ни святыми, но если мы христиане, мы призваны свидетельствовать... Это наш крест и привилегия — в меру сил явить свою веру всеми добытыми знаниями и дарованным духовным опытом.

В прихожей прозвенел звонок. Владыка встал, поднимая руку для прощального благословения. Стрелки стенных часов показывали ровно час: пришел тот следующий за нами человек, с кем сегодня готов был разделить свои знания епископ Каллист.

Церковь над обрывом

Новая церковь в пасхальном облачении: на царских воротах завеса чистого красного цвета, красные с золотым шитьем покровы на аналоях, красные свечи в подсвечниках. Отец Александр с пушистой серебряной сединой бровей и бороды, в пасхальном стихаре вычитывает вслух вечерню. А я с особенной силой за эту вторую неделю на Патмосе ощущаю, что еще длятся светлые дни между Воскресением Христовым и Троицей.

Вечерню он начал в три часа дня, как в монастыре. И когда мы возвращаемся в гостиную после службы, за раскрытой дверью сияет жаркий день.

Дом и церковь, слитые воедино, стоят на выжженной макушке горы, над высоким обрывом. С порога видны каменные ограды козьих загон, огромная голубизна над ними, огромное море внизу и едва голубеющий сквозь марево горизонт.

На пороге младенческим сном спит рыжий щенок. Другие щенки и котята сонно бродят по

Церковь над обрывом

солнцепеку, с первых дней усвоив, что переступать порог церкви им запрещено.

Гостиная не похожа на келлию — журнальный столик под красной салфеткой, мягкие кресла, вазы с сухими цветами, на стенах фотографии в рамках.

На одной молодой человек в распахнутой на груди расшитой рубашке с широкими рукавами и широким поясом, в плотно облегающих бедра и ноги трико, в сапогах до колен, взлетает в прыжке метра на полтора над сценой, откинув голову и раскинув руки. На другой — крупным планом его лицо с широко расставленными глазами и густыми бровями, взгляд слишком напряжен, как будто молодой человек весь устремлен наружу.

— Да, это был я... — говорит монах Александр, поставив на салфетку высокие стаканы с холодным апельсиновым соком и усаживаясь в кресло. — Мой артистический псевдоним был известен в Греции и в европейских столицах — в Париже, Мадриде, Лиссабоне: «Николас Николсон — танцы народов мира». Я выступал с греческими, испанскими, французскими танцами, с русскими, даже цыганскими и африканскими.

Три года назад у меня умерла сестра. Она была намного старше меня и любила меня, как мать. И я до сих пор люблю ее, не знаю, почему. После похорон я остался один, только смерть еще стояла рядом, и мое сердце было черным от горя.

Начиналась Страстная неделя. Я читал Евангелие и очень хотел причаститься в Страстной Четверг, вместе со всеми православными. Но уже сорок лет я не причащался. Я был крещен, но

Одна из 365 церквей и кафедр острова Наттос

жил, как живут артисты — курил, пил, не отказывал себе в развлечениях и удовольствиях, и никогда не был счастлив.

В Великую Среду я пошел в церковь, но понял, что не смогу причаститься, не исповедовавшись за всю прошедшую жизнь. Я не знал священника, с которым мог бы говорить так долго. И ночью, в сокрушении вернувшись из церкви, решил, что мне ничего не остается, кроме как говорить с Богом. Впервые в жизни я преклонил перед Ним колени. Я вспоминал грехи, камнем лежавшие у меня на сердце, каялся и плакал, как ребенок, — не знаю, откуда у меня взялось столько слез. Наконец, я изнемог и лег отдохнуть.

Вдруг я почувствовал, что кровь как будто вытекает из меня, и жизнь уходит. Скоро я совсем перестал ощущать себя, как если бы был парализован или умер.

И тогда вдруг пришел великий свет. Я видел только свет и ничего больше. Ничего подобного не случалось в моей жизни, я видел только этот

Церковь над обрывом

свет открытыми глазами, но по-прежнему не чувствовал своего тела.

Свет медленно уходил, жизнь возвращалась в мое тело. Я ощутил мир в душе и уснул.

А на следующее утро принял Святое Причастие. Я чувствовал себя так, будто родился в другую жизнь.

Еще долго я не понимал, что я ощутил присутствие Божие.

Сквозь слезы в покрасневших глазах монах Александр смотрел на взлетевшего над сценой Николаса Николсона.

— Сейчас, простите, я посижу молча. А вы, если хотите, посмотрите видеофильм о моем доме. В последние годы я уже не танцевал, был импрессарио для известных артистов, они у нас собирались... ну, вы увидите.

Он включил телевизор и вставил кассету. Я смотрела странный фильм, в котором сначала не было действующих лиц и ничего не совершалось, но камера с прощальной любовью обходила комнаты и залы. Греческие вазы, лиможские, китайские сервизы, изысканные и дорогие, стояли за стеклом на стеклянных полочках, как стоят Чаши в сокровищницах монастырей. Камера обводила взглядом фарфоровые супницы с пейзажем или куртуазной сценкой, крышки с нимфами, тарелки, молочники, чашки, — прежде чем перейти к другому сервизу с танцующими пастушками, с коронами и монограммами, замками или парусными кораблями. Взору зрителя предлагались детали обстановки, инкрустация и резьба по дереву на буфетах, столах, зеркалах, картины в

рамах, музыкальные инструменты — от рояля до гобоя, танцевальные костюмы. Затем он, зритель, мог прочесть тексты дипломов и рассмотреть фотографии танцевальных ансамблей. А в это время переполненное подробностями пространство кадров озвучивали записи Фрэнка Синатры или Жильбера Беко, Софии Вембо, Марии Каллас, выявляя музыкальные вкусы хозяина дома.

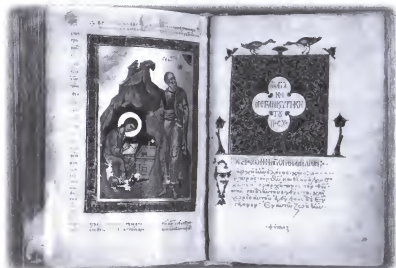
Появились действующие лица — актеры, актрисы, певицы, танцоры. Они входили с букетами роз, сидели за бокалами вина, улыбались и обнимали хозяина, как будто длился нескончаемый прием, на котором каждый играл роль, а все вместе не забывали о кинокамере. Хозяин в парадном костюме или в рубашке навыпуск с закатанными рукавами, сидел за столом без улыбки, подперев кулаком облысевшую голову с высоким покатым лбом и бритым подбородком, медленно двигался в кадре. И все усиливалось впечатление, что ему тяжело двигаться среди бесчисленных предметов из стекла и фарфора, трудно держать голову и поднимать веки. Экран погас на последнем кадре — простом добром лице умершей сестры в траурной рамке.

— Вам понравился мой дом?— спросил отец Александр.

— Ваш теперешний нравится мне больше...

— Да, жизнь продолжалась, но она стала иной. Я оставался один в этом большом доме, никого не хотел видеть. По-прежнему я чувствовал скорбь об умершей сестре. Однажды, дней через десять после причастия, я так сидел и читал жития святых. И вдруг, как будто вне зависимости от меня

*Рукописное Евангелие. Апостол Иоанн Богослов диктует
о своему ученику Прохору Откровение.*

Монастырская библиотека. Патмос

и того, что я читал, в мой ум вошла мысль, очень отчетливая: «Оставь все и иди на Патмос». — «Когда?» — спросил я, как бы ожидая от кого-то решения. И получил ответ: «Завтра, послезавтра, оставь все и иди на Патмос».

Конечно, я знал об этом монастыре, но никогда здесь не был. Предложил одному другу поехать вместе. И на литургии в монастыре святого Иоанна Богослова услышал тот же внутренний голос: «Построй здесь церковь и дом».

Я пришел к игумену Исидору и рассказал ему всю свою прежнюю жизнь и все, что случилось после смерти сестры. Я просил дать мне место на острове для церкви и дома, — после моей смерти они останутся монастырю. Игумен видел меня в первый раз. Сказал, что это должен решить син-

клит, совет старцев, а мне нужно вернуться в Афины и ждать.

Друзьям в Афинах я говорил: даже если я не смогу построить на Патмосе церковь, я останусь там навсегда. Начал распродавать старинное серебро, хрусталь, персидские ковры, лиможские сервизы... За неделю набралось четыре миллиона драхм, на постройку церкви требовалось в пятнадцать раз больше. Мне предстояло продать все остальное, даже дом — сжечь мосты. Я просил: «Господи, напomini игумену обо мне, я не могу оставаться здесь дольше...» И однажды пришло письмо: совет старцев благословлял меня строить церковь.

Я поселился в монастыре, нашел это прекрасное место на верху горы и сразу остановился на нем. Заложили фундамент. Владыка Исидор говорил: «Если хотите, монастырь выстроит вам дом и церковь», но я должен был сделать это сам. Через восемь месяцев все было построено.

А на Рождество игумен постриг меня в монахи.

У меня не осталось ничего, кроме этой маленькой церкви и двух комнат при ней. Я живу, как отшельник, и без конца повторяю слова благодарности Богу. Я чувствую Его в своем сердце, и теперь в нем — великий покой. Впервые в жизни я так покоен и счастлив. Мне кажется, что с каждым днем этой тишины я становлюсь ближе к Богу. И каждый день здесь как продолжение Пасхи...

Продолжение Пасхи

Большая карта Патмоса на фоне Эгейского моря вот уже полтора года висит у меня на стене — одна из моих любимых карт континентов, морей, архипелагов в океане, звездного неба. Остров причудливо изрезан заливами, с высоких перешейков я видела их на западе и на востоке одновременно. Разбросанными по горам и долам крестиками отмечены главные церкви, — всего же их так много, что никто не мог назвать точное число: столько же, сколько дней в году, около четырех сотен.

Пунктиром я обозначила свои пути — вдоль дорог, без дорог через горы к этим затерянным церквям и кафизмам, по всему побережью. А крестик на береговой дуге Кипоса, залива Садов — это мой скит. На некогда безводном острове старец Амфилохий искал воду и нашел ее здесь в изобилии, монахи выкопали колодцы и посадили смоковницы, груши, гранаты — на карте залив и долина названы Садами Преподобного.

Долина обведена полукольцом гор, на их вершинах — вдали Великий монастырь, поближе —

Благовещения; прямо над моим скитом церковь отца Александра. Рядом с ней — древняя, под византийской племовидной крышей Панагия Грива с соснами, эвкалиптами, виноградниками и кустами роз за каменной оградой, мимо которой я всегда поднималась по крутой тропе к перевалу. С обрыва высотой метров в двести открывается захватывающий дух вид на море и плывущие вдали острова. А в купах деревьев под горой можно рассмотреть белую башенку скита, куда из любой точки мне хотелось поскорее вернуться.

О Панагии Грива и ее обитателях — поколениях монахов, выстроивших ее и вырастивших на горячих камнях сад, как и о многих других кафизмах и монастырях я еще не успела написать. И не потому только, что после возвращения в Россию понемногу истаял светлый покой, осенявший мой скит у моря.

Прожитое на священном Патмосе неисчерпаемо, как не исчерпана словами и благодарная память о прежних паломничествах, странствиях и плаваниях.

До сих пор я вижу, как вместе с Григорией мы впервые вошли в сухую тьму жилья, пустовавшего двадцать пять лет, открыли ставни. Окно распахнулось в закат — расплавленный диск опускался над ост-

Патмос

ровом Икария, заливая необъятную синеву медным блеском. Внизу под окном все еще цвела герань, и смоковницы у ограды погружались в подсвеченные сумерки.

Я обвела взглядом темные балки потолка, пустую комнату, стены с обвалившимися кусками штукатурки. Электричества в доме не было. Не было никакой мебели, кроме забытого столика, никакой посуды.

— Жить можно, — выговорил Симеон с полувопросом, — крыша есть... Но наверное, отцы лет двадцать сюда не заглядывали и представляют дом по-другому...

А у меня не возникло сомнений. Много лет мне снилось огромное светоносное пространство воды, иногда его отделяли от меня какие-то мосты, переходы, иногда оно подступало к самым окнам; всеми силами души я жаждала погрузиться в эти живые воды, но что-то всегда их заслоняло, отдаляло. И так же давно ждала я погружения в безмолвие. Ни на один день я не хотела покидать скит из страха, что его отнимут, отправят меня в другой, по общему мнению, более пригодный для обитания.

Ложу устроили из досок, подняв их на метр над полом и укрепив на выступающих балках в стене. Григория вымыла пол. Уже в темноте, проводив Симеона, она вернулась с ведром родниковой воды, — в моих колодцах вода застоялась и для питья не годилась. Принесла Григория подушку, одеяла, со счастливой улыбкой извлекла из пакетов свежий хлеб и овечий сыр.

А когда и она ушла, я поднялась на плоскую крышу. Каменные стены моей комнаты продол-

жала надстройка, — потому эту часть дома и называли башней — Пиргос. Ее крыша приходилась вровень с основанием небольшого купола — церковка под этим куполом и вся другая половина скита отделялась глухой стеной и теперь была заперта и необитаема.

Вскоре две причудливые тени проследовали вверх по извилистым тропам вслед за огоньками фонарей — это Григория со своим отцом Васосом взбирались на ослах в Хору. На всем погруженном во мрак берегу с его заброшенными садами я осталась одна.

Надо мной уже сиял сонмами звезд небесный свод с бледным разливом Млечного Пути и знакомыми по другим морям и широтам созвездиями. Как ангел-хранитель с огромными в размахе крыльями, летел в опрокинутой синей бездне Лебедь, неизменно паривший надо мной во время переходов через Тихий и Атлантический океаны. Опускался в море прозрачный парашют Волопаса. Дельфин, играя, вынырнул из неземной высоты. Чисто и драгоценно сверкал в ней венец из семи звезд Северной Короны. И звездным светом призрачно светилось пустынное пространство моря, огражденное черными силуэтами береговых скал.

Позже площадка рядом с куполом, напоминавшая верхний мостик на больших судах, стала местом моего постоянного пребывания на закате и в начале ночи. Их сияющая мгла, безмолвная торжественная красота отстаивалась в душе небывалым покоем.

Море даже в глухую тьму светилось изнутри мириадами малых жизней. Они на мгновение

*Вид на залив
и кафиэту Ниргос*

вспыхивали вокруг, окружали синим мерцанием мое тело, когда я уплывала от берега, и угасали в глубине, оставляя впечатление тайны.

Между тем, из монастыря святого Иоанна Богослова через несколько дней Григория с отцом доставили на ослах мой багаж. К нему были добавлены два плетеных стула, постельное белье, газовая плитка и кое-какая кухонная утварь, свечи, канистра с оливковым маслом — все насущное.

Раза два в неделю на раннем рассвете я проходила несколько километров сначала в гору, потом с горы в Скалу за хлебом и продуктами, которые могли храниться в тяжелый зной без холодильника, а возвращалась уже по жаре.

Питьевую воду Григория черпала для меня из своих глубоких колодцев преподобного Амфилохия. Ни я по-гречески, ни она по-английски или тем более по-русски ни слова не понимали, но легко объяснялись знаками. С утра до вечера эта кудрявая тридцатилетняя гречанка в выгоревшем

Продолжение Пасхи

халате и широкополой соломенной шляпе под палящим солнцем вскапывала, пропалывала, окучивала, поливала пересохшие грядки. При редкостной душевной щедрости и достаточной привлекательности она и замуж не вышла, наверное, только потому, что у нее не оставалось ни сил, ни времени на личную жизнь. Но каждый день она успевала забежать ко мне или оставить у двери в плетеной корзинке свежие плоды своих трудов, — по мере их созревания мой стол украшали то помидоры и огурцы, то арбузы и желтые дыни.

Потом на лопастях огромных кактусов у моей ограды стали наливаться оранжевым, багровым соком колючие сладкие плоды. И под узорными листьями смоковниц появилось множество дымчато-синих подвесок.

Каждое воскресенье на рассвете я поднималась по козьим тропам и уступам скал в монастырь Благовещения. На литургии прекрасно пел женский монашеский хор. Духовник монастыря, сменивший старца Амфилохия архимандрит Илия, после Патмосской школы много лет назад окончил Парижский Богословский институт, и еще не забыл русский язык. Иногда он говорил со мной о молитве, о монашестве как скорбном и блаженном пути к святости. Вспоминал архимандрита Киприана Керна и других своих наставников, знакомых мне по их книгам или нашим встречам в Париже, — и я с тайным удовлетворением отмечала, что сильные волны русского религиозного рассеяния достигли и этих берегов.

Едва ли не каждую неделю праздновали престол в каком-нибудь большом или малом монастыре, в одной из четырех сотен церквей. На торжество прибывал епископ Исидор — высшая духовная власть на Патмосе — со свитой священников в расшитых облачениях. А православный народ собирался со всего острова — ехали на машинах, на ослах, приплывали на катерах, шли пешком, неся по горным тропам детей и корзины с сыром и виноградом. В белых полотнищах приносили невиданный артос — круглые свежие хлебы, метровые в диаметре, золотистые на изломе, с медовым привкусом и зернышками тмина, — укладывали их посреди храма один на другой, высоким столпом.

В церкви не вмещалась и малая доля прихожан, молились под открытым небом. И над раскаленной каменистой землей, бесплодной или возделанной их руками, далеко разносились богослужебные песнопения, истово пропетые сотнями голосов, но единым духом.

Потом выносили столы и скамьи в тень с веющими запахами эвкалиптов и хвои, выставляли запотевшие кувшины с водой и вином, большие блюда с горками сыра, пирожков, фруктов. Священники благословляли народ и раздавали крупные ломти освященного артоса, — с него начиналось всякое застолье.

Казалось, что литургия на Патмосе никогда не кончается, а только переходит из селения в селение, из монастыря в скит, постепенно обтекая весь остров, освящая его и снова начиная годичный круг церковных праздников. А в монастыре Иоанна Богослова служили ее каждый день.

Иеродиакон Сильон. Монастырь св. Иоанна Богослова

После двух недель благословенной тишины мой пустынный затвор стали нарушать нечаянные гости, не уstraшенные крутизной спуска и подъема по тридцатиградусной жаре. Забрели две женщины — врач-психиатр из Голландии и пианистка, навсегда покинувшая Баварию ради прелести островного жития. Компания из шести французских студентов, попросив воды, часа три просидела под сенью моей смоковницы. Диякон Симеон, передававший мне через Григорию то иконки и книжки, то гостинцы из монастыря, однажды прислал их с преподавателем Петербургской духовной академии, а через день тот вернулся вдвоем с историком религий из Эссекса...

Со всеми этими столь разными людьми и со всеми, кто встретился мне в монастырях, мы говорили о Боге, о скитаниях и обретениях души на путях к Нему.

И с сыном правнука последнего императора и графини Шереметьевой, — князем Николаем Романовым, который с женой-итальянкой и друзьями отправлялся в плавание на яхте по греческим островам.

И с украинкой, «продавшейя в рабство» — завербованной в домработницы в Грецию и оставшейся без денег.

В монастыре собрали ей деньги на обратный путь и даже крестили ее в водах залива Кувари. Хор монахинь пел на берегу, ветер относил лодку с отцом Илией и гасил свечи. Растерянная, испуганная пятидесятилетняя Светлана в длинной холщовой рубашке шла в воду, как агнец на заклание. Ничего не понимала из читаемых над нею молитв, хваталась за веревку, которой удержи-

вали лодку с берега, боялась утонуть, хотя воды было по пояс, вдруг приговаривала совсем нехстати: «Я и плавать-то не умею». И плакала от счастья, когда все благополучно закончилось, а собравшиеся отметить ее обращение в рабу Божию поздравляли ее и угощали восточными сладостями... Это крещение в море осталось одним из памятных таинств тех светлых дней.

По утрам я просыпалась от дальнего звона колокольчиков — это пастух по склонам гор вел стадо коз куда-то, где еще не выгорели травы.

Потом ослепительным сиянием света разливалось над островом благословение Бога Живого.

Святые старцы, монахи и Григория с их духовными и земными дарами были проводниками Его любви, встречные — Его вестниками. В смене красок и состояний моря отражались Его бесконечность и красота.

Землю и море я видела здесь как единое освященное пространство, как храм, сотворенный и дарованный, чтобы мы преобразили жизнь в священнодействие. На Патмосе это совершалось с такой праздничностью, как будто и правда все еще длилась Пасха, прообразуя обетованное воскресение наших душ.

Духовно-просветительное издание

РЕЛИГИЯ. РАССКАЗЫ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Алфеева Валерия Анатольевна

**СВЯЩЕННЫЙ СИНАЙ
РАССКАЗЫ О СВЯТЫХ ЗЕМЛЯХ**

Директор редакции *Е. Капъёв*
Ответственный редактор *А. Богословский*
Выпускающий редактор *В. Айзатова*
Художественный редактор *П. Ильин*
Подбор иллюстраций *А. Сербин*
Верстка *Ю. Громова*
Корректор *Н. Литвина*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Альди-Принт»

В оформлении обложки использована фотография:
pandapaw / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүшт: «ЭКМО» ЖШК, Баспасы, 127299, Ресей, Москва, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3-а, Б литері, 1 көңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а, Б литері, 1 көңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о
техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 27.05.2013. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 15 000 экз. Заказ 8100.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-63980-9

9 785699 639809 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74,
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251,
E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8.
Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

2100

Эта книга - о паломничествах в древние монастыри Синая, Святой земли, на остров Платмос, где евангелист Иоанн Богослов получил откровение о новом небе и новой земле и написал Апокалипсис. Зримо, ярко переданные впечатления воскрешают в нашей памяти события Священной истории, судьбы великих святых, пророков, отшельников. Прошедшая и современная жизнь монастырей, библейские образы раскрываются в их непреходящем значении, в их вечной реальности, которая освящает наши души и восстанавливает разорванную связь времён.

новоспасский мужской монастырь

Валерия
Алфеева

Рассказы
о святых землях

СВЯЩЕННЫЙ
СИНАИ